

К ЮБИЛЕЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

УДК 94(470)“1812”

О.В. ЭДЕЛЬМАН

1812-Й ГОД И ГЕНЕЗИС ДЕКАБРИЗМА

канд. ист. наук
Государственный архив Российской Федерации,
г. Москва
e-mail: olga.edelman@gmail.com

Из мемуаров декабристов и их показаний на следствии известна роль Отечественной войны в генезисе тайных обществ в России. Патриотический подъем 1812 г., готовность пожертвовать собой за Отечество на поле брани трансформировались затем, в мирное время, в желание реформ для счастья своей страны. Но на следствии при ответе на вопросы о возникновении свободомыслия декабристы ссылались не на впечатления 1812 г., а на опыт походов 1813–1814 гг. Анализируя это противоречие, автор приходит к выводу, что представители декабристской генерации вкладывали в слово «свободомыслие» иной смысл, не вполне совпадающий с современным.

Ключевые слова: декабристы, мировоззрение, Наполеоновские войны, Отечественная война 1812 г., Французская революция.

Взаимосвязь наполеоновских войн и декабризма так или иначе обсуждается в огромном количестве работ общего порядка и, разумеется, в биографических исследованиях, посвященных отдельным декабристам. В узком же смысле историография этого вопроса весьма невелика, центральное место в ней по праву занимает книга Л.Я. Павловой [1]. Ее интересовали прежде всего выявление и обобщение сведений об участии декабристов в боевых действиях, вопрос о влиянии войн на становление декабризма рассмотрен ею лишь в заключении. Безусловно важна для понимания проблемы книга А.Г. Тартаковского [2], многие страницы которой посвящены непосредственно деятелям декабристского движения. Примечательно, что сама постановка темы «1812-й год и декабристы» обозначилась достаточно поздно и была приурочена к 150-летию юбилею Отечественной войны. Соответствующий раздел выделен лишь в третьем по счету библиографическом указателе декабристской литературы [3]. Таким образом, до начала 1960-х гг. вопрос о декабризме и наполеоновских войнах не рассматривался исследователями как значимый.

Принимаясь за данную статью, я хотела попутно прояснить для себя, видеть ли в этом недостаток старой историографии (обусловленный множеством причин, связанных и с логикой развития исторического знания, и с особенностями общественно-политической ситуации, которые сами могли бы стать предметом исследования), или же, напротив, в позднесоветское

время интерес к теме «1812-й год и декабристы» был преувеличенно раздут в угоду юбилеям (150-летие 1812 года в 1962 г., 150-летие восстания декабристов в 1975 г.) и сложившемуся затем привлекательному романтизированному образу, слившемуся воедино декабристов и героев 1812 г. Представляется нелишним заново попытаться определить масштаб и значение исследуемого явления, какими он видится сегодня.

«Мы были дети 1812 года» – эту выразительную фразу Матвея Ивановича Муравьева-Апостола невозможно не процитировать, коль скоро речь заходит о влиянии Отечественной войны на декабристов и людей их круга. Опыт переживания освободительной войны стал осмысляться историографией как один из важных этапов становления декабризма: патриотический подъем 1812 г., готовность пожертвовать собой за Отечество на поле брани трансформировались затем, в мирное время, в желание своей стране счастья, свободы и процветания, ради чего вчерашние герои войны по-прежнему готовы были жертвовать собой. Весьма убедительная логика этого построения не вызывала бы никаких вопросов и не требовала бы пояснений, если бы не одно озадачивающее обстоятельство.

Известно, что во время следствия, ближе к его окончанию, декабристам были розданы однотипные вопросные пункты, которые уже в составленных в самом Следственном комитете описях документов, приплетенных к каждому делу, стали именоваться «вопросами о воспитании». Они состояли обычно из 7 или

8 пунктов¹ и были направлены на уточнение личных данных и подробностей биографии обвиняемых (имя, возраст, вероисповедание, прохождение службы, присягал ли Николаю I), но главное – имели целью выяснить пути и причины распространения вольнодумства. Центральными были вопросы о том, где декабрист учился, кто были его учителя и, наконец, прямо сформулированный вопрос: «С которого времени и откуда заимствовали первые вольнодумческие и либеральные мысли, т. е. от внушений ли других или от чтения книг, и каким образом мнения сего рода в уме вашем укоренились?» Как правило, этот вопрос помещался под номером 7. Отвечая на него, декабристы придерживались различной тактики. Одни заверяли, что никогда не были вольнодумцами, другие обстоятельно и серьезно излагали ход своих мыслей, перечисляли прочитанные книги, впечатления от разворачивавшихся на их глазах исторических событий; некоторые ссылались на чье-то влияние; кто-то старался показать, что хоть и мыслил вольно, но ничего преступного в этом нет, другие выражали раскаяние в своих заблуждениях, и т. д. Как и с любым следственным показанием, работа с ответами на «вопросы о воспитании» требует внимательного анализа общей линии поведения каждого подсудимого, но при достаточно аккуратном источниковедческом подходе позволяет извлечь много ценнейшей информации. Ведь стараниями самого следствия мы имеем уникальный комплекс однотипных (записанных в сходных обстоятельствах, в ответ на одинаково сформулированный вопрос) суждений декабристов об их отношении к вольнодумству, генезису и составляющим этого явления.

Так вот, в ответах на п. 7 «вопросов о воспитании» среди обстоятельств, повлиявших на развитие свободомыслия, война 1812 г. никем из декабристов не была упомянута ни разу. И этот факт требует осмысления. В какой мере тезис о декабристах как «детях 1812 года» может быть подкреплен ссылками на их собственные тексты (причем синхронные событиям, а не мемуары, созданные много лет спустя в совершенно иной общественно-политической обстановке) и не является ли он в чистом виде привнесенным извне исследовательским конструктом?

Прежде всего, нужно помнить, что вопреки расхожему собирательному образу декабриста далеко не все участники тайных обществ являлись ветеранами и героями наполеоновских войн. По подсчетам Л. Федоровой, «из 570 человек, привлекавшихся по делу о тайных обществах, в Отечественной войне 1812 года и заграничном походе участвовали 115, а в Бородинском сражении – 65» [4, с. 89]. Исследовательница не сочла нужным отделить участников кампании 1812 г. от тех, кто был только в заграничных походах. Если бы она

это проделала, то число ветеранов 1812 г. приблизилось бы, вероятно, к числу бывших при Бородине. Многие декабристы по молодости лет начали свой боевой путь только в 1813 г., большинство же «опоздали родиться» и вступили в военную службу уже по окончании войн с Наполеоном. Но, впрочем, если даже Отечественная война не стала для них личным боевым опытом, то сопутствующий ей патриотический подъем они испытали в равной мере. По словам Н.М. Муравьева, «имея от роду 16 лет, когда поход 1812-го года прекратил мое учение, я не имел образа мыслей, кроме пламенной любви к отечеству» [5, т. 1, с. 294]².

В ответах на седьмой пункт кампания 1812 г. не упоминается. Зато среди факторов идейного влияния наряду с чтением там лидируют ссылки на впечатления от заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. и от последующих событий в Европе. «Свободомыслием первоначально заразился я во время походов во Францию в 1814 и 1815 годах; потом оно постепенно возрастало во мне от чтения разных современных публицистов» (К.Ф. Рылеев) [5, т. 1, с. 156]. «Прокламации союзных держав в 1813-м году, предлагавшие народам Германии представительное правление вместо награды за их усилия, обратили во-первых мое внимание на сей предмет, впоследствии я был утвержден в оном речью покойного государя императора к Сейму Царства Польского» (Н.М. Муравьев) [5, т. 1, с. 294–295]. «Свободный образ мыслей заимствовал я, по окончании войны с французами, из последовавших по утверждению мира в Европе происшествий, как то: преобразования Французской империи в конституционную монархию, обещания других европейских государей дать своим народам конституции и установления оных в некоторых государствах, присоединения Царства Польского со введением в оное такого же рода правления, первой речи покойного государя императора на Сейме в Варшаве» (С.П. Трубецкой) [Там же, с. 9]. «Вольно-безумно-думство мое заимствовал я со времени пребывания моего в чужих краях от духа времени тогдашнего, т.е. во время и после войны 1813 и 1814 годов» (А.Н. Муравьев) [5, т. 3, с. 8]. «С 1813 года первоначально заимствовался вольнодумческими и либеральными мыслями, находясь с войсками по разным местам Германии и по сношениям моим с разными частными лицами тех мест, где находился. Более же всего получил наклонность к таковому образу мыслей во время моего пребывания в конце 1814 и в начале 1815 года в Париже и Лондоне, как господствующее тогда мнение» (С.Г. Волконский) [5, т. 10, с. 108]. Да и автор афористичной фразы о «детях 1812 года» М.И. Муравьев-Апостол объявил, что «первые вольнодумческие и либеральные мысли я получил во время нашего пребывания в Париже в 1814 году. До того я не знал о существовании конституции» [Там же, т. 9, с. 216–217] (а между прочим он вместе с братом Сергеем Ивановичем воспитывался за границей и европейский уклад жизни был ему не в новинку).

¹ Восьмой пункт требовал изложить послужной список, он, по-видимому, не включался в вопросы тем из декабристов, чьи формулярные списки к моменту составления вопросов о воспитании уже имелись в Комитете. Ряд «северных» декабристов получил аналогичный вопросник еще более укороченным – из 4 или 5 пунктов. В этих случаях исключены были вопросы о возрасте, исповедании, присяге, если они были заданы данному декабристу раньше в ходе допросов.

² Цитата относится к ответам на «вопросы о воспитании», но не на вопрос № 7 о формировании вольного образа мыслей, а на предыдущий (чему он учился и какие слушал лекции).

Все это – участники событий. К.Ф. Рылеев начал свой боевой путь в 1814 г., Н.М. Муравьев в 1812 г. убежал из дома и пытался вступить в армию, а в походе 1813 г. был уже в строю, С.П. Трубецкой, А.Н. Муравьев и М.И. Муравьев-Апостол воевали с начала Отечественной войны, а С.Г. Волконский – еще с кампании 1806–1807 гг. Сравним с тем, что говорили их младшие сотоварищи, на войну не попавшие: «Недавние перевороты в правлениях Европы сильно на меня действовали» (П.Г. Каховский) [5, т. 1, с. 343], И.И. Пущин сослался на развитие свободного образа мыслей «по естественному ходу духа времени» [Там же, т. 2, с. 208].

Какую именно пищу для мысли давал этот «дух времени», со свойственной ему логической четкостью формулировок, отвечая на седьмой пункт «вопросов о воспитании», объяснил следствию П.И. Пестель: «Возвращение Бурбонского дома на французский престол и соображения мои впоследствии о сем происшествии могу я назвать эпохою в моих политических мнениях, понятиях и образе мыслей: ибо начал рассуждать, что большая часть Коренных Постановлений, введенных Революциею, были при Ресторации Монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем как все восставали против Революции, и я сам всегда против нее восставал. От сего суждения породилась мысль, что Революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может быть даже весьма полезна» [5, т. 4, с. 90]. Он же, получив в вопросных пунктах от 13 января сходный по содержанию вопрос («Каким образом революционные мысли и правила постепенно возрастали и укоренялись в умах? И кто, где начал и продолжал внушать и распространять оныя в государстве?»), ответил знаменитыми фразами о том, как «дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать» и как «происшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и следовавших времен, показали столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оныя производить» [Там же, с. 105].

Обратим внимание, что декабристы говорили здесь не только и не столько об, пользуясь современным нам языком, «экспорте идей», заимствовании опробованных уже в Европе политических форм. Рассуждения Пестеля открывают нам два очень важных момента. Во-первых, для наблюдателя той эпохи прежде статичный и стабильный миропорядок пришел в движение. Не случайно Пестель так нагнетает, подчеркивает динамизм событий, многократно повторяя слово «столько» – престолов, царств, переворотов. На глазах молодых офицеров монархии, казавшиеся самоочевидным, вечным, не подлежащим переменам способом правления, начали рушиться, заменяться республиками, преобразовываться в конституционные и парламентские. Если Великую Французскую

революцию до некоторых пор еще можно было считать единичной аномалией, то теперь уже перемены становились нормой и можно было говорить даже об их технологии («возможности и удобства оныя производить»). Более того, многие либеральные преобразования в 1813–1815 гг. осуществлялись самими монархами, и Александр I подавал выразительный пример. Отсюда проистекал второй момент, о котором говорит Пестель: изменилась моральная оценка этих переворотов, революция оказалась «не так дурна», как прежде считалось. Традиционная, еще феодальная система ценностей за считанные годы была пересмотрена, понятия чести и добродетели теперь включали, помимо верноподданнического служения государю, еще и гражданственность, а возможность противоречия между первым и вторым влекла за собой значительно большую степень личного выбора и личностной ответственности. Не то чтобы до того в России никто не задумывался о революции в положительном ключе; но всякое поколение заново переосмысляет полученный в ходе воспитания и образования багаж знаний, а декабристы в большинстве своем были воспитаны консервативно мыслящими родителями и наставниками, и детство их пришлось на период, когда русское дворянское общество испытывало ужас от кровавого яacobинского террора.

Прибавим еще один аспект, содержащийся, например, в показании И.Д. Якушкина: «Пребывание во время похода за границей вероятно в первый раз обратило внимание мое на состав общественный в России и заставило видеть в нем недостатки» [5, т. 3, с. 44]. О богатой пище для наблюдения и сравнения говорили также декабристы-моряки, бывавшие в заграничных плаваниях и в военное время, и позднее (Н.А. и М.А. Бестужевы, К.П. Торсон) [Там же, т. 2, с. 64–65; т. 1, с. 481–482; т. 14, с. 211].

Итак, в ответ на вопрос о возникновении свободного образа мыслей декабристы вспоминали впечатления кампаний 1813–1814 годов, но не 1812-й год с его патриотическим подъемом. Разве что у М.И. Муравьева-Апостола это прозвучало вскользь. Показав, что до 1814 г. не имел понятия о конституциях, он добавил: «Любовь к отечеству, которое мы спасли от ига Наполеона, меня одушевляла – чтение иностранных журналов, а наиболее le Constitutionnel, их укореняли» [5, т. 9, с. 216–217].

При этом ссылки на Отечественную войну в следственных делах декабристов обнаруживаются, хоть и немногочисленные. Но только не в ответах на «вопросы о воспитании», а в показаниях, данных в ответ на вопрос о причинах вступления в тайное общество. И в этих случаях выстраиваются логические цепочки, как раз увязывающие патриотический подъем, вызванный нашествием Наполеона на Россию, готовность жертвовать собой за Отечество на поле брани и последующий перенос ее в область внутренней политики. «Великие события отечественной войны, оставя в душе глубокие впечатления, произвели во мне какое-то беспокойное желание деятельности. Двукратное пребывание за границей открыло мне много

идей политических, о которых прежде не слыхивал» (М.А. Фонвизин) [5, т. 3, с. 71]³.

Весьма характерна в этом отношении записка-показание С.П. Трубецкого с объяснением причин создания тайных обществ, представленная им в Следственный комитет 27 декабря 1825 г. В этом довольно обширном тексте читаем:

Нападение Наполеона на Россию в 1812-м году возбудило в русских любовь к отечеству в самой высокой степени; счастливое окончание сей войны, беспримерная слава, приобретенная блаженной памяти покойным государем императором Александром Павловичем, блеск, коим покрывлось оружие российское, заставило всех русских гордиться своим именем, а во всех имевших счастье участвовать в военных подвигах поселило удостоверение, что и каждый из них был полезен своему отечеству. [...] Мы часто говорили между собой о бывших событиях, о славе государя, о чести имени русского, рассуждали, что уже быв каждый по возможности своей полезен отечеству в военное время, не должны быть бесполезны и в мирное, что каждый из нас, сопутствуя своему Государю в трудах военных, должен и в мирных подвигах его величества по возможности своей содействовать (С.П. Трубецкой) [5, т. 1, с. 23]⁴.

Трубецкой, конечно, относился к числу тех, кто стремился представить следствию тайные общества как почти что благонамеренное начинание в русле либеральных настроений самого Александра I. Но невозможно считать это одной лишь уловкой обвиняемого. Хотя бы потому, что и записки свои, созданные два десятилетия спустя, Трубецкой начал с того же самого мотива: «По окончании Отечественной войны имя императора Александра гремело во всем просвещенном мире; народы и государи, пораженные его великодушием, предавали судьбу свою его воле: Россия гордилась им и ожидала от него новой для себя судьбы» [6, с. 217]. Сходное восхищение императором можно найти и в записках других декабристов, например, им проникнут рассказ Н.И. Лорера «Из воспоминаний русского офицера» [7, с. 289–337], отголоски его слышатся в мемуарах И.Д. Якушкина [8, с. 77–78], у П.Н. Свистунова [9, с. 316–317] и т. д.

Историю тайных обществ Трубецкой выводил из патриотического энтузиазма 1812 г. Но выше мы цитировали его же ответ на «вопросы о воспитании», где отправной точкой вольнодумства были названы послевоенные события в Европе. Получается, что заграничные походы являются предысторией развития свободомыслия, а патриотизм 1812 г. – создания тайных обществ. Приведенные выше ответы декабристов на вопросы «о воспитании» подтверждают это, несколько парадоксальное, обстоятельство. Можно видеть две логические цепочки, которые описываются обособленно: любовь к Отечеству – готовность к самопожертвованию – вступление в тайное общество; и европейские преобразования – свободный образ мыслей. Эти две линии сопряжимы друг с другом, но

не синонимичны. Выходит, что для людей декабристской формации свободомыслие – это одно, а членство в тайном обществе – несколько иное, одно с другим связано, но не столь тесно и безусловно, как это стало мыслиться впоследствии.

Разумеется, историография всегда различала декабристов и людей их круга, разделявших в большей или меньшей мере их воззрения, но непричастных к тайным обществам. Как правило, это объясняется разницей темпераментов, жизненных целей, приводящими обстоятельствами, наконец, недостатком гражданского мужества и энтузиазма. Однако столь уникальный источник, как ответы на «вопросы о воспитании», рисует нам еще одну тонкую и важную грань, различающую принадлежность к тайному обществу и свободный образ мыслей⁵. Вернемся к показаниям тех из декабристов, кто отрицал свое свободомыслие.

Независимо от того, признавались ли они в причастности к тайным обществам, от подозрений в свободомыслии они отреклись в сходных выражениях. «Укоренение в себе чрез меру свободных мыслей и никаких своевольных и буйственных расположений я не чувствую, и ни словесно, ни письменно, ни на деле не доказал оных. Поведение мое, достаточно исследованное Комитетом, доказывает, что я ничем не явил равной испорченности и сходственности своего образа мыслей с другими членами» (П.А. Муханов) [5, т. 3, с. 180–181]. «Вольнодумцем я никогда не был, но всегда с возможным старанием и ревностью выполнял все возложенные на меня обязанности по службе. В чем ссылаюсь на свидетельство командиров и товарищей своих» (С.И. Кривцов) [Там же, т. 14, с. 379]. «Вольнодумства и либеральных мыслей никогда не имел, нигде и ни в чем оных не оказывал, никому не сообщал, равно и мне таковых не внушал никто. Вел себя во всякое время по службе и в обществах с начальниками и подчиненными прилично и сообразно званию моему» (И.Н. Хотяинцов) [Там же, т. 19, с. 41]. И так далее, вплоть до изумительной формулировки С.Г. Краснокутского: «В течение двадцати одного года, смело могу сказать, ревностной и бескорыстной службы, был всегда слепой исполнитель приказаний начальства и никого из своих подчиненных ни словами, ни примером не развратил» [Там же, т. 12, с. 75].

Итак, у этой группы декабристов свободомыслие ассоциируется со своеволием, «буйственным расположением», испорченностью, развратом, а доказательством его отсутствия могут служить отзывы начальства о примерном поведении. Таким образом, свободомыслие представляется категорией не столько интеллектуальной, сколько нравственной. Уместно вспомнить разобранный нами выше записку-показание С.П. Трубецкого, начинающуюся с фразы полемической: «Не должно полагать, чтобы люди, вступившие в какое-либо тайное общество, были все злы, порочны или худой нравственности и имели бы дурные и преступные намерения» [6, с. 82].

³ Ответ на вопрос о причинах вступления в тайное общество. Вопросные пункты без даты, ответы были прочитаны на заседании Следственного комитета от 2 февраля 1826 г.

⁴ Републикация по подлиннику [6, с. 85].

⁵ Ю.М. Лотман не использовал ответы на «вопросы о воспитании», но наблюдения о декабристском этосе, к которым он пришел, основываясь на других источниках, сходны в ряде принципиальных положений, и я, конечно же, опиралась на них [10].

В большинстве своем рассуждавшие так декабристы не принадлежали к передовым кругам столичной образованной аристократии, к интеллектуальной элите того времени. Это были выходцы из провинциального дворянства, армейские офицеры, носители более архаичного – по сравнению с их столичными ровесниками – мышления. За их представлением о свободомыслии как своеволии и безнравственности угадывается актуальная для конца XVIII в., но слабо отраженная в русских источниках реакция на вольнодумство как составную часть французского либертинажа. Именно свежая память об этом сомнительном контексте придавала в глазах людей декабристской генерации двусмысленность понятию «свободный образ мыслей» и мешала непосредственно увязать его с комплексом патриотических переживаний. И именно в устах этого поколения термин «свободомыслие» менял значение, утрачивая негативный моральный оттенок и окончательно закрепляясь в области сугубо политических идей. Этот процесс во всей своей незавершенности и нашел отражение в ответах на «вопросы о воспитании».

Через несколько десятилетий, когда декабристы принялись за написание воспоминаний, это переходное состояние уже отошло в прошлое, русское общество проделало значительную эволюцию, свободомыслие однозначно ассоциировалось теперь с политическими убеждениями, противостоящими официальной идеологии. Декабристы равным образом проделали этот путь, что отразилось в их мемуарных текстах. Нетождественность «свободомыслия» и участия в политическом тайном обществе, напряженный зазор между этими понятиями были забыты, и декабристская мемуаристика донесла до нас историю их идейного становления в слитной полноте: 1812-й год и патриотический подъем, заграничные походы и знакомство с конституционными установлениями, наблюдение европейского уклада, желание преобразований на благо своему отечеству (см. в записках С.П. Трубецкого, И.Д. Якушкина, С.Г. Волконского). Кроме того, за годы, прошедшие между восстанием декабристов и созданием их мемуаров, состоялось переосмысление исторического значения наполеоновских войн. Заграничные походы, на которых делался акцент на первых порах, отошли в тень вместе с восторгами от роли России и ее государя как спасителя Европы (этот мотив исчез из официальной риторики александровского царствования довольно быстро, по мере того как разочаровывала внешнеполитическая реальность с энергичными усилиями европейской дипломатии по нейтрализации влияния русского императора). Зато в

центр русского самосознания выдвинулся образ 1812 г. как освобождения своей земли от неприятельского нашествия [2]. Уже для А.И. Герцена и В.Г. Белинского 1812-й год был ключевым и переломным событием новейшей российской истории, по мнению Н.Г. Чернышевского, с 1812 г. «началась новая жизнь для России» [2, с. 15].

В этом новом общественном климате престарелый М.И. Муравьев-Апостол создавал свои мемуарные заметки, и неудивительно, что он испытал потребность подчеркнуть связь восстания декабристов с теми событиями, в которых и сам он, и многие его соотечественники когда-то принимали участие и оценка которых в глазах публики теперь столь возросла, превратив их в ключевые, в главный предмет отечественной гордости. «Каждый раз, когда я ухожу от настоящего и возвращаюсь к прошедшему, я нахожу в нем значительно больше теплоты. Разница в обоих моментах выражается одним словом: любили. Мы были дети 1812 года. Принести в жертву все, даже самую жизнь ради любви к отечеству было сердечным побуждением. Наши чувства были чужды эгоизма. Бог свидетель этому...» [11, с. 177–178].

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова Л.Я. Декабристы – участники войн 1805–1814 гг. М., 1979.
2. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.
3. Движение декабристов : указ. лит., 1960–1976 / ред.-сост. Р.Г. Эймонтова, сост. В.С. Барашкова, А.Ф. Лисман, Ю.И. Струков и др., отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1983.
4. Федорова Л. Статистические сведения о декабристах – участниках Отечественной войны 1812 года // Военно-исторический журнал. 1975. № 12.
5. Восстание декабристов. М.; Л., 1925–2008. Т. 1–21. (При ссылке в тексте указаны номера томов).
6. Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности / изд. подг. В.П. Павловой. Иркутск, 1983. Т. 1.
7. Лорер Н.И. Записки декабриста / изд. подг. М.В. Нечкиной. Иркутск, 1984.
8. Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы / изд. подг. В.И. Порохом, И.В. Порохом. Иркутск, 1993.
9. Сеистунов П.Н. Отповедь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов: в 2 т. / предисл. В.М. Боковой. М., 2008. Т. 2.
10. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25–74.
11. Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество / под ред. И.В. Пороха и В.А. Федорова. М., 1982.

Статья поступила
в редакцию 23.04.2012

УДК 070.1.271.2.94(470) "1812"

Н.Б. СИМОНОВА

**СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.
НА СТРАНИЦАХ ЦЕРКОВНОЙ ПЕЧАТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

канд. ист. наук
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
e-mail: sdnd@mail.ru

В статье показана специфика освещения торжеств, посвященных столетию победы в Отечественной войне 1812 г., на страницах церковной печати Сибири. Выделены общие черты такого рода материалов, опубликованных в епархиальных ведомостях. Отмечена роль Русской православной церкви в сохранении духовных традиций и исторической памяти русского народа.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Сибирь, церковь, духовенство, епархиальные ведомости.

Отечественная война 1812 г. входит в число самых значимых событий российской истории. Ей посвящена обширная историография как в России, так и за ее пределами. К концу XIX в. было написано почти 1 800 работ, посвященных данной теме. В связи со столетием войны 1812 г., которое широко отмечалось в России, вышло в свет еще около 600 публикаций. Значительно пополнилась историография войны 1812 г. и в советское время, особенно в годы борьбы с фашистской агрессией [1, с. 8]. В связи с 200-летним юбилеем внимание к этому знаменательному событию возросло.

Периодическая печать XIX – начала XX в. сыграла значительную роль в сборе фактов, в освещении событий той эпохи. Материалы об Отечественной войне 1812 г., о юбилейных торжествах публиковались не только в центральной печати, но и в периферийных изданиях, где порой появлялись оригинальные исследования [1, с. 9]. Однако вопрос об особенностях освещения торжеств, посвященных столетию победы в Отечественной войне 1812 г., на страницах церковной печати Сибири исследователями специально не разрабатывался. Внимание к данной проблематике не случайно. Анализ материалов, опубликованных на страницах епархиальных ведомостей, издававшихся Тобольской и Томской епархиями, позволяет получить, с одной стороны, дополнительные данные о деятельности духовенства, населения региона в условиях Отечественной войны, а с другой – информацию о праздничных мероприятиях в Западной Сибири, активную роль в подготовке и проведении которых играла Православная церковь.

Первая публикация, посвященная грядущему юбилею – «Воззвание», опубликованное и в «Тобольских», и в «Томских епархиальных ведомостях» (в № 1 и 2 за 1912 г. соответственно). В нем звучит призыв собирать пожертвования для «сооружения храма-памятника на костях 22 тыс. русских храбрецов, павших

в великой битве народов под Лейпцигом в 1813 г.»¹. Единственный пример в нашем случае, когда тексты почти идентичны. Опубликовано «воззвание» в официальных отделах изданий – редкое исключение [2; 3], большинство материалов этой тематики публиковались в отделах неофициальных².

Затем материалы, посвященные войне 1812 г. и юбилейным торжествам, появляются на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» в № 11 от 1 июня 1912 г., а в «Томских епархиальных ведомостях» только в № 15 от 1 августа 1912 г. Всего в «Томских епархиальных ведомостях» было опубликовано 11 материалов в девяти номерах из 24, изданных за год, общим объемом около 90 страниц. В «Тобольских епархиальных ведомостях» вышло семь материалов в 10 из 24 номеров общим объемом около 70 страниц.

Жанры такого рода материалов, опубликованных в епархиальных ведомостях, были весьма разнообразны: аналитические статьи, исторические очерки, репортажи, речи и др. Так, в «Тобольских епархиальных ведомостях» было опубликовано два официальных документа, три речи, два библиографических обзора и один исторический очерк³.

¹ Ныне действующий Свято-Алексиевский храм-памятник русской славы в Лейпциге был построен и освящен 4 (17) октября 1913 г.

² Письмо главного редактора «Сельского вестника» от 30 июня с. г. за № 519 на имя Преосвященного Алексея, епископа Тобольского и Сибирского // Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 14; Высочайший манифест // Там же. № 18.

³ «Школьный листок», выпускавшийся как приложение к «Тобольским епархиальным ведомостям», опубликовал отчеты о юбилейном вечере духовно-учебных заведений г. Тобольска в память столетия Отечественной войны (№ 21, автор – «Местный») и о 100-летнем юбилее Отечественной войны в Чашинском приходе (№ 22, автор – заведующий церковными школами Чашинского прихода, священник Алексей Воскресенский), а № 18 полностью состоял из стихов М. Лермонтова, А. Пушкина, А. Хомякова и др., посвященных войне 1812 г.

Автором исследования «Отголоски Отечественной войны 1812 г. среди тогдашнего духовенства Тобольской епархии», напечатанного в шести номерах [2], являлся преподаватель Тобольской духовной семинарии Н.А. Бирюков; авторами «речей» – такие разные по социальному статусу персоны, как епископ Тобольский Алексей и воспитанник IV класса Иван Карпов. В «Тобольских епархиальных ведомостях» не помещено ни одной перепечатки из других источников.

В «Томских епархиальных ведомостях» было опубликовано два официальных документа, три речи, два исторических очерка, четыре репортажа. Статью «Отечественная война и духовенство» перепечатали из сборника «Столетие отечественной войны», статью «Великий исторический юбилей» монахини Серафимы (Сабининой) – из «Московских церковных ведомостей», отсюда же – 40-страничный репортаж «Бородинские торжества» о праздновании юбилея в столицах, авторами «речей» являлись епископ Макарий и профессор, митрофорный протоирей Д.Н. Беликов [3, с. 491]⁴. Репортаж о праздновании юбилея в г. Бийске опубликовал священник И. Акулов, в г. Томске – автор под псевдонимом «Т.В.», отчеты о праздновании в духовно-учебных заведениях г. Томска и в Томском духовном училище напечатаны без указания авторов. В целом более половины от общего объема опубликованных в «Томских епархиальных ведомостях» материалов о войне 1812 г. – не оригинальные материалы, а заимствованные из других печатных изданий.

Материалы епархиальных ведомостей Западной Сибири, посвященные Отечественной войне 1812 г., можно разделить на два больших блока: 1) описание боевых действий, морального духа Русской армии, роли духовенства в освободительной борьбе и 2) освещение юбилейных торжественных мероприятий.

Особого внимания заслуживает исследование Николая Аполлоновича Бирюкова⁵ «Отголоски Отечественной войны 1812 г. среди тогдашнего духовенства Тобольской епархии», первая часть которого была опубликована в «Тобольских епархиальных ведомостях» в июне 1912 г. В ней автор указывает: «исторические сведения и... архивные документы дают нам возможность изобразить участие духовенства Тобольской епархии в пожертвовании на нужды войны, готовность его принять участие в ополчении для борьбы с Наполеоном и, наконец, его материальную помощь соотечественникам, пострадавшим от нашествия неприятеля» [2, с. 244].

В публикациях подчеркивается, что именно церковь становится центром консолидации усилий

по информированию населения о происходящих событиях, созданию ополчения, сбору пожертвований на нужды армии и пострадавших в результате войны, формированию патриотических настроений. Освещается взаимодействие церкви и светских органов управления. Обычной практикой было предварительное согласование мероприятий между губернатором и руководством епархии. В продолжение статьи «Отголоски Отечественной войны...» автор дает достаточно объективную оценку «призывной кампании» 1812 г., скрупулезно перечисляет причины, по которым из тех или иных монастырей, духовных правлений не было отправлено ни одного ополченца. Указывает автор и на то, что иногда желание поступить в ополчение было вызвано «некоторыми своекорыстными расчетами, намерением, например, избавиться от наказания за совершенный проступок». Так, находившийся под следствием пономарь К. Серебрянников имел «непременное свое желание вступить в новое ополчение» [4, с. 466]. Некоторые церковнослужители хотели использовать службу в ополчении как своего рода «социальный лифт» или возможность посмотреть новые места: «объявили собственное свое желание с подпискою к поступлению в ополчение... с тем, чтобы оно служение продолжать ими не в здешних губерниях, но в столице Москве» [Там же, с. 467]. Автор приводит полный список всех, высказавших желание записаться в ополчение, но сообщает, что «в общем дело это ограничилось платоническими пожеланиями некоторых лиц вступить в ополчение, что по обстоятельствам войны им не пришлось принять фактического участия в борьбе с врагом, потому что отечество не имело уже нужды в тех жертвах, которые они готовы были принести» [5, с. 591].

Компенсировать это духовенство Тобольской епархии смогло, приняв активное участие в помощи пострадавшим от войны. В 1812–1813 гг. в обществе активно обсуждался вопрос о создании «комиссий о попечении над жителями, вышедшими из мест, занятых неприятелем». Основная задача таких комиссий состояла в сборе денег для пострадавших посредством специальных кружек, установленных в церквях. Судя по материалам, опубликованным в 1912 г., такие проекты выдвигались и в Томской, и в Тобольской губерниях, они были поддержаны духовными и губернскими властями, но с низшими гражданскими властями на этой почве иногда возникали трения, которые, впрочем, благополучно разрешались. Еще одним способом сбора пожертвований стала «подписка», организованная по инициативе комитета, образованного в Петербурге под председательством императрицы Елизаветы Алексеевны, обратившегося за содействием к епархиям. Всего в Тобольской епархии в результате подписки было собрано 7 806 р. 86 к. Кроме того, предполагался и такой способ помощи пострадавшим, как размещение их в монастырях. Связанные с этой деятельностью ситуации бывали курьезными: «Монастыри и духовенство Тобольской епархии, по мере своих средств, пришли на помощь своим пострадавшим от войн соотечественникам. Впрочем, по своей бедноте и недостатку помещений, монастыри не могли обещать существенной помощи выходцам

⁴ Беликов Дмитрий Никанорович (1852–1932) – сибирский церковный историк, общественный деятель. В 1889 г. назначен профессором богословия Томского университета, заведовал там кафедрой богословия до 1904 г., с 1900 г. преподавал богословие и в Томском технологическом институте. В 1905 г. избран в бюро Томского отдела «Союза 17 октября», в 1906 г. стал членом Государственного Совета.

⁵ Н.А. Бирюков (1861–1930) в 1902 г. организовал церковное древлехранение, был в течение многих лет председателем Архивной комиссии Тобольского епархиального братства.

из России. *Кроме того, и нужды в этом не оказалось, потому что таковых выходцев в Западную Сибирь не явилось*» (курсив мой. – Н. С.) [5, с. 595].

В «Слове, сказанном в день 100-летнего юбилея Отечественной войны 26 августа 1912 г.», епископ Тобольский Алексей, с одной стороны, точно обозначил численность войск, основные даты и факты, связанные с войной 1812 г. (протитировал, например, Высочайший манифест с призывом защитить свою страну), а с другой – использовал былинные, почти сказочные языковые средства для описания событий тех дней: «И лишь кликнул царь свой народ на брань, *вдруг со всех сторон поднялась Русь... И поднялась Русь, собрала детей, стариков и жен, приняла гостей на кровавый пир. Стали русские стеной и отстояли трон и царство*». Здесь же в контекст оказались вписаны и знакомые всем слова М.Ю. Лермонтова: «Но взять Москву ему (Наполеону) пришлось лишь после Бородинского боя, где враг наш горьким опытом изведal, *что значит русский бой удалый...* И конечно, если б на то не *Божья воля, не отдали б мы Москвы*» [6, с. 384].

В «Томских епархиальных ведомостях» в июле и августе 1912 г. была опубликована статья «Отечественная война и духовенство». В отличие от статьи «Отголоски Отечественной войны 1812 г. ...», посвященной только духовенству Тобольской епархии, автор «Отечественной войны...» не ограничился освещением роли только местного духовенства. Это объясняется, видимо тем фактом, что материал перепечатан из сборника «Столетие отечественной войны» и не ориентирован лишь на читателей Западной Сибири. Внимание читателей обращается на то, что «набожность и благочестие русского народа, результат многовековой деятельности белого и черного духовенства, явились одним из самых важных факторов, вызвавших такое необычайное, встреченное Наполеоном первый раз, сопротивление» [7, с. 792]. Автор подчеркнул, что российское духовенство во время войны не только молитвой и наставлениями помогало своему народу: «Вместе со всеми сознательными патриотами оно заботилось также о том, чтобы неприятелю доставалось возможно меньше добычи, и московское духовенство... великолепно выполнило задачу увезти и спрятать громадные драгоценности Кремля». А еще «некоторые священники и монахи оставались в Москве, и вместе со многими другими, не покинувшими древней столицы, жителями, заманивали в засаду неприятелей, брали их в плен, отнимали пищевые транспорты и проч., проч.» [8, с. 850]. С определенной долей юмора и сарказма, несколько неожиданного в данном издании, автор приводит такой эпизод: «За обедом Наполеон расспрашивал русского государева посла (А.Д. Балашова) о состоянии Москвы, и между прочим произошел следующий диалог: А домов сколько в Москве? – Десять тысяч. – А церквей? – Более 240. – К чему такое множество? – Русский народ набожный. – Полноте, какая теперь набожность? – Извините меня, Ваше Величество, может быть в Германии и Италии мало набожных, но их много в Испании и России». Явно звучит намек (на что и указывает автор статьи) на неудачи Наполеона в Испании, где против него велась ожесточенная партизанская война [Там же, с. 850].

Здесь необходима небольшая ремарка. Диалог между Наполеоном и Балашовым, приведенный неизвестным автором в «Отечественной войне...», почти дословно совпадает с текстом из романа «Война и мир» [9, т. 3, ч. 1, с. 36]. Возможно, это «совпадение» объясняется тем, что, согласно данным А.И. Рейтблата [10, с. 282], самым читаемым автором в России, на основании отчетов публичных библиотек, был Л.Н. Толстой, отлученный, кстати, от церкви в 1901 г. Может быть, именно поэтому сей эпизод приводится без ссылки на источник.

Отношение к Наполеону в обществе, судя по публикациям, не было однозначным. С одной стороны, в особом указе Синода «Наполеон был объявлен врагом христианства и борьба с ним объявлялась религиозным подвигом» [7, с. 797]. Другая крайняя точка зрения прозвучала в речи, произнесенной Д.Н. Беликовым в храме Томского университета по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 г.: «Там, во Франции, выступил на арену мировой деятельности колосс с такой гениальностью в военном деле, с такой широтой замысла и предприимчивостью, с такой огромной силой неуклонно-настойчивой воли, которые ставят его вровень с историческими величинами того же рода, вровень с А. Македонским, Анибалом и Цезарем, или даже, в смысле превосходства, выделяя его из них» [11, с. 981]. Поддерживает ее и И. Ливанов – настоятель церкви, смотритель Томского духовного училища. Он так охарактеризовал Наполеона: «100 лет назад на западе Европы явился гениальный человек по имени Наполеон Бонапарт. Природа одарила его блестящими способностями: он был удивительно умный и с железной волей человек, но без доброго сердца» [12, с. 1266].

Не меньший интерес представляют материалы о юбилейных торжествах. В № 19 «Томских епархиальных ведомостей» под общим заголовком «Бородинские торжества» были перепечатаны материалы «Московских ведомостей» и «Московских церковных ведомостей» о праздновании юбилея в столицах. Материалы эти занимают 40 страниц, здесь скрупулезно описываются торжества в Москве, Высочайший выход в Успенский собор, торжественное заупокойное богослужение, цитируются речи, произнесенные на мероприятиях, проходивших в течение пяти дней, с 25 по 30 августа, в Москве, Санкт-Петербурге, на Бородинском поле [13, с. 1022–1062].

Большое внимание на страницах «Томских» и «Тобольских епархиальных ведомостей» уделялось подготовке и проведению торжеств в Томске, Тобольске, Бийске и т. д. В № 18 «Томских епархиальных ведомостей» опубликован репортаж о праздновании 26 августа 1912 г. юбилея Бородинской битвы в Томске, в № 20 – в Бийске. В Томске празднование началось в 6 утра на площади перед Иверской часовней. В нем приняли участие 42-й Сибирский стрелковый полк, горная батарея, конвойная команда (парадом командовал полковник В.И. Марченко), должностные лица, учащиеся мужской гимназии с оркестром музыки, воспитанницы казенной и частной женских гимназий, ученики ремесленного училища и мужских

и женских городских начальных школ, воспитанники 1-го Алексеевского реального училища (в белоснежных костюмах, со знаменем и оркестром), празднично одетые горожане. «Ровно в 8 утра три гулких пушечных выстрела возвестили начало торжества» [16, с. 987]. После того как участники мероприятия собрались на площади, раздалась команда «на молитву». «Торжественные звуки гимна “Коль славен” четырех оркестров огласили воздух. *Минута была торжественная, умильная*» [14, с. 988]. Далее начался молебен, завершился праздник парадом и крестным ходом.

Автор репортажа о праздновании в Бийске также не мог скрыть своих эмоций: «Чудная погода усугубляла торжественность момента и окрыляла дух верующего человека. Солнце ослепляло своими лучами. Небесная лазурь смягчала яркий свет солнечных лучей. Всюду чувствовалась и сознавалась великость и важность переживаемого момента. Так и хочется воскликнуть: наступлению этого великого молитвенного момента ликует небо и земля» [15, с. 1152].

Синодом еще весной 1912 г. был разработан «типовой» план празднования для *духовно-учебных заведений и церковно-приходских школ*. С учетом того, что в конце августа, когда планировались основные торжества в стране, учащиеся будут еще на каникулах, официальное празднование, по плану, было перенесено на 11 октября – день «очищения Москвы французами» [16, с. 1197]. Для учащихся устраивались чтения по истории Отечественной войны, в одних школах – с привлечением преподавателей, в других – силами самих учеников. Учащиеся выступали с песнями и стихами патриотического содержания. Проводились «в местных электротئاتрах сеансы синематографических картин» [16, с. 1199]. Эти мероприятия имели большое воспитательное значение. В епархиальном женском училище ученицы «на экране имели счастье созерцать в живых движениях своего обожаемого государя императора, государыню императрицу, наследника их и других членов августейшего семейства; при помощи синематографии они приблизились к тем блестящим торжествам, какие происходили в сердце России – и должны были почувствовать, что и они здесь, в далекой Сибири, составляют часть единой великой Российской империи и они воодушевляются одними чувствами с могучим русским народом» [18, с. 1202].

Практически во всех материалах, посвященных войне 1812 г., будь то речи, статьи или тексты других жанров, опубликованные в епархиальных ведомостях, можно выделить общие черты: обязательно присутствует описание событий войны, приводятся статистические данные о количестве участников сражений и погибших, имена героев войны, подчеркивается тесная связь императора и его семьи с церковью и народом, а также особая роль духовенства в формировании и поддержании боевого духа русской армии в этой войне. Неоднозначным выглядит отношение к Наполеону. Одними авторами (и таковых большинство) он представлен как циничный и жестокий враг, неверующий, полагавшийся только на свою «счастливую звезду», другими – как величайший полководец. Авторы еди-

нодушны во мнении, что Россию спасли «храбрость русских войск, народное одушевление и стойкость», которые поддерживались верностью вере. Как подчеркнул Д.Н. Беликов в своей речи, произнесенной в храме Томского университета, «...русские увидели в походах Наполеона нашествие на наше Отечество с воспламеняющею опасностью для того, чем искони красилось и красится наше Отечество, что составляет его высшее, лучшее достояние, что русской душе драгоценнее всего, – с опасностью для веры» [11, с. 985]. Торжественные мероприятия, связанные со знаменательным юбилеем, проходили по всей России. Наиболее масштабными они были, конечно, в Москве, Санкт-Петербурге и на Бородинском поле. Пожалуй, впервые в истории России были использованы новейшие технические средства для того, чтобы жители провинции смогли увидеть эти торжества. Мероприятия эти были направлены на укрепление веры, патриотических и верноподданнических чувств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жилин П.А. Отечественная война 1812 года. М., 1988.
2. Бирюков Н. Отголоски Отечественной войны 1812 г. среди тогдашнего духовенства Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 11.
3. Покровский Н.Н. Димитрий (Беликов Дмитрий Никанорович) // Историческая энциклопедия Сибири: 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 1.
4. Бирюков Н. Отголоски Отечественной войны 1812 г. среди тогдашнего духовенства Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 20.
5. Бирюков Н. Отголоски Отечественной войны 1812 г. среди тогдашнего духовенства Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 24.
6. Алексей (епископ Тобольский). Слово, сказанное в день 100-летнего юбилея Отечественной войны 26 августа 1912 г. // Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 17.
7. Отечественная война и духовенство // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 14.
8. Отечественная война и духовенство // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 16.
9. Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1983. Т. 3.
10. Рейтблат А.И. Читательская аудитория в начале XX века // От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.
11. Беликов Д.Н. Речи, произнесенные профессором, митрофорным протоиреем Д.Н. Беликовым во храме Томского университета по случаю 100-летия Отечественной войны // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 18.
12. Празднование 100-летия Отечественной войны в Томском духовном училище // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 22.
13. Бородинские торжества // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 19.
14. Народный праздник // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 18.
15. Акулов И. Праздник 100-летнего юбилея Отечественной войны в г. Бийске // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 20.
16. Празднование столетия Отечественной войны духовно-учебными заведениями г. Томска // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 21.

Статья поступила
в редакцию 12.04.2012

УДК 94(470)“1812”

Е.Н. ТУМАНИК

**«ОБРАЗ ЖИЗНИ, КОТОРЫЙ ВЕДУТ В АРМИИ»:
ДЕКАБРИСТ А.Н. МУРАВЬЕВ В 1812 г.**канд. ист. наук
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: t.katharina@ngs.ru

В статье на примере военной биографии декабриста А.Н. Муравьева освещается повседневная жизнь Русской армии в 1812 г., показано, какую роль сыграл повседневный опыт войны в процессе нравственного формирования личности будущего основателя первых тайных политических обществ в России.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., декабристы, повседневная жизнь, русская армия.

Отечественная война 1812 г. явилась определяющим, главным событием в судьбах людей той эпохи – и не будет большим преувеличением принять это утверждение за своего рода аксиому. Конечно же, это относится и к декабристам; и давно уже хрестоматийными стали знаменитые слова М.И. Муравьева-Апостола: «Мы были дети 1812 года...» В 1857 г., как бы перекликаясь со своим другом, соратником по тайному обществу и по оружию, декабрист Александр Николаевич Муравьев, в то время нижегородский губернатор, написал брату Н.Н. Муравьеву-Карскому: «Скажу как и ты: ведь мы порождение 1812 года!» [1, с. 345]. Что же стояло за этими словами? Вся последующая жизнь этих людей и их вклад в историю России – 1812-й год стал для них категорией мышления и мировосприятия, точкой опоры, шкалой нравственных ценностей и приоритетов.

Очень важно акцентировать внимание на том, в каких условиях сформировались характеры будущих декабристов. Безусловно, уже много раз доказано идеологическое влияние войны на судьбы «первенцев свободы», но нужно иметь в виду и то, что А.Н. Муравьев, со свойственной ему точностью взгляда, называл «образом жизни, который ведут в армии». Подчеркнем – в действующей русской армии образца 1812 г. Именно постижение этого феномена поможет нам объяснить, в частности, почему декабристы – представители аристократии – вынесли нечеловеческие условия содержания в Петропавловской крепости, в том числе и моральные, дорогу в Сибирь и сибирские тюрьмы, сохранив в этих тяжелейших испытаниях не только человеческое достоинство, твердость духа, но и убеждения. И, главное, почему они не испугались ни следствия, ни тюрьмы, ни заточения; почему, по большому счету, их не удалось сломить. Объяснение простое – позади был 1812-й год – человеку, прошедшему такое испытание в самой ранней молодости, наверное, было по плечу абсолютно все... Но о феномене героев 1812 г., как это ни парадоксально, лучше всего сказал не историк, а поэтесса М. Цветаева: «...Вам все вершины были малы И мягок – самый черствый хлеб...»

И здесь мы переходим к пока малоизученному и новому аспекту темы, о котором не было принято говорить ранее – о суровой военной повседневности; именно в ней выковывалось мужество героев эпохи, умение преодолевать тяжкие лишения и презирать смерть. Повседневная жизнь русского офицера в 1812 г. в последнее время стала объектом внимания в нашей историографии [2]. Взглянем же на эту тему в частном ракурсе, что поможет обогатить общие представления о данном явлении – на примере военной биографии декабриста А.Н. Муравьева – основателя первых тайных политических обществ в России, Союза спасения и Союза благоденствия.

Казалось бы, основным источником для нашей темы должны были бы стать военные воспоминания самого А.Н. Муравьева, но его «Записки» дают мало информации о военной повседневности и ее личном восприятии. Нельзя сказать, что она оказалась совершенно стертой из памяти автора, писавшего свои мемуары на склоне дней; яркие упоминания об этом сохранились, она оставалась по-прежнему значимой в разряде суровейшего жизненного опыта, не померкнущего даже несмотря на последующие испытания судьбы. Но момент личного участия и сострадания собственным переживаниям молодости сменяется у А.Н. Муравьева воспитательным контекстом, адресованным, конечно же, молодым современникам.

Таким образом, описание своих горьких впечатлений, лишений и тягостей военного быта, граничащих тогда с ужасом, переходит в разряд почти обыденных нравоучений. Но, надо признать, не совсем; хотя личное и уходит на второй план, его с лихвой замещает образная и очень сильная передача апокалиптического характера войны 1812 г. – именно такой отложилась она в памяти декабриста, эти емкие характеристики усиливаются с помощью повествовательного приема рефрена – А.Н. Муравьев практически в одном месте дважды, с нарастающей силой описывает все те страдания, которые пережил народ во время французского нашествия [1, с. 123, 125]. И становится ясным, что полно рассказать об «образе жизни, который ведут в

армии», могут помочь только «горячие источники», созданные по свежим следам событий – дневники и письма. К счастью, существуют информативнейшие «Записки» Н.Н. Муравьева-Карского, написанные на основе поденных записей 1812 г., где, само собой, много говорится и о старшем брате мемуариста – Александре [3]. Именно они дают наиболее объективную картину военной повседневности 1812 г., какой она была для А.Н. Муравьева. Н.Н. Муравьев-Карский являлся непосредственным действующим лицом и очевидцем тех событий, он прошел многие этапы войны рядом со своим старшим братом и нередко отдавал должное его мужеству и стойкости в тех условиях, хотя и от него самого требовалось то же самое... [4] Сохранилось, кроме того, несколько писем самого декабриста к супругам Бакуниным, написанных как раз по свежим впечатлениям военных действий. Более объективно и живо, хотя и кратко, военный быт охарактеризован А.Н. Муравьевым как раз в этих посланиях. Но здесь стоит учитывать особый момент – как человек мужественный и сильный духом, Муравьев никогда не стал бы описывать все бедствия и ужасы, которые испытал и свидетелем которых был. Подчеркнем несколько «бравый» тон его писем – и это выглядит вполне естественным, что, кстати, прямым образом свидетельствует о твердом характере тогда еще молодого человека. Несколько забегаая вперед, отметим, что, по свидетельству Н.Н. Муравьева-Карского, А.Н. Муравьев действительно с небывалой стойкостью переносил тяжелейшие военные будни. Нельзя не признать, что подобный расклад источников достаточно удачен – личные, пусть подверженные некоторой аберации памяти, воспоминания участника событий, накладываются на его «свежие» эпистолярные свидетельства и дополняются мемуарами третьего лица, составленными на базе дневников.

Итак, «Записки» А.Н. Муравьева доносят до нас картину военного «образа жизни», но назвать ее живой достаточно сложно. Тем не менее, примем ее за основу – она достаточно образна и информативна, хотя и выглядит уже во многом как «каноническое» описание. Прежде всего, обратим внимание на то, что всю войну до Тарутина А.Н. Муравьев провел в арьергарде, а наступательную кампанию – в авангарде, исполняя, как офицер Генеральского штаба, свои непосредственные квартирмейстерские обязанности (Бакуниным он написал, что «служил начальником штаба в разных отрядах»), а также используя любую возможность для участия в сражениях в рядах тех войск, к которым был прикомандирован, преимущественно в кавалерийских атаках [1, с. 163; 5, с. 115]. При этом его единственным оружием «во всю войну», вероятно, по принципиальным соображениям, была только одна сабля, которою он, по его собственным словам, «ловко владел» [1, с. 109]. Один из подобных эпизодов обычного арьергардного «дела» можно восстановить по воспоминаниям Н.Н. Муравьева-Карского – вечер сражения при Чирикове 17 сентября 1812 г., где командовали гр. М.А. Милорадович и гр. В.В. Орлов-Денисов. Ярко, образно, просто и реалистично описывает он это событие – поводом для штурма послужила вновь прибывшая французская батарея, которая «поливала»

картечью ряды русских войск: «...Милорадовича тут уже давно не было, граф Орлов был пьян.

“За мной!” – закричал он, подернув усом. За ним было человек шесть лейб-казацких ординарцев, брат и я; мы пустились с обнаженными саблями за Орловым. Французские фланкеры испугались и бежали; мы их несколько преследовали... и вернулись, не потеряв никого. ...Орлов ...послал сделать рекогносцировку неприятельских ведетов¹» [6, с. 361]. Совершенно будничный рассказ об очередной стычке с неприятелем сменяется у мемуариста таким же будничным повествованием о бытовых условиях, в которых существовали офицеры на войне: «По возвращении мы легли в грязь подле огня, привязав лошадей к шарфу. Дождь шел всю ночь. Французы изредка пускали ядра по нашему огню; но мы так утомились, что, несмотря на это, уснули» [6, с. 361].

Из воспоминаний самого А.Н. Муравьева мы узнаем, что ему (немаловажная деталь!) в первые же дни войны пришлось сразу же научиться обходиться без слуги, который следовал в общем обозе и не всегда успевал за действующей армией, – это касалось ухода за лошадьми и продовольствия [1, с. 93]. Второе важнейшее обстоятельство – из-за бедности и Александр Муравьев, и его братья Николай и Михаил могли рассчитывать только на свое «скудное жалование», и бедствовали вдвойне из-за голода, нехватки теплой одежды и вообще постоянной нужды «во всем». Им становилось несколько легче только тогда, когда они собирались вместе, благодаря соединению отрядов, в которых служили и вели общее хозяйство офицерской артиллерии [1, с. 96, 105]. Их бедственное положение многократно и драматично отражено в «Записках» Н.Н. Муравьева-Карского. Служба в арьергарде была чрезвычайно сложной во многих отношениях – постоянные стычки с передовыми частями французских войск; необходимость удерживать их такими локальными сражениями наслаивалась на объективные трудности почти полного отсутствия провианта и фуража вследствие того, что отряды двигались «по следам» всей отступающей армии, когда «не оставалось даже соломы для биваков и дров для разведения огня» [1, с. 106]. Вспоминая отступление из-под Вязьмы, А.Н. Муравьев отмечал, что, по его мнению, тогда ему было особенно трудно, и он «более многих страдал от голода, потому что не имел денег для покупки кое у кого и где только мог сухаря». Один эпизод особенно запомнился Муравьеву на всю жизнь: «Мне случалось однажды два дня оставаться совершенно без всякой пищи, с услаждением насытился кусочком свиного жира, который один казак достал из-под потника своего коня. Кусок этот был покрыт лошадиной шерстью» [1, с. 106]. И здесь, годы спустя при описании пережитого, тех незабытых страданий, которые, как чувствуется, все еще были живы для декабриста, он переходит к нравоучительному моменту и обращает к нему все свое дальнейшее повествование:

Тут я на опыте узнал, какой вред наносит молодому воину прихотливость и гадливость, к которым теперь прича-

¹ Ведеты – ближайший к неприятелю конный караул, цепь часовых.

ются юноши. Не в свое время умыться, утереться полотенцем, не совсем чистым, не часто переменять белье, разрывать мясную пищу и есть руками, пить из невзрачной кружки или посуды, не лишенной дурного запаха, ложиться, не раздеваясь, и спать на сырости или в грязи, под дождем или в курной избе, наполненной тараканами и другими гадами, и тому подобные обыденные необходимости отталкивают их от службы и исполнения своих обязанностей или делают их неспособными для пользы, которая от них ожидается, потому что они приучены к так называемому комфорту и изнежены своим воображением и привычками [1, с. 106–107].

И в этом ярко чувствуется сильная и привлекательная черта личности А.Н. Муравьева – он не стал бы писать обо всем вышесказанном, чтобы просто рассказать, какие лишения довелось испытать в молодости, он не видел в этом смысла и просто умолчал бы о своих тяжелых воспоминаниях, если бы не ставил перед собой цели сделать из всего пережитого когда-то урок для молодого поколения, которое благодаря таким реляциям памяти о военной повседневности – неизбежного фона боевых подвигов, должно было перенять опыт мужества героев 1812 г. В последних словах заключена мораль людей того поколения и декабристов в том числе – именно «обыденные необходимости», умение стойко преодолевать их так же важны, как и более высокие материи, движущие людьми. А.Н. Муравьев сознательно делает вывод, что именно тяжелая повседневность, неумение бороться с ней, способны оттолкнуть слабых духом от боевых подвигов, служения Отечеству и общественной пользе.

Но тем не менее, запечатлев в своей памяти все эти тяготы, даже годы спустя А.Н. Муравьев сохранил свое главное впечатление от тех дней:

...Я считал себя счастливым, что уже всякий день при отступлении находился пред неприятелем и во всех с ним стычках и сражениях, что продолжалось до того времени, как я занемог и должен был оставить армию в конце ноября... <...> Я же со своей стороны, забывая все неудобства, радовался близости моей к неприятелю, которого ежечасно видел пред собою, и горе мое о претерпеваемых недостатках тем рассеялось [1, с. 106 – 107].

Хотя мы и можем отметить, что фронтовые лишения 1812 г. оставили след даже в душе этого необычайно стойкого и мужественного человека, подчеркнем все же его высказывание о «горе» (!), «о претерпеваемых недостатках». Итак, «горе» и «счастье» рядом; горе – тяжелейший военный быт, и счастье – сражаться, защищать Отечество. И в этих условиях счастье всегда превалировало над горем, отодвигая его на второй план; важно, что впоследствии это ощущение, ставшее чертой мировоззрения, сохранилось и всегда проецировалось А.Н. Муравьевым на текущие события – мелочное, повседневное, каким бы тяжелым оно не было, никогда не заслоняло для него главной цели в жизни, будь то государственная служба или политическая деятельность.

В письме к В.А. и А.М. Бакуниным от 24 декабря 1812 г. А.Н. Муравьев называет причиной, заставившей его оставить армию «со слезами на глазах», контузию, полученную в сражении. Он подчеркивает при этом, что если бы не предписание врачей, то он никогда бы не сделал этого, несмотря на то, что много

месяцев был уже болен лихорадкой, «которая с каждым днем все больше» его «ослабляла». Причиной тому была «утомительная» служба, а также «труды, усталость, дурная пища, скверное жилье, сырость», потом к ним, с приближением зимы, прибавился еще и «суровый климат», но при всем при этом «удовольствие презирать смерть брало верх над... болезнью» [1, с. 163]. Далее А.Н. Муравьев рассказывает о своей контузии, полученной во время кавалерийской атаки, когда его едва не убило пролетевшим ядром, и о своем отъезде в отпуск по болезни чуть ли не как о «забавном приключении», по его выражению.

Итак, мы узнаем, что после контузии он вынужден был оставить седло, не в силах продолжать атаку, но тем не менее «пешком потащился за нашей кавалерией, живо преследовавшей французов», чтобы посмотреть на успех боя. После этого он всю ночь провел на снегу у огня, так и не дождавшись своего слуги и повозки. На следующий день он с трудом добрался до главной квартиры армии, где после осмотра у врача немедленно получил предписание отправляться на лечение. Последние деньги Муравьев истратил на покупку кибитки и лошадей, которых в дороге пришлось продавать одну за другой, чтобы прокормиться [1, с. 164–165].

Но на самом деле все обстояло несколько не так, как изложено в бодром письме. В «Записках» Н.Н. Муравьева-Карского мы находим другую, более драматичную картину происходившего. Контузия была получена Александром Муравьевым в боях под г. Красным, а за несколько дней до этого Николай Муравьев специально приехал его навестить в одно из сел, где стоял тогда отряд генерал-майора А.А. Юрковского, в котором служил будущий декабрист. Н.Н. Муравьев нашел брата в душевной избе, «полной спящим народом»: «Влево от дверей под скамьей умирал в судорогах от горячки русский драгун. Хозяйка... держала на руках грудного ребенка, которого крики, смешанные со стоном и храпением страждущих и спящих, наводили уныние» [7, с. 149]. Под этой же крышей, помимо офицеров и солдат нашей армии, находилось двое раненых французов, которых А.Н. Муравьев «пригласил ночевать». Из-за тесноты Николай не мог подойти к брату, но... «драгун вскоре умер, и его вытащили на улицу», по поводу чего мемуарист только горько констатировал: «Свыклись мы в 1812 году с подобными зрелищами» [7, с. 149].

Эта смерть дала возможность получить ночлег и выслушать рассказ Александра обо всех происшествиях последнего времени, о том, что «он участвовал во всех краснинских делах ... но что он перемогал себя, потому что был очень болен, а теперь так слаб, что принужден проситься в отпуск в Москву для излечения болезни. Ноги его... были в ужасном положении и покрыты цинготными язвами» [7, с. 149–150]. Не имея денег, чтобы поделиться ими с младшим братом, А.Н. Муравьев, нуждаясь сам, отдал ему последний кусок сукна, надеясь, что это хоть как-то облегчит положение Николая, и это действительно помогло ему – в наступившие холода он сшил себе башлык и шаровары, спасшие его от мороза. Сам же Александр, что достоверно известно из письма к Бакуниным, от суровой зимы защититься не смог. Тем не менее, чуть позже, по

пути в Калугу он специально еще раз разыскал брата Николая и вручил ему... деньги, сказав, что занял их у дяди Н.А. Саблукова, хотя в свете уже изложенного мы знаем, что это были деньги от продажи лошадей. «Я же ничем не мог помочь больному брату», – сокрушался Н.Н. Муравьев [7, с. 151]. На дорожную шубу А.Н. Муравьеву средств не хватило, и весь путь тяжелобольной офицер не имел возможности даже согреться. «Грязнейший мундир составлял все мое одеяние», – сообщал А.Н. Муравьев Бакуниным в том же письме от 24 декабря, и именно в таком положении он прибыл в опустошенную и разграбленную древнюю столицу [1, с. 164–165]. На этом Отечественная война 1812 г. для Александра Муравьева закончилась...

Итак, стойкость, мужество, благородство, братская помощь и взаимовыручка, пренебрежение собственной жизнью ради Отечества, что выражалось не только в ратных подвигах, но и в умении переносить все трудности военного быта, – именно эти черты выковывал 1812-й год, и именно они стали основой характеров и морального облика будущих декабристов.

УДК 94(47).072.5+94(47)08

Н.Н. РОДИГИНА¹, А.Ю. ЛЕДОВСКИХ²

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВОЙНЫ 1812 г. В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XXI в.

¹д-р ист. наук
²канд. ист. наук
Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: natrodigina@list.ru
e-mail: anna_ledovskih@mail.ru

Статья посвящена изучению образов Отечественной войны 1812 г. в учебниках истории второй половины XIX – начала XXI в. Определяется роль различных участников политического процесса в создании и трансляции собственных представлений об этой войне через тексты учебных книг. Выявляются слова-маркеры, использовавшиеся для описания военных событий, исторические личности, становившиеся «героями/антигероями» войны, а также влияние типа учебника и времени его создания на интерпретацию событий войны и ее воздействия на историю и культуру России.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., учебная литература, национальная идентичность, мировоззренческая идентичность, образы войны, «герои» и «антигерои».

В отечественной историографической традиции Отечественная война 1812 г. привлекала внимание исследователей в связи с тремя ключевыми сюжетами: 1) «военной историей»; 2) тематикой декабризма; 3) изучением «золотого века» русского дворянства. Таким образом, большинство исследований посвящены изучению «памяти общества» о войне 1812 г. Однако коммеморации войны в учебных пособиях (учебниках,

ЛИТЕРАТУРА

1. *Муравьев А.Н.* Сочинения и письма / Изд. подг. Ю.И. Герасимовой и С.В. Думиным. Иркутск, 1986.
2. *Ивченко Л.Л.* Повседневная жизнь русского офицера 1812 года. М., 2008.
3. *Туманик Е.Н.* Н.Н. Муравьев-Карский и его «Записки» // Литература и документ : сб. науч. тр. / Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск, 2011. С. 43–50.
4. *Туманик Е.Н.* «Воспоминания 1812 года» по запискам офицеров Генерального штаба А.Н. и Н.Н. Муравьевых // Нарративные традиции славянских литератур. Повествовательные формы Средневековья и Нового времени : сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 170–183.
5. *Туманик Е.Н.* Александр Николаевич Муравьев: начало политической биографии и основание первых декабристских организаций. Новосибирск, 2006.
6. *Муравьев-Карский Н.Н.* Записки // Русский архив. 1885. № 11.
7. *Муравьев-Карский Н.Н.* Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825. М., 1989.

Статья поступила
в редакцию 19.05.2012

хрестоматиях, рабочих тетрадях, книгах для чтения), на которых воспитывалось не одно поколение русских интеллектуалов, еще не были предметом специального изучения. Между тем исследование заявленной темы не только расширяет существующие в науке представления о политическом, культурном, идеологическом, биографическом контекстах формирования представлений о Франции и французах и русских о самих себе в российском интеллектуальном коммуникативном пространстве, но и позволяет выявить роль учебной литературе в этом процессе.

Учебная литература является одним из мощных инструментов конструирования национальной, миро-

¹ Статья опубликована в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг., подпроект № 2.3.1.4.

воззренческой, поколенческой, региональной идентичностей и институтом формирования культурной памяти современников. Влияние учебной литературы по истории на конструирование представлений о прошлом отмечалось в работах М. Ферро [1], Н.Г. Фёдоровой [2], обращавших внимание на использование властными элитами потенциала учебных текстов в своих целях.

Наша цель – выявить образы войны 1812 г. на страницах учебной литературы по истории второй половины XIX – начала XXI в. Мы хотим понять, как разные акторы политического процесса (власть и конкурирующие идеологические сообщества) стремились создавать и транслировать через учебную литературу свои репрезентации войны 1812 г. Какие слова-маркеры использовали авторы учебников при описании военных событий, какие исторические личности становились «героями/антигероями» войны, как влияли тип и время создания учебного текста на интерпретацию войны и ее воздействие на русскую историю и культуру.

Мы опираемся на идеи «конструктивизма» (Б. Андерсона, Э. Гелнера, Э. Хобсбаума), согласно которым мемориализация войн и политика памяти способствуют формированию «наций» и национальных идентичностей. Мы исходим из того, что в связи с событиями Отечественной войны 1812 г. произошла актуализация национальной идентичности на волне патриотических чувств, активно транслировались идеи национально-государственной консолидации. По выражению С. Хантингтона, «французы, англичане, а следом за ними голландцы, испанцы, пруссаки, германцы и итальянцы “выплавили” свои национальные идентичности в тигле войны» [3, с. 61].

Отправными для нас стали идеи П. Нора, который в многотомном издании «Франция – память» в числе других формальных проявлений национальной памяти, созданных во имя Франции – коммеморативных монументов и святынь, национальных исторических хроник, гражданских справочников и других, упоминает учебники истории [4].

В качестве основных источников мы привлекли учебники истории трех разных периодов отечественной истории: имперского, советского и постсоветского. Желая выяснить, как влияла идеологическая приверженность авторов учебников на содержание репрезентаций войны 1812 г., мы обратились к дореволюционным учебникам, написанным, с одной стороны, консерваторами Д.И. Иловайским и И.И. Беллярминовым, а с другой – либералом С.М. Соловьёвым. Выбор именно этих учебных пособий обусловлен прежде всего их популярностью во второй половине XIX в., широким использованием в практике преподавания истории в школе.

Учебник историка Д.И. Иловайского «Краткие очерки русской истории» впервые был опубликован в 1860 г. и до 1912 г. выдержал 36 изданий [5, с. 3]. Учебное пособие педагога-практика И.И. Беллярминова «Элементарный курс всеобщей и русской истории» выдержало 32 издания [5, с. 3]. Учебник известного либерального историка С.М. Соловьёва впервые был издан в 1859 г. Несмотря на то, что «Учебная книга

русской истории» не была общеобязательным гимназическим учебником, она пользовалась большим спросом и к 1915 г. выдержала 14 изданий [6, с. 5].

Во всех учебниках имперского периода применена одинаковая схема описания войны 1812 г.: ее причины; описание начального этапа (битва под Смоленском, Бородино); характеристика главнокомандующих Русской армии Багратиона, Барклая-де-Толли, Кутузова; сдача Москвы армии Наполеона; консолидация населения страны для борьбы за ее освобождение; отступление французов (битвы при Малоярославце и Березине); заграничные походы Русской армии. В интерпретациях данных сюжетов нашли отражения различные мировоззренческие пристрастия авторов.

Д.И. Иловайский и И.И. Беллярминов в своих учебниках последовательно воплощали идею о том, что основная цель преподавания истории в школе – «укоренение у учащихся любви и преданности престолу и отечеству» [5, с. 3]. Отмечая объективные экономические, политические и военно-стратегические причины войны, консервативные историки уделяли большое внимание такому субъективному фактору, как властные амбиции Наполеона. При этом Наполеон наделялся отрицательными коннотациями именно в связи с походом в Россию, при описании же его консульства, его внутренней политики и итальянских походов подчеркивались его образованность, бескорыстие, военные таланты, личная храбрость. В учебнике И.И. Беллярминова героический образ Александра I конструировался по принципу бинарных оппозиций главе «Великой армии». Наполеон описывался как «властолюбивый», «изменявший своим убеждениям (из якобинца превратившийся в монархиста)» [7, с. 160–161]. Из речевых конструкций, при помощи которых создавался образ Наполеона как врага, примечательна следующая фраза: «Военные успехи, власть и раболепие генералов, королей-братьев и немецких мелких правителей помрачили ум Бонапарта, и он стал наносить Александру разные оскорбления, например, вопреки обещаниям он расширил герцогство Варшавское, образованное им из польских земель, отнятых у Пруссии» [7, с. 157]. Александр I, напротив, наделялся такими характеристиками, как «стремление жить в мире с соседями», «верность союзническим обязательствам», «кроткость» [7, с. 157]. Признавая монархию единственно возможным вариантом государственного строя для России, консервативные историки подробно описывали действия Александра I на разных этапах войны, цитировали его обращения к народу, подчеркивали его роль как руководителя народной войны. Таким образом, в условиях напряженной политической борьбы и цивилизационных исканий России второй половины XIX в. (времени создания анализируемых учебных текстов) русские консерваторы стремились формировать мировоззренческую идентичность современников, начиная со школьного возраста, рассматривая учебную литературу как инструмент реализации своего символического господства.

Известный русский либеральный историк С. Соловьёв избегает оценочных суждений в адрес и Наполеона, и Александра I. Лишь однажды он упоминает о том, что Бонапарт после взятия Москвы «не потерял

ничего из своих гениальных способностей и из своей энергии», но «сбился с обычной дороги» [6, с. 362]. Для историка важно максимально подробное и эмоционально сдержанное описание событий, ориентированное на то, чтобы школьники самостоятельно смогли сделать на основе излагаемых фактов собственные выводы.

Несмотря на разные политические идеалы, приверженность различным методологическим направлениям, авторы дореволюционных учебников рассматривали войну как важный период формирования национального самосознания, время национальной консолидации. Заметим, что отождествление нации и народа характерно как для русской историографии XIX в., так и для разных направлений общественной мысли: славянофильства, либерализма, народничества. В учебниках подчеркивается единение всех сословий ради освобождения родины, описываются создание народного ополчения, подвиги офицеров, солдат, партизан, казаков, фиксируются суммы дворянских, купеческих пожертвований на вооружение армии. Подробно объясняется сущность понятия «отечественная война», которое впервые появилось именно для описания сути военных событий 1812 г. Война рассматривалась как один из самых героических периодов российской истории, имеющих большой дидактический потенциал для формирования позитивной национальной идентичности.

Через призму освободительного характера народной войны консерваторами интерпретировались и заграничные походы Русской армии. Символичны названия параграфов об этих событиях в учебниках консерватора И. Беллярминова «Война за освобождение Европы» и либерала С. Соловьева «Заграничная война 1813 г.». Беллярминов, усиливая данный сюжет, описывает восторженную реакцию населения Европы на встречу с русским императором и ревностную реакцию глав европейских государств на «славу русского оружия». Показателен, к примеру, такой фрагмент текста: «На Венском конгрессе западные государи и их министры, по гордости или корысти, умалляли пользу, принесенную Европе императором Александром I» [7, с. 157]. Внимание к усилению международного влияния России не случайно, оно в данном случае объясняется ностальгией по поводу падения авторитета империи после поражения России в Крымской войне, унизившего национальное достоинство.

Примечательно, что во всех учебных текстах отсутствуют сюжеты о влиянии войны на внутреннее развитие страны и о пребывании Русской армии за границей. Это не случайно, объяснение связано с несколькими обстоятельствами: 1) одним из очевидных для потомков последствий войны было появление декабризма – первого организованного выступления против крепостничества и самодержавия, возникшего и под влиянием знакомства русской элиты в лице офицеров с западноевропейской политической культурой; 2) не очень лестным для национального честолюбия поведением Русской армии в Париже.

Радикальные перемены в российской действительности, произошедшие после 1917 г., не могли не отразиться на системе школьного образования.

1920-е гг. ознаменовались серией экспериментов с учебными курсами. Начиная с 1924 г., отечественная и зарубежная история были исключены из школьной программы, вместо них вводилось обществоведение. Исчезли и школьные учебники, жизнь общества необходимо было изучать, основываясь исключительно на наблюдениях за окружающей действительностью.

В 1933 г. курс истории вернулся в школу, однако вопрос о разработке специального учебника долгое время оставался открытым. Во-первых, нужно было создать единственный, «стационарный» текст, так что о былом разнообразии подходов к преподаванию отечественной истории в школе следовало забыть. Новый учебник должен был отличаться полнотой и последовательностью изложения. Комментируя это условие, профессор Н.Н. Ванаг, участвовавший в создании первого варианта текста, замечал: «Нам нужен большевистский Иловайский» [8, с. 103].

Второй проблемой стало то, что политические лидеры Советского Союза предъявляли особые требования к содержанию нового учебника, что нашло отражение в «Замечаниях по поводу конспекта учебника истории СССР» – документе, подписанном И.В. Сталиным, А.А. Ждановым и С.М. Кировым [9, с. 42–45]. Главной задачей разработчиков должно было стать описание истории всех народов, вошедших в состав СССР, а не описание истории России. Кроме того, необходимо было отразить «аннексионистско-колониаторскую» и «контрреволюционную роль русского царизма» во внешней политике. В итоговом варианте учебника «История СССР» в трех частях под редакцией профессора А.М. Панкратовой, который на долгие годы стал единственным школьным учебником истории, все эти требования были вполне учтены.

Основные сюжеты оставались такими же, как в досоветских учебниках. Единственным исключением стало подробное описание подготовки завоевательного похода Наполеона на Россию. В качестве главной задачи этого параграфа, заменившего стандартный текст, посвященный причинам войны, постулировалось включение наполеоновских завоеваний в контекст мировой классовой борьбы. В лице Наполеона советский школьник должен был видеть крупную французскую буржуазию, занимающуюся агрессивным переделом европейских рынков, интересам которой в конечном итоге и была подчинена русская кампания [10, с. 109]. Пристальное внимание авторы учебника уделяли экономической стороне вопроса, и это неудивительно, ведь с точки зрения марксистско-ленинского подхода, именно экономика являлась основным движущим фактором мировой истории. На фоне глобальных процессов личность Наполеона и негативные коннотации, связанные с ней, нивелировались. То же самое можно сказать и о личности российского императора Александра I. С точки зрения авторского коллектива, он был лишь «послушным исполнителем дворянской политики», инструментом, с помощью которого «помещичья Россия» отстаивала свои интересы [10, с. 115].

В этой связи сложно говорить о формировании образов конкретных «антигероев» Отечественной войны, вместо них мы видим некие аморфные и абстрактные конструкции: «крупную буржуазию», «феодалные по-

рядки», «крепостническую Россию». Показательно, что российская государственность также преподносилась в качестве «внутреннего врага» российского народа. В тексте учебника последовательно раскрывалась мысль о том, что победа была одержана не благодаря, а вопреки действиям правительства. Особое место в создании коллективного образа «антигероя» занимали упоминания о французских «шпионах и лазутчиках», которые проникали на территорию Российского государства [10, с. 113]. Это связывало Отечественную войну 1812 г. с современными ученикам реалиями и укрепляло их стереотипное представление о «врагах народа».

Героическая линия в первом советском учебнике была раскрыта гораздо полнее. Во-первых, главным «героем-победителем», по мнению авторов, стали «народные массы». Понятие это трактовалось необычайно широко, сюда вошли не только представители русского народа и многочисленные этносы, населявшие Российскую империю, но и «угнетенные народы Европы», боровшиеся за свою независимость. В данном контексте особенно значимыми стали описания народной и партизанской войны.

Во-вторых, на страницах учебника активно формировались образы конкретных героических личностей – М.И. Кутузова, Барклая де Толли, П.И. Багратиона, Дениса Давыдова. Помимо стандартных характеристик, маркирующих «героя» (воля, твердость, безумная храбрость, воинская хитрость), важным аспектом становился их антагонизм с властью. Особенно четко это прослеживается в описаниях М.И. Кутузова, презиравшего «угодничество, лесть и продажность, которые господствовали при царском дворе». Важным моментом героизации становится указание на преемственность между культовыми личностями предшествующих и последующих поколений. В данном случае практически все ключевые фигуры Отечественной войны 1812 г. оказались связаны с легендарным А.В. Суворовым. Причем из текста не ясно, кто же был самым любимым и талантливым учеником великого полководца – М.И. Кутузов или П.И. Багратион, эмоциональность характеристик зачастую заменяет стройную логику изложения. «Героическую эстафету» от Суворова Кутузов передает Денису Давыдову, одобряя и благословляя его партизанскую деятельность, а тот, в свою очередь, делится своим воинским опытом с потомками, вдохновляя их на борьбу с «врагами».

Особую авторитетность тексту учебника должны были придавать обильные цитаты из сочинений В.И. Ленина и И.В. Сталина, подкрепляющие все ключевые выводы авторов. В итоге Отечественная война 1812 г. представлялась частью глобального мирового процесса борьбы «угнетенных масс» под предводительством плеяды героических полководцев с агрессорами и эксплуататорами. При этом очевиден компромисс между формированием классовой и национальной идентичности школьников. С одной стороны, авторами подчеркивается, что самоотверженный русский народ защищал «национальную независимость», а с другой стороны, что эта война становится частью «национально-освободительной борьбы европейских народов».

После развенчания культа личности Сталина в 1956 г. возникла необходимость пересмотра учебных текстов. Однако в книге И.А. Федосова «История СССР», вышедшей в начале 1960-х гг., транслируются те же самые представления, что и в учебнике А.М. Панкратовой. Вместе с тем, очевидно, что опыт осмысления Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. наложил серьезный отпечаток на структуру и стилистику текста. Так, ассоциации с «молниеносной войной» Гитлера должно было вызывать подробное описание стратегии Наполеона «окружить и одним мощным ударом уничтожить русские войска», стремление Наполеона во чтобы то ни стало захватить Москву [11, с. 12]. Ту же роль, по всей видимости, играли и описания бесчинств французской армии, упоминания о специальных отрядах «карателей». Встречаются и прямые реминисценции. Фраза «В июне 1812 г. французские войска без объявления войны перешли реку Неман и вторглись в пределы России» [11, с. 16] должна была вызвать однозначную реакцию у школьников, хорошо знакомых со знаменитым сообщением Ю. Левитана о начале Великой Отечественной войны. Образы «героев» и «антигероев» в учебнике Федосова показаны значительно ярче. Наполеон вновь приобретает личностные характеристики: «высокомерный», мечтающий о мировом господстве; он перестает быть ставленником французской буржуазии, инициатива военного похода в Россию принадлежит исключительно ему [11, с. 12–13].

Между тем Александр I по-прежнему упоминается вскользь и представляется авторами учебника как выразитель интересов «дворянской России», наделенный лишь негативными коннотациями. Конформизм и «эксплуататорский характер» российской государственной власти должны были подчеркнуть роль «народных масс» в одержанной победе. Состав армии победителей теперь был уточнен, в нее входили «украинцы, белорусы и представители других народов», подробнее описаны «беззаветный героизм», «храбрость» и «выносливость» солдат, их самоотверженность в разных вариациях становится лейтмотивом текста.

Безусловным лидером русского ополчения, по версии авторского коллектива, стал М.И. Кутузов. Объем текста, посвященного «гениальному полководцу», значительно увеличился, – во многом за счет обильного цитирования самого Кутузова и его соратников. В качестве дополнительных характеристик образа «героя» сохраняются и развиваются заявленные в учебнике А.М. Панкратовой преемственность с Суворовым и антагонизм с государственной властью.

Несмотря на значительно увеличившийся объем текста, посвященного Отечественной войне 1812 г., обилие деталей и коннотации с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., сохраняется основная линия конфронтации между героическими «народными массами» под предводительством «мудрых», «храбрых» полководцев и буржуазными агрессорами и эксплуататорами на фоне полного бездействия представителей государственной власти. Следует также отметить, что в учебном тексте под редакцией И.А. Федосова классовая идентичность непротиворечиво сливается с

национальной. Теперь школьнику не нужно соотносить себя с многочисленными «угнетенными народами» Европы. Победа в Отечественной войне 1812 г. принадлежит «русскому народу» и его соратникам – «украинцам, белорусам и представителям других народов». В данном контексте под «народом» подразумевались исключительно низы имперского общества и «идейно близкие» к ним представители элиты [11, с. 15–16].

Советские учебники являют собой почти идеальный пример того, как такого рода тексты могут участвовать в конструировании образов прошлого и способствовать форматированию сознания школьников в русле определенной идеологии. Немаловажными факторами являются инвариантность учебников и прямое участие в их создании представителей властной элиты. Большую роль в данном контексте играет не информативность, а эмоциональность учебного текста, позволяющая создавать яркие образы героического прошлого и соотносить их с окружающей детей реальностью.

Очередной виток радикального реформирования российской государственности в начале 1990-х гг. привел к новому пересмотру учебных программ. В результате появилось огромное количество разнообразных текстов, которые сложно охарактеризовать с точки зрения идеологической приверженности их авторов. Это обстоятельство заставило нас остановить свой выбор на учебниках, являющихся наиболее авторитетными с точки зрения педагогического сообщества: «История России, XIX век» А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной и «История России XVII–XIX веков» А.Н. Сахарова и А.Н. Боханова.

Схема описания военных событий в них совпадает с предложенной в дореволюционных и советских учебниках. Стремясь абстрагироваться от коммунистической идеологии, которой были пронизаны тексты предшествовавшего периода, авторы постсоветской эпохи отказываются от любых оценочных суждений, подобно С.М. Соловьеву. Они пытаются максимально объективно излагать факты и предоставляют ученикам право самим сделать выводы. В учебнике А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной такая педагогическая стратегия подкреплена дополнительным материалом: многочисленными разноплановыми источниками и комментариями историков, в том числе зарубежных [12].

Наглядной демонстрацией отказа от советских идеологических установок стала и «реабилитация» роли носителей российской государственности в Отечественной войне, в частности Александра I. Фигура русского императора ярко выделяется на фоне достаточно сдержанных характеристик других участников событий, затмевая собой даже М.И. Кутузова. Особенно последовательными в этом отношении стали Сахаров и Боханов, приписывавшие Александру I идею «народной войны», и позитивно оценивавшие его желание закрепить военные успехи за пределами России. В итоге император, глава «храброй» и «мужественной» русской армии, стал фактически единственным «героем» войны 1812 г. [13, с. 128].

Вместе с тем авторы постсоветских учебников не забывают о необходимости формирования у школьников национального самосознания и воспитания у них

патриотизма. Это одна из немногих точек соприкосновения с учебниками советского периода. Своеобразным компромиссом между позициями дореволюционных и советских историков стало следующее утверждение: «Власть, армия и народ оказались охвачены единым патриотическим порывом, независимо от существования сложнейших социально-экономических противоречий в стране и крепостного права» [13, с. 133]. Эта фраза, на наш взгляд, исчерпывающе характеризует оценку авторами учебников начала XXI в. событий 1812 г. как одного из немногих моментов консолидации российской нации.

Таким образом, сравнительный анализ отечественных учебников, созданных в разные исторические периоды, позволяет нам сделать некоторые выводы о видах идентичности, конструируемых этими текстами:

1. В учебниках имперского периода формировались в первую очередь сословная идентичность – с описанием ведущей роли дворянства и национальная идентичность, подразумевавшая воспитание определенной гражданско-политической позиции.

2. В советских учебниках конструировались классовая идентичность (подчеркивалась ведущая роль «угнетенных масс» и «простого народа»), а также национальная идентичность (через утверждение – «победа принадлежит объединенным силам всех советских народов»).

3. В постсоветских учебниках актуализируется главным образом национальная идентичность («весь русский народ был охвачен единым патриотическим порывом»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / пер. с фр. М., 1992.
2. Фёдорова Н.Г. Историческое сознание, историческая память и учебник истории: взаимосвязь и взаимовлияние (к вопросу о формировании социальной идентичности средствами школьного обучения) // Вестн. Чуваш. ун-та: гуманитар. науки. 2007. № 4. С. 40–46.
3. Хантингтон С. Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности. М., 2008.
4. Франция–память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуиньмеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999.
5. Фукс А.Н. Предисловие // Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993. С. 3–5.
6. Самсонов А.И. Предисловие // Соловьев С.М. Учебная книга русской истории. М., 1996. С. 5–12.
7. Беллярминов И.И. Элементарный курс всеобщей и русской истории // Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993. С. 5–180.
8. Артисов А.Н. Н. Н. Ванга // Отечественная история. 1992. № 6. С. 95–109.
9. Сталин И.В., Жданов А.А., Киров С.М. Замечания по поводу комплекта учебника по истории СССР // Сталин И.В. Соч. М., 1997. Т. 14. С. 40–42.
10. История СССР: учебник [для средней школы] / под ред. А.М. Панкратовой. М., 1961. Ч. 2.
11. Федосов И. А. История СССР: учеб. пособ. для 8 кл. М., 1980.
12. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России, XIX в. М., 2009.
13. Сахаров А.Н., Боханов А.Н. История России XVII–XIX вв. М., 1997. Ч. 2.

Поступила в редакцию

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА, БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

УДК 821.161.1

Т.В. ПАНИЧ

ЖАНР ВИДЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ЖИТИЯ ПАТРИАРХА ИОАКИМА*

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье исследуется цикл видений из Жития патриарха Иоакима, выявляются принципы использования устных рассказов визионеров, определяется их литературная специфика и функция в структуре повествования. Видения рассматриваются как источник и средство формирования агнографического образа патриарха.

Ключевые слова: жанр видений, сюжеты, авторская интерпретация, агнографическая топика, образ святого.

Жанр видений, как известно, был одним из популярных жанров древнерусской литературы, функционировавший как самостоятельно, так и в составе сочинений самых разных форм. Особенно часто видения встречаются в агнографических памятниках. Примером тому может служить Житие патриарха Иоакима, созданное в конце XVII в.¹

Центральную часть композиционной структуры Жития занимает послание архимандрита Новоспасского монастыря Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому, посвященное описанию болезни и кончины патриарха Иоакима [3, с. 121–127]. В своем повествовании Игнатий обращается к жанру видений, насыщая текст рассказами о чудесных явлениях, сопутствовавших воспроизводимым событиям. Здесь сообщается об одном «небесном знамении» (огненном зареве над Кремлем, возвестившем о кончине предстоятеля Церкви) и описывается девять видений, сюжеты которых также связаны с темой смерти патриарха: самого патриарха Иоакима, игумена Сретенского монастыря Пахомия, «рыбника» (рыбака) Петра, domestика Новоспасского монастыря Харлампия, Андрея

Виниуса, архимандрита Петровского монастыря Иова и царского стольника Георгия (ему покойный патриарх являлся трижды)².

Хронология всего цикла видений укладывается в очень короткий период времени. Три из них (патриарха Иоакима, игумена Пахомия и domestика Харлампия) относятся к последним дням жизни патриарха; остальные происходят после кончины Иоакима (но еще до его погребения, которое состоялось 18 марта 1690 г.). Последовательность реальных событий определяет логику композиционного расположения видений в структуре повествования. Видения инкорпорированы в текст, как правило, с указанием времени и места события; в преамбуле к рассказу или в заключении автор называет имя тайнозрителя или лица, пересказавшего видение (это реальные духовные и мирские лица из окружения патриарха). Например: «якоже повѣда той сам святѣйший Иоаким патриарх... болярину Михаилу Иоанновичю Глѣбову, той же мнѣ, смиренному... повѣда» (л. 61 об.); «повѣда же сие видѣние оный Андрѣй пречестному отцу Ефимию, старому келарю Чюдовскому, той же Ефимий мнѣ в бесѣдовании духовном исповѣда. Вопросих же аз и онаго Андрѣя, и той такожде сказа ми» (л. 62 об.) и т.п.

Упоминание имен персонажей видений и самих визионеров, которые в определенной степени являются «соавторами» архимандрита Игнатия, призвано обосновать достоверность каждого случая, сообщить

¹ Житие известно в двух списках первой четверти XVIII в.: РГБ, собр. И.Д. Беляева, № 29/1535; РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, II, № 14. Библиографию работ, посвященных сочинению, см.: [1, с. 351–355]. Нами были установлены две редакции Жития: первоначальная и сокращенная [2, с. 41–94]. В настоящей статье используется список РГБ, собр. И.Д. Беляева, № 29/1535 (первоначальная редакция); далее в основном тексте ссылки на листы рукописи приводятся после цитаты в круглых скобках.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11–01–00350а).

² По неясным причинам имя этого ясновидца называется только в третьем его видении, в первых двух он фигурирует как безымянный прихожанин соборной церкви: «нѣкто от чина царских столников и княжеского рода» (л. 54 об.); «от царския полаты столник княжеского рода» (л. 59 об.).

ему характер документального свидетельства. Такое стремление к документальности составляет специфику агиографического и других жанров в XVII в. [4, с. 92–96; 5, с. 154]. Писатель постоянно подчеркивает, что передает услышанное в первоизданном виде, без собственных домыслов («басенных ухищрений»), не подвергая устные рассказы о видениях литературной обработке. Например: «И якоже аз от него слышах, слышѣх и написах, не ухищрениям басням, да и нам послѣдующе, но истиннаго, от таковаго честнаго мужа от уст слышавшу ми и написавшу» (л. 39 об.–40).

Однако, несмотря на подобные заверения архимандрита Игнатия о тождестве его текста устным («от уст») рассказам визионеров, сюжеты видений, несомненно, видоизменились в той или иной степени на стиливом, смысловом и структурном уровнях. Пропущенные через фильтр его личного восприятия и осмысления, все сюжеты цикла претерпели определенную литературную обработку, отражают собственную позицию писателя относительно освещаемых событий³. Необходимо учитывать и возможность трансформации уже письменно зафиксированного текста, наслаения новых смыслов на заложенные изначально идеи в ходе рукописной жизни сочинения, так как авторский текст не сохранился; по крайней мере, до сих пор неизвестен. Мы располагаем лишь его списками, причем с явными признаками порчи: текст содержит ошибки и пропуски [2, с. 50].

Принимая во внимание отмеченные обстоятельства, рассмотрим литературные особенности собранных и интерпретированных архимандритом Игнатием рассказов тайнозрителей, обратившись непосредственно к сюжетам цикла видений.

ВИДЕНИЕ ПАТРИАРХА ИОАКИМА

Содержание видения излагается от лица патриарха. Во время болезни (которая началась 4 марта, в среду первой седмицы Великого поста), незадолго перед смертью, когда Иоаким находился один в своей келье (сидел «на одре своем»), за ним явились некие люди с приглашением от царя. Провожатые привели патриарха в «великую и прекрасную» палату, где были накрыты две «трапезы»: для царя и патриарха. Визионеру здесь были предложены разные яства: «рыбы великия и части рыбны, велми тучныя, и протчая сладчайшая и рыбная брашна», л. 36 об. Но такое нарушение церковных установлений (неподобающая пища во время Великого поста) огорчило и возмутило Иоакима. Поэтому он «со мною горестию» спросил «предстоящих»: «Что творит таковая государь, яко в Великий пост хочет питати мя рыбою? Доколе сие будет развращение заповедем церковным!» На что услышал: «Тако государь повеле быти». Иоаким остается непреклонным и заявляет: «Государь святая

восточныя Церкви, матери наша, истинный сын и исполнитель заповеде ея, а мне во святыи Великий пост почто рыбы повелех предлагати на трапезу мою?» На этом видение обрывается, патриарх «обретохся паки седя на ложи своем».

Автор Послания предлагает свою трактовку видения. В прамбуле к рассказу он замечает: «бысть ему, святѣйшему патриарху, извѣщания, яко да с радостию преидѣт от мира сего ко Отцу небесному» (л. 34 об.–35). И в конце рассказа повторяется та же мысль: «И сего ради...видим збывшееся святое Евангелие, глаголаше: “Блажен, иже снѣст обѣд во царствии Божии”. И паки во Откровѣнии святаго Иоанна Богослова: “Блаженни, звании на вечерю брака Агнца”. Но о сем точно ему, святѣйшему Иоакиму патриарху, о восхождении извѣстися» (л. 37 об.–38). Евангельские цитаты выполняют функцию *тематического ключа* (термин Р. Пиккио [8, с. 152–153]), открывающего один из смыслов сюжета: приглашение патриарха к царской трапезе символизирует призвание его в Небесное царствие. Видение содержит и публицистический подтекст, в котором угадывается отношение визионера (и самого автора) к земному царю, нарушающему церковные установления [9, с. 115–127]. Одновременно в обличительных словах патриарха прочитывается и дидактический смысл (как известно, поучение – один из ключевых элементов структуры визионерского жанра [7, с. 36]).

ВИДЕНИЕ ИГУМЕНА СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ ПАХОМИЯ

Игумену Пахомию патриарх Иоаким явился в сновидении за три дня до своей кончины. Здесь также упоминается Царь, к которому шествует патриарх «с великою славою и украшением великим патриаршеским» в сопровождении «нездешних жителей», умерших бояр (Ивана Лызлова и Беклемишева) и патриарших диаконов (Иоанна Калитина и Дионисия Дятловского), также покойных. Игумен Пахомий следит за восхождением патриарха по ступеням царского крыльца и слышит голос его «проводников»: «Отче игуменѣ, что ты зриши за Иоакимом патриархом, яко Царь ему повелѣ у себя быти» (л. 39–39 об.).

Здесь, как и в первом откровении, действуют проводники из загробного мира, присутствует мотив призвания к небесному Царю. Появляются новые мотивы и образы: непомерно высокое царское крыльцо (высота не позволяет визионеру смотреть вверх), которое ассоциируется с образом «небесной лестницы» (Быт 28: 12); пасхальное облачение патриарха, символизирующее воскресение и вечную жизнь. Любопытно, что в диалоге Пахомия с «душеводителями» патриарха затрагивается тема перехода в инобытие в ее религиозно-нравственном аспекте. Игумен задает «проводникам» вопрос о том, как они умирали: «Да како умирали есте?». И получает ответ: «Зѣло убо бысть в смерти трудно нам, ин убо есть суд Божий, а ин челоуѣчский» (л. 39 об.).

Дидактический посыл этого фрагмента видения становится очевидным, если обратиться к «Слову о

³ О соотношении устной и письменной традиций в жанре видений см.: [6, с. 163–169]. Этот вопрос сопрягается с проблемой влияния «двойного» и «тройного» авторства на сюжет видений (до его письменной фиксации), которая затронута в работе Б.И. Ярхо (на материале западноевропейских сочинений визионерского жанра) [7, с. 23–25].

преставлении отца нашего Агафона»⁴, которое цитируют «нездешние жители». Сочинение повествует о том, как преподобный Агафон перед смертью три дня сидел неподвижно, «имѣя очи отверсты и не двиг ею». На недоуменный вопрос братии он ответил, что видит себя на Суде Христовом. Иноки выразили удивление, что такой праведник страшится предстать перед Богом: «Да или и ты боишися Суда... Не надѣеши ли ся на дѣлѣ своем, яко есть о Бозѣ?» Преподобный ответил, что он исполнял Божии заповеди по силе своей, но как грешный человек не может знать, угодны ли его дела Богу. И добавил: «Ин бо есть Суд Божий, а ин человекск». Заключает Слово следующее толкование: «Сия убо сице и твердо и добрѣ покаяния образ предаша. И многу убо силу нам покаянием Бог подает на омытие наших согрѣшений»⁵. То есть в земной жизни необходимо заботиться об искуплении грехов покаянием и добрыми делами, всегда помня о Страшном суде, который в отличие от земного несовершенного суда будет неподкупным и праведным, от него ничто не скроется. Именно такой поучительный смысл прочитывается в заключительных словах видения игумена Пахомия: «ин убо есть суд Божий, а ин человекский».

ВИДЕНИЕ «РЫБНИКА» ПЕТРА

Во время литургии в Успенском соборе некий Петр, «рыбник», увидел наяву патриарха Иоакима (к этому времени уже покойного), который «во олтари с кандилом хождаше, поддержим двѣмя дияконы» (л. 53 об.). Ясновидец обратился к присутствующим в храме прихожанам: «Зритѣ, братие, святѣйшаго патриарха взяша от гроба, и се кадыща святым кадиллом? Водят его дияконы». Выяснилось, что никто этого не видел, «не открыся бо им». Но Петр снова пытается привлечь внимание к тому, что ему открылось, и обращается к окружающим: «Смотритѣ, братие, яко и на горнѣ мѣсто его возведоша» (л. 54). После этих слов видение исчезло, визионер «очютился от виднния и умолча».

В данном откровении особое символическое значение имеет сакральное пространство алтаря и горнее место, куда дияконы («проводники» из другого мира) возводят восставшего из гроба патриарха. То есть, он вновь, как и в предыдущих видениях, поднимается к небесам: алтарь, как известно, символизирует горний мир [10, с. 55].

ВИДЕНИЕ ПЕРВОЕ ЦАРСКОГО СТОЛЬНИКА ГЕОРГИЯ

Царскому стольнику после слезной молитвы об упокоении души патриарха Иоакима он явился в сновидении. Стольник видит патриарха в церкви Двенадцати Апостолов, «идуща во святый олтарь в мантии и в бѣлом своем клобукѣ, имѣюща и посох патриаршеский» (л. 55 об.). По пути Иоаким благословляет стольника и дает ему «главу свою поцѣловати, якоже подает патриарх и архиерей к благородным людям» (л. 55 об.–56). Видение заканчивается уходом патриарха в алтарь.

⁴ Пролог. М., 1643, л. 9.

⁵ Там же.

Здесь, как и в предыдущем сюжете, события видения связаны с сакральным пространством алтаря, куда направляется патриарх и где совершает каждение. Правда, структура видения имеет более сложный вид. Можно наблюдать появление некоторых традиционных топосов визионерского жанра, отсутствующих в рассмотренных выше сюжетах. Так, особо отмечается благочестие визионера и предшествующая чудесному событию его усердная и слезная молитва.

ВИДЕНИЕ ДОМЕСТИКА НОВОСПАССКОГО МОНАСТЫРЯ ХАРЛАМПИЯ

Действие видения разворачивается в трапезной Новоспасского монастыря: Явившийся Харлампию «пред благовѣстом утрени» патриарх трижды благословляет его «обѣма рукама во хрепту». Игнатий расценивает патриаршее благословение Харлампия как знак прощения его патриархом: «Во извѣщение же прощение и сие ему от него бысть велие видѣние»⁶ (л. 58 об.). Авторская трактовка видения сопрягается здесь и с темой его личной вины перед патриархом⁷. Игнатий истолковывает посмертное явление Иоакима в Новоспасский монастырь (где он желал найти упокоение) в положительном для себя ключе: «Сия же аз слышах от него, порадовахся, и яко святѣйший Иоаким патриарх, аще гдѣ и положен будет, но духом уже по сему видѣнию с нами есть» (л. 58 об.–59). Судя по этой радостной реакции Игнатия на рассказ Харлампия, его собственная вина перед патриархом представляется ему заглаженной.

Особое значение в сюжете видения имеет мотив света, в сиянии которого предстает перед Харлампием патриарх на монастырском крыльце («трапеза же и крыльцо бѣяху без мѣры свѣтлости»). Сверхъестественный неземной свет – традиционный топос агиографических текстов; он сопутствует духовной жизни подвижников [11, с. 521, 528–530]; в ослепительном сиянии являются ангелы и святые в видениях; и в контексте рассматриваемого сюжета созерцаемый визионером свет маркирует святость героя повествования.

ВИДЕНИЕ ВТОРОЕ ЦАРСКОГО СТОЛЬНИКА ГЕОРГИЯ

Уснув после совершения «обычного правила», царский стольник Георгий оказывается в Успенском соборе, где патриарх Иоаким совершает литургию Василия Великого. Стольник как будто бы помогает патриарху вести службу. После совершения литургии патриарх причастил всех присутствующих, в том числе и визионера. Когда же он «очютился» от видения, «обрѣте сердце свое многия сладости исполнено» (л. 61).

Это видение царского стольника обнаруживает сюжетную близость с первым его видением. Ему также

⁶ В рассказе имеется пояснение автора о том, что Харлампий был постриженником Иоакима в бытность его архимандритом Чудова монастыря и за какую-то провинность снискал гнев будущего патриарха, который даже хотел лишить его монашеского образа, но «видя его в монашестве твердость, паки прости его и образ монашеский повелѣ имѣти ему» (л. 58 об.).

⁷ Игнатий не смог выполнить предсмертную просьбу патриарха о погребении его в Новоспасском монастыре.

предшествует молитва, затем следует сон визионера, чудесные события также происходят в храме. Там и тут отмечается особое расположение патриарха к стольнику (очевидно, из-за его исключительного благочестия): в первом видении он благословляет Георгия и дает поцеловать ему свою голову (при этом другого стольника Иоаким лишает этой привилегии), во втором – причащает его.

ВИДЕНИЕ АНДРЕЯ ВИНУСА

Покойный патриарх Иоаким явился Винусу во сне со словами: «побереги образ мой, яко и впред пригодится». До этого Винус помышлял избавиться от имевшейся у него «живописанной иконы» Иоакима, сомневаясь в целесообразности оставлять у себя изображение патриарха после его кончины.

Автор сопровождает видение следующими словами: «Он же, возбнув от сна, попремногу благодарствоваше Бога, и святѣйшаго Иоакима патриарха прославляше, и глаголаше, яко воистину угодник есть Божий, и образ его почиташе» (л. 62 об.). В содержании сюжета отражена тема почитания Иоакима в кругу его единомышленников, что свидетельствует о строившихся планах канонизации патриарха.

ВИДЕНИЕ АРХИМАНДРИТА ПЕТРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ ИОВА

Архимандриту Иову покойный патриарх также является в сновидении. Архимандрит сопровождает его в церковь Двенадцати Апостолов. По пути патриарх наставляет Иова «о хранении и о попечении монастыря и братства» и предупреждает его: «В монастыре твоём братия суть самовластныи, потреба тебе над ними зѣло смотрити» (л. 63 об.). В сюжете прослеживаются характерные для святительского жития мотивы учительства, пастырской заботы; содержится намек на провидческий дар патриарха, что также является одним из традиционных элементов агиографической топики.

ВИДЕНИЕ ТРЕТЬЕ ЦАРСКОГО СТОЛЬНИКА ГЕОРГИЯ

После чтения келейного правила Георгий засыпает и видит себя в Успенском соборе, где патриарх «поучаше народы зѣло полѣзно и умилитѣльно». Проповедь патриарха приводит визионера в состояние необыкновенной духовной радости; он обливается слезами от умиления. «Возбнув же от сна, обрѣте лице свое, многих слѣз исполнено, сердце же его радостно и веселием наполнися» (л. 64 об.).

Здесь, как и в предыдущих сюжетах, представлены не все элементы традиционной жанровой структуры⁸ и топики видений. Потусторонний мир лишь приоткрыт перед взором тайнозрителя, внимание сосредоточено на главном персонаже видения – патриархе Иоакиме, который является окружавшим его при жизни людям,

чтобы поддержать их своими поучениями и молитвами, укрепить их мужество, дать «утешение» и духовную радость.

Итак, уход из жизни патриарха Иоакима описан Игнатием Римским-Корсаковым как благочестивая кончина житийного героя с использованием этикетных средств агиографического повествования, среди которых особое место принадлежит жанру видений. В каждом из видений рассмотренного цикла в той или иной форме обносится мысль о праведности и святости патриарха («воистину угодник есть Божий» – л. 62 об.). Этот смысловой посыл составляет подоплеку всех рассказов о явлении патриарха своим почитателям, он изначально определял задачу автора: «Пишу сия нечесо же ради иного, но да незабвенно будет такового пречестнаго и добродѣтельнаго подвижника добродѣяния, видим бо, яко и по смерти его Господь Бог нам, чадом его, таковая святыми молитвами его подает утѣшение» (л. 59–59 об.). Насыщенные символическими мотивами и образами сюжеты видений усилили агиографический аспект повествования о кончине предстоятеля Церкви, позволили автору создать житийный образ святителя, литературно воплотить идею прославления патриарха Иоакима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каган М.Д. Житие Иоакима патриарха // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII век), ч. 1. С. 351–355.
2. Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима (вопросы атрибуции, истории текста и литературной специфики памятника) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 41–94.
3. Панич Т.В. Послание Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому о смерти патриарха Иоакима (автор как рассказчик и участник описываемых событий) // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 121–127.
4. Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге Нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.
5. Ромодановская Е.К. Рассказы сибирских крестьян о видениях (к вопросу о специфике жанра видений) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 141–156.
6. Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.
7. Ярхо Б.И. Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. С. 21–55.
8. Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003.
9. Панич Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004.
10. Беляев Л.А. Алтарь // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 54–55.
11. Бычков В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica. М. СПб., 1999. Т. 1.
12. Прокофьев Н.И. Видение как жанр в древнерусской литературе // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. М., 1964. Т. 231. С. 35–56.

Статья поступила
в редакцию 20.04.2012

⁸ О структуре жанра видений см.: [12, с. 40].

УДК 94(47).04+930.85

Н.С. ГУРЬЯНОВА

**СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СБОРНИКИ И МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НАЧАЛЕ XVIII в.**

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: gurian@academ.org

Статья посвящена анализу сборников подготовительных материалов к предстоящим дискуссиям с представителями официальной Церкви. Сделан вывод о том, что миссионерская деятельность Русской православной церкви в начале XVIII в. оказала существенное влияние на освоение старообрядцами научных методов работы с рукописями и старопечатными книгами.

Ключевые слова: старообрядчество, сборники, традиция, официальная Церковь, миссионерская деятельность.

Попытка официальной Церкви в начале XVIII в. вести в среде староверов активную миссионерскую деятельность, как известно, привела к появлению Дьяконовых, а затем Поморских ответов. В этих памятниках письменности защитникам старого обряда удалось достаточно убедительно опровергнуть законность нововведений и показать справедливость отстаиваемой ими точки зрения на обсуждаемые вопросы обряда и богослужебной практики. Разумеется, речь идет только о том, что старообрядцы сумели представить неопровержимые аргументы благодаря применению вполне научных методов работы с рукописями и старопечатными книгами. Особенно наглядно это было продемонстрировано в случае разоблачения в Дьяконовых и Поморских ответах подделок исторических источников, организованных официальной Церковью¹.

В начале XX в. В.Г. Дружинин по достоинству оценил проделанную старообрядцами работу, назвав ее «первой серьезной, научными приемами критики обставленной, разработкой двух памятников», подчеркнув, что «обследование это было произведено не ради научных целей, а ради практических» [1, с. 3]. Современный исследователь В.П. Козлов по этому поводу отметил, что старообрядцы не только разоблачили фальсификации, но и совершили «настоящий научный подвиг, вылившийся в создание первого в России источниковедческого, палеографического и лингвистического труда, который предвосхитил своими наблюдениями, методикой и выводами достижения последующей историко-критической мысли» [3, с. 27].

Столь высоко оцененные исследователями успехи старообрядческих книжников в освоении научных методов работы с письменными источниками, пусть даже достигнутые ради сугубо практических целей, заслуживают особого внимания. Очень важно проследить, каким образом старообрядцы обогащали усвоенную

от книжников Древней Руси традицию использования авторитетных текстов, дополнив ее источниковедческим, палеографическим и лингвистическим анализом фрагментов из рукописей и старопечатных книг. Это возможно сделать благодаря обращению к старообрядческим сборникам.

Сборники подготовительных материалов к Дьяконовым и Поморским ответам давно введены в научный оборот². В них особенно хорошо просматривается не только процесс аккумуляции старообрядцами отобранных фрагментов, способных помочь им в дискуссиях с представителями официальной Церкви, но и попытка доказать авторитетность используемых текстов. Этот аспект изучения старообрядческих сборников особенно перспективен, поскольку позволяет исследователям проследить, как старообрядцы не только сохраняли древнерусские традиции, но и развивали их в условиях Нового времени.

Несколько поколений защитников старого обряда к началу XVIII в. уже определили круг цитат, которые поддерживали их точку зрения на новшества, введенные в результате церковной реформы в обряд и богослужебную практику. В конце XVII – начале XVIII в. старообрядцы в процессе оформления идеологии вновь образованных направлений и согласий дополняли этот круг и пытались представить оппонентам неоспоримые аргументы в пользу их безусловной авторитетности. Для этого они вынуждены были освоить вполне научные, даже с современной точки зрения, приемы работы с письменными источниками. Речь идет не только об описании рукописей и старопечатных книг, но и о приемах доказательства значимости используемых текстов.

Старообрядческие сборники дают возможность исследователям получить представление о том, каким образом старообрядцы готовились отстаивать свою точку зрения по вопросам обряда и богослужебной

¹ Об этом см.: [1; 2, с. 80–87; 3, с. 22–44].

² Об этом см.: [4, с. 10].

практики. В них нашел отражение результат работы нескольких поколений защитников старого обряда по отбору цитат и поиску аргументов в пользу авторитетности исходных текстов. Естественно, очень важно найти материалы, благодаря которым представители дьяконовского и поморского согласий сумели достойно обосновать собственную точку зрения по всем спорным вопросам, нашедшую отражение в Дьяконовых и Поморских ответах. Рукопись РНБ, О.І.349, датируемая началом XVIII в.³, дает возможность получить некоторое представление о начальном этапе подготовительной работы старообрядцев к предстоящим дискуссиям с миссионерами официальной Церкви.

Этот сборник составлен из текстов, написанных разными людьми в конце XVII – начале XVIII в. Его отличает продуманность расположения материала, освещающего некоторые вопросы религиозной жизни человека благодаря цитированию соответствующих фрагментов с примерами из сочинений русских, южнорусских писателей, а также периода классического христианства. Включенные тексты можно определить как относящиеся к нравственному богословию, в них постоянно присутствует призыв к нравственной жизни и напоминание о необходимости спасения души. Определенное внимание уделено эсхатологической тематике, истории крещения Руси.

Разумеется, очень сложно охарактеризовать даже в самом общем виде содержание сборника, но важно подчеркнуть, что составители явно попытались собрать в одной рукописи тексты, которые, как они считали, следовало сохранить для будущих поколений. Чаще всего сочинения или фрагменты из них, а также выписки из рукописей и старопечатных книг представлены каждый в качестве отдельного блока, продолжающего тему. Иногда они разделены чистыми листами. Особую ценность сборнику придает текст, расположенный в конце рукописи, после л. 222. Он состоит из двух значительных по объему частей, занимающих листы с 222 по 244 и с 264 по 293, представляющих выписки из рукописей и старопечатных книг, которые посвящены теме крестного знамения и вопросу об аллилуйя. Между этими блоками выписок помещено несколько молитв и покаянных стихов.

По-видимому, тематические выписки были сделаны ранее и затем включены в данный сборник. Такое предположение можно высказать, поскольку вторая подборка начинается после чистого листа с окончания фразы, завершающей ссылку на печатные книги времени патриарха Иосифа: «...святейшем патриархе Иосифе вы[хо]дов також персты слагати и островской напечатано...»⁴. За этим блоком выписок помещено несколько текстов нравоучительного характера⁵, а затем скопировано сочинение Герасима Фирсова «О сложении перстов...»⁶, по определению О.В. Чумичевой, в «авторском» варианте основной редакции⁷.

Два блока выписок из рукописей и старопечатных

книг, а также текст Трактата о двуперстии использовались старообрядцами для составления сборников подготовительных материалов к Дьяконовым и Поморским ответам. Попытаемся показать это на нескольких примерах. А.Т. Шашков очень точно подметил, что «около четверти сборника» подготовительных материалов к Дьяконовым вопросам (РГБ, собр. Егорова, № 383) «так или иначе связано с именем Максима Грека. Составители книги неоднократно и почти целиком приводят Сказание Максима о двуперстии, сопровождая его то рассуждениями Герасима Фирсова, взятыми из его “Тетрадей на крест”, то подборкой “свидетельств” об авторитетности Максима Грека [2, с. 85–86]. Отмеченная нами часть сборника РНБ, О.І.349 тоже включает материалы, связанные с Максимом Греком, и полностью текст Трактата Герасима Фирсова.

В Егоровском сборнике, написанном в 1711 г., произведение соловецкого инока использовалось без упоминания имени автора практически дословно, но с дополнительными вставками. Анонимность текста вполне может быть объяснена тем обстоятельством, что его предполагалось использовать в дискуссиях с миссионерами, для которых имя автора, естественно, не было столь авторитетным, как для старообрядцев. Уважительно относясь к произведению Герасима Фирсова, старообрядцы в условиях Нового времени значительно усилили аргументы в пользу двуперстного крестного знамения благодаря дополнениям, включенным в первоначальный текст с целью превратить их в неопровержимые доказательства перед лицом представителей официальной Церкви. В результате было написано, как его справедливо определила О.К. Беляева, «компилятивное сочинение», включаемое в сборники подготовительных материалов к Дьяконовым ответам⁸.

В сборнике РНБ, О.І.349 нашел отражение самый ранний этап сбора информации, которая будет использована затем в сборниках подготовительных материалов к Дьяконовым и Поморским ответам. В нем сочинение Герасима Фирсова представлено еще как авторское, завершающее подборку выписок из рукописей и старопечатных книг в пользу двуперстного крестного знамения. Первый тематический блок цитат начинается с фрагмента из Сказания Максима Грека, о чем переписчик сообщает в заголовке: «Из книги инока Максима Грека. Сказание, како знаменоваться крестным знаменем. Глава 48». Практически дословно воспроизведена основная часть сочинения⁹, кроме окончания, начинающегося со слов: «Сие божественное и страшное знамение предобрази патриарх Иаков...»¹⁰.

Л.И. Журова опубликовала текст Сказания по 10 рукописям, в которых оно было обозначено как 15-я, 28-я, 33-я, 40-я, 46-я главы. Состав собраний сочинений и нумерация глав дают возможность исследователям определить, к какому – прижизненному или более позднему – кодексу относится или восходит

³ Описание сборника см.: [5, с. 70–74].

⁴ РНБ. О.І.349. Л. 264.

⁵ Там же. Л. 293 об. – 310 об.

⁶ Там же. Л. 311–376 об.

⁷ Об этом см.: [6, с. 74].

⁸ Об этом подробно см.: [7, с. 123–134].

⁹ РНБ. О.І.349. Л. 222–224 об. Ср: [8, с. 28–31].

¹⁰ Ср.: [8, с. 31–32].

конкретная рукопись. Указание «Глава 48» в сборнике РНБ, О.І.349 означает, что в собрании сочинений Максима Грека¹¹, из которого скопирован текст, Сказание составляло 48-ю главу. О том, что старообрядцы имели дело с собранием сочинений или по определению писца с «книгой» Максима Грека, нам позволяет говорить следующее обстоятельство.

На листах 241 – 243 об. и 266 об. – 268 об., т.е. два раза, приведены еще два фрагмента из сочинений Максима Грека с более точным указанием на источник: «Выписано из Максимовы книги Грека, что Троицы Сергиева монастыря в десть, в 30 строк, глав в ней сто тридцать четыре. Слово 14. Ниже»¹². Указание «ниже» в данном случае означает, что текст сочинения приведен не с начала. Действительно, далее помещено окончание сочинения Максима Грека, начиная со слов: «Яко ничто же лукаво ни хулно о православней вере вашей же и моей...»¹³. После этого следует небольшая цитата, посвященная определению, что такое еретик, перед которой еще раз повторены основные параметры рукописи: «Из книги Максима Грека Троицы Сергиева монастыря, а она в десть, глав 134. Слово 78»¹⁴.

Во втором тематическом блоке скопировано практически полностью, кроме одного, последнего, абзаца, еще одно важное для старообрядцев сочинение, озаглавленное так: «Преподобнаго отца и философа Максима Грека Слово к смеющим трижды глаголати аллилуия, чрез предания церковнаго, а четвертое – Слава тебе Боже»¹⁵. На поле указан источник: «От книги Максима Грека философа. Глава 45»¹⁶. Все эти тексты были скопированы старообрядцами в начале XVIII в. из собрания сочинений Максима Грека, состоящего из 134 глав и хранящегося в библиотеке Троице-Сергиевой лавры. Выговцы, составившие новое собрание сочинений, не использовали эту рукопись, она осталась неизвестной и исследователям¹⁷.

В сборнике РНБ, О.І.349 подборку фрагментов из сочинений Максима Грека дополняет цитата из его предисловия к толковой Псалтири. Заголовок к ней дает представление об источнике и теме выписки: «Книга Псалтырь толковая Чюд[ова] монастыря. Предислов. Максима Грека. О Феодорите»¹⁸. Все эти материалы, связанные с именем Максима Грека, как и Трактат Герасима Фирсова, были использованы составителями сборников подготовительных материалов к Дьяконовым и Поморским ответам. Например, отмеченную цитату из Предисловия находим дословно воспроизведенной в Егоровском сборнике, но представлена она по-другому: «Такоже и в предисловии толковья Псалтыри своего (Максима Грека. – Н. Г.) преводу глаголет о нем сице: Феодорит многоучней-

ший и добреучительнейший...»¹⁹. Этот одобрительный отзыв о Феодорите включен в сборник с целью придать значимость тексту так называемого Феодоритова слова, поэтому составителям важно было подчеркнуть авторство Максима Грека, а не ссылаться на конкретную рукопись, из которой произведена выписка, как это было сделано первоначально.

В «компилятивном» сочинении основу составил Трактат о двуперстии Герасима Фирсова, а фрагменты текстов, включенные в сборник РНБ, О.І.349, дополнили его и использовались обязательно с авторскими комментариями, иногда в более полном виде. Сборник подготовительных материалов к Поморским ответам составлен исключительно из необходимых выговцам цитат для отстаивания собственной точки зрения перед лицом официальной Церкви. Все они систематизированы и представлены в качестве тематических разделов, названия которых сформулированы в оглавлении. Приведем его начало: «1. О кресте; 2. О крестном знамении, о аллилуии; 3. О Символе веры; 4. О молитве Исусове...»²⁰.

Во втором разделе особенно заметно, что в сборник РНБ, О.І.349 были включены материалы, которые позже использовались выговцами при составлении сборника РГБ, ф. 247, № 563. В качестве яркого примера приведем параллельные тексты:

РНБ, О.І.349, л. 265	РГБ, ф.247, № 563, л. 185 об.
Есть книга Грамматика, в четверть, а в начале сице: Грамматика словенска свершенного искусства осми частей слова и иных нужных. Новосоставлена ЛЗ. В Вилни в друкарни братской року Божиго 1596, а от создания мира 7103, месяца февраля 12. Грамматика словенска. Лаврентием Зизанием. Ниже. Стефана Зизания. Изложение о православной вере. На последнем листу сице: О знамении крестном. Замыкает в себе крест Христов всю таемницу благоверия нашего....	Из книги Грамматики, составленная Лаврентием Зизанием, изданный типом в Вилне в друкарне братской лета 7103-го месяца февраля в 12. На конце Грамматики, по алфавите, Стефана Зизания. Изложение о православней вере. Короткимпытанием и оповеданьем для латвейшаго вырзуменья христианским детем. Ниже. О знамении крестном. Замыкает в себе крест Христов всю таемницу благоверия нашего....

Выговцы явно попытались в более четком виде представить информацию об издании. Они не всегда довольствовались приведенной предшественниками цитатой, а обратившись к первоисточнику, включали дополнительно несколько фрагментов, которые, как они считали, придавали еще большую значимость исходному тексту. Именно так они поступили с выпиской из Предисловия Максима Грека к толковой Псалтири. В отличие от составителей сборников подготовительных материалов к Дьяконовым ответам, выговцы включили еще один фрагмент из этого Предисловия: «Из книги Псалтыри толковья превода Максима

¹¹ О собраниях сочинений Максима Грека см.: [9, с. 223–279; 10, с. 93–123].

¹² РНБ. О.І.349. Л. 241.

¹³ Там же. Л. 241–242.

¹⁴ Там же. Л. 242.

¹⁵ Там же. Л. 279–282 об.

¹⁶ Там же. Л. 279.

¹⁷ О рукописях собраний сочинений Максима Грека из библиотеки Троице-Сергиевой лавры см.: [10, с. 106, сн. 63].

¹⁸ Там же. Л. 242 об.

¹⁹ РГБ. Собр. Егорова. № 383. Л. 42–42 об.

²⁰ РГБ. Ф. 247. Собр. Рогожского кладбища. № 563. Л. 3.

Грека философа. От предисловия его к благоверному великому князю Василию Ивановичю всеа России. Священная убо книга сия древними мужи всяческою премудростию и тяжестию разумении украшенными составлена. Тако учащена есть по всему богодохновенною премудростию и разумением высочайшим. Ниже. Время же ныне и составляющих сию богомудрых мужей изъявити и имена и нравы толкования изъявления убо еже по возвождению, сии речь по высокому и духовному зрению. Ниже. Феодорит многоученнейший и добреучительнейший...»²¹.

Иногда материалы сборника РНБ, О.І.349 проясняют краткую информацию, включенную выговцами в сборник подготовительных материалов к Поморским ответам. Например, выговцы поместили следующий текст: «Выписано из Потребника с Патриарша двора. Ниже. Лета 7111 декабря в 15 день великий господин святейший Иов патриарх Московский и всея Руси сию книгу Потребник архимандрита Закхейскую дал в дом Пречистой Богородице честнаго и славнаго Ея успения в соборную церковь в свою патриаршу ризницу по нем Спаса новаго монастыря по архима[нд]рите Закхее в вечный поминок. Ниже. Глава 48: Иже не крестится двема перстома, якоже и Христос, да будет проклят»²². Выговцы включили указание на конкретную рукопись, чтобы процитировать заключительную фразу о двуперстии. Они подчеркнули, что речь идет о Потребнике, связанном с именем патриарха Иова, авторитетность которого для представителей официальной Церкви была безусловной.

В сборнике РНБ, О.І.349 находим не только цитату о необходимости придерживаться двуперстного крестного знамения, но и более подробное описание этой рукописи: «Да старописной же Потребник во осмушку, писано на кожаном, харатии, уставом во главе, что Иев и Закхеи. Глава 48: Иже не крестится двема перстома, якоже и Христос, да будет проклят. Выписано сие из Потребника с Патриарша двора. А в другом месте, в том же Потребники, подписано сиче: Сию книгу потребник взял архимандрита у Закхея стретенской протопоп Григорей государеву дяку Афонасью Власьеву на съезд 107, июня 11 день. А на нижних полях на розных листах сиче: Лето 7111 декабря в пятый на десять день великий господин святейший Иов патриарх Московский и всея Руси сию книгу Потребник архимандрита Закхеиньскую дал в дом Пречистой Богородице честнаго и славнаго Ея успения в соборную церковь в свою патриаршу ризницу по нем Спаса новаго монастыря по архима[нд]рите Закхее в вечный поминок»²³.

Очевидно, что выговцы положили в основу своей заметки о рукописи Потребника эту информацию, упорядочив ее. При этом исключили сведения, относящиеся к истории бытования конкретной рукописи, сделав

акцент на том, что она связана с именем патриарха Иова. Подобные примеры можно продолжить, но уже приведенных достаточно, чтобы показать явную связь материалов сборника РНБ, О.І.349 с подготовительной работой старообрядцев к предстоящим дискуссиям с представителями официальной Церкви. В этот сборник были включены материалы, которые появились у старообрядцев в результате обследования книжных собраний, в которые им удалось проникнуть в начале XVIII в. Два блока выписок из рукописей и старопечатных книг, а также включенная копия Трактата о двуперстии Герасима Фирсова явно были использованы старообрядцами позже при составлении сборников подготовительных материалов к Дьяконовым и Поморским ответам. Обращение к материалам сборника РНБ, О.І.349 позволяет увидеть не только начальный этап этой работы, но и процесс освоения старообрядцами вполне научных методов работы с памятниками письменности. Позже они еще более совершенствовались и к моменту подачи сначала Дьяконовых, а затем и Поморских ответов их можно определить как вполне научные. Процесс освоения методов шел очень интенсивно благодаря предстоящим дискуссиям с миссионерами официальной Церкви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружинин В.Г. Поморские палеографы XVIII столетия. Пг., 1921.
2. Шашков А.Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – начале XVIII в. (Подделка и ее разоблачение) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 80–87.
3. Козлов В.П. Тайны фальсификации. М., 1996.
4. Беляева О.К. К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 9–16.
5. Бычков И.А. Каталог собрания славяно-русских рукописей П.Д. Богданова. СПб., 1893. Вып. 2.
6. Чумичева О.В. Археографический обзор сочинений Герасима Фирсова и его автографов // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989. С. 59–76.
7. Гурьянова Н.С. Максим Грек и старообрядцы // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7, ч.2: Проблемы книжной культуры. С. 120–134.
8. Журова Л.И. «Сказание о крестном знамении» Максима Грека (литературная и рукописная история, особенности адаптации памятника в новых культурных условиях) // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 3–33.
9. Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977.
10. Шашков А.Т. Поморский кодекс сочинений Максима Грека // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 93–123.

Статья поступила
в редакцию 20.04.2012

²¹ РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 134–134 об.

²² Там же. Л. 184 об.

²³ РНБ. О.І.349. Л. 264–264 об.

УДК 002.2; 571; 930.391/397

В.А. ЭРЛИХ

**ИЗДАНИЕ ТРУДОВ ПО ЭТНОГРАФИИ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.**

канд. ист. наук
Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В статье рассмотрены вопросы издания трудов по этнографии в Сибири, на Дальнем Востоке и в русскоязычных центрах Юго-Восточной Азии в конце XVIII – начале XX в. Освещена тематика издаваемых работ. Отмечено, что преобладало издание трудов краеведческого характера.

Ключевые слова: издательская деятельность, этнография, сибирско-дальневосточные отделы ИРГО, музеи, Восточный институт.

Освоение просторов Северной Азии требовало знаний о жизни, быте населения региона. Сбором этих сведений занимались практически все экспедиции, губернские правления, научные общества. К моменту освоения Сибири в Московском государстве уже имелись определенные сведения о народах края. Эти возможности значительно расширились с конца XVI в. В XVII в. появились достоверные этнографические данные о населении многих территорий Северной Азии. К концу XVII в. возникли гипотезы о происхождении ряда народов края (Н.К. Витзен, Э.И. Идес, С.У. Ремезов, Н.Г. Спафарий), были составлены специальные описания этногеографического характера (Ю. Крижанич, С.У. Ремезов, Н.Г. Спафарий).

В XVIII в. было получено колоссальное количество данных о быте, культуре населения, сформировано цельное представление о народах Сибири и Дальнего Востока. Появились теории о происхождении и развитии различных этносов региона.

В первой половине XIX в. продолжалось интенсивное накопление сведений по этнографии региона, но развернутых исторических выводов сделано не было. Однако была предпринята попытка дальнейшего обоснования теории алтайского происхождения финно-угорских народов (М.А. Кастрен).

В 1850–1880-е гг. инициатива в области изучения края перешла к окрепшим краеведческим центрам. Огромную роль в этом сыграли сибирские отделы ИРГО и музеи. Этнографические исследования активно проводили Н.А. Абрамов, А.А. Бунге, Ч.Ч. Валиханов, Г. Гомбоев, К. Дитмар, И.А. Лопатин, Г.Л. Майдель, С.С. Шашков, Н.Д. Юргенс [1, с. 36–38; 2, с. 18; 3, с. 209; 4, с. 19; 5; 6, с. 15–21, 33–37]. Тогда же были созданы различные концепции и теории.

А.П. Щапов сформулировал новый концептуальный подход, считая, что необходимо приступить к выяснению природных условий, в которых происходило развитие народа. Научную цель регионалистики

он видел в анализе основных сфер жизнедеятельности каждой провинции. Благодаря его работам интерес к изучению местной истории нашел отражение в творчестве С.С. Шашкова, Н.М. Ядринцева и др. [3, с. 208, 217; 7, с. 12, 14, 16, 19].

1888–1917 гг. в развитии науки в Сибири и на Дальнем Востоке были особенно интенсивными. Происходило дальнейшее расширение исследуемых территорий, деятельности специализированных экспедиций, участниками которых часто выступали специалисты-«отраслевники». Ощутимее обозначилась связь этнографии с археологией, историей. В разработке вопросов, связанных с изучением народов Сибири и Дальнего Востока, прослеживается определенная эволюция – от частных выводов до создания концепций и теоретических обобщений. Для данного периода развития науки характерно присутствие представителей различных научных школ, появление обобщающих фундаментальных трудов.

Во второй половине XIX – начале XX в. издательской деятельностью занимались ВСОИРГО и его Красноярский подотдел, ЗСОИРГО и его Алтайский и Семипалатинский подотделы, Якутский отдел, Приамурский отдел и его Читинский и Троицковско-Кяхтинский подотделы. Одним из направлений их деятельности стало создание специальных органов печати (научные повременные издания), а также публикация трудов, представлявших собой летопись истории науки в крае, в совокупности с издательской продукцией других учреждений и частных лиц, составлявших репертуар этнографических изданий региона.

Материалы, печатавшиеся в «Записках» и «Известиях» сибирских отделов ИРГО, часто носили комплексный характер, охватывая сведения по ряду отраслей наук. Такими были, например, работы: «Сообщение г. Ровинского о поездке на Тунку и на Оку до Окинского караула» П.А. Ровинского (Изв. СОИРГО. Иркутск, 1871. Т. 1, № 4–5), «От Якутска до Аяна. Пу-

тевые наблюдения. (Аянская экспедиция 1894 года)» Я.В. Стефановича (Зап. ВСОИРГО по общей географии. Иркутск, 1896. Т. II, вып. 3). В публикациях такого рода приводились данные по этнографии.

В Красноярском подотделе ВСОИРГО с 1902 г. выходили «Записки по этнографии». Так, в 1-й выпуск т. 1 вошли 64 сказки и 174 песни, записанные А.А. Макаренко, А.В. Жилинской, А.В. Адриановым и Г.Н. Потаниным [8, с. 47]. Качество публикаций здесь порой оставляло желать лучшего. А.Я. Тугаринов, характеризуя 2-й выпуск «Записок по этнографии», отмечал, что в книге масса опечаток, а Распорядительному комитету необходимо образовать редакционную комиссию¹.

В «Записках» ЗСОИРГО содержится ряд работ по этнографии². Отчеты и рукописи проходили через Распорядительный комитет. Так, действительный член Отдела А.Е. Новоселов после представления в Комитет рукописи о поездке к старообрядцам Алтая, обратился с заявлением о резервировании в очередной книге «Записок» места для своей работы об алтайских старообрядцах³. В период подготовки работ Отдел поддерживал переписку с типографиями. Так, в 1902 г. было отправлено письмо в типографию Омского окружного штаба, в котором извещалось, что корректуры статей 30-й книги «Записок» необходимо посылать С.Н. Велецкому. Такой отзыв поступил на труд «Поверья и обычаи Сургутского края» И.Я. Неклепаева⁴. Таким образом, технология подготовки рукописи (рассмотрение в редакции, рецензирование, решение о печатании и т. д.) была тщательно отработана и приобрела законченный вид после неоднократной апробации в начальный период издательской деятельности ЗСОИРГО.

Активное участие в издании работы «Аносский сборник: Собрание сказок алтайцев» Н.Я. Никифорова принял Г.Н. Потанин. На завершающей стадии подготовки рукописи к печати, в апреле 1915 г., он сообщал А.Н. Седельникову о сдаче на почту «Примечаний» к «Алтайским сказкам. Г.Н. Потанин предложил свой проект оформления обложки будущего сборника⁵.

«Записки» Общества изучения Амурского края (ОИАК) начали издаваться с 1888 г. Во 2-й том вошла рукопись учителя с. Марково Анадырского округа А.Е. Дьячкова по этнографии края [9, с. 26–29, 39, 47], с которой были напечатаны оттиски (Владивосток, 1893).

В Троицкосавско-Кяхтинском отделении Приамурского отдела ИРГО были фрагментарно напечатаны сообщения по этнографии, сделанные в общем собрании отделения, работа «Семейские (старообрядцы) в Забайкалье» Ю.Д. Талько-Грынцевича (Троицкосавск, 1894). Среди публикаций «Известий» (в Иркутске печатались оттиски статей из них) следует отметить:

«Брачное право инородцев Селенгинского округа» М.А. Кроля (1895). Среди трудов Отделения были произведения по востоковедению, бурятскому фольклору, этнографии [10, с. 68–76]. Количество публикаций и авторов – участников издания, как и тематический охват материала, – весьма впечатляющи. Изредка работы, вошедшие в издание, печатались отдельно, например, «Заметки по антропологии северных китайцев» Ю.Д. Талько-Грынцевича (Б. м., б. г.).

К концу XIX в. в Сибири функционировало 18 музеев, восемь из которых находились в ведении ИРГО. Минусинский местный и Тобольский губернский в 1880–1890-х гг. развернули активную издательскую деятельность. Так, Тобольский музей широко представлял этнографические материалы на страницах «Ежегодника». Отдельная страница в истории издания этнографической литературы в Сибири и на Дальнем Востоке связана с местными вузами: Томским университетом и Восточным институтом. Последний интенсивно публиковал работы по этнографии народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

Отличительной чертой научного книгоиздания Сибири и Дальнего Востока в области этнографических наук в дореволюционный период, особенно на ранних этапах его развития, являлся выпуск трудов комплексного характера. На протяжении XVIII – начала XX в. они претерпевали эволюцию, и в последней четверти XIX в. уже наблюдалась специализация в комплексных работах: материалы в них стали помещаться по родственным отраслям.

Следует отметить, что практически все труды участников экспедиций XVIII в. и ряд работ сибирских исследователей конца XVIII – первой половины XIX в. издавались в Санкт-Петербурге и Москве, причем часто в периодических изданиях. Так, в Санкт-Петербурге на протяжении XVIII в. публиковались труды по этнографии Сибири. Особенно тесно с данным направлением была связана деятельность Г.Ф. Миллера.

Издававшийся в Санкт-Петербурге академиком Г.И. Спасским журнал «Сибирский вестник» (1818–1824; переименован в 1825–1827 в «Азиатский вестник») сыграл важную роль в изучении востока России. Так, в первой части «Сибирского вестника», в разделе IV «Изображение обитателей Сибири» давалось описание народов, кочевавших между Алтайскими и Саянскими горами. Приведен анализ песен, сказок, дана характеристика растений, составлявших пищевую рацион аборигенов, и т. д. [11, с. 87–111, 179–209]. В «Азиатском вестнике» в разделе «Изображение обитателей Сибири», были опубликованы работы Г.И. Спасского «Забайкальские тунгусы», «Камчатские обычаи», «Телеуты, или белые калмыки». Весьма яркий очерк поместил доктор Кибер – «Чукчи» [12, с. 154].

Материалы по этнографии Алтая были включены в сборник «Алтай». Здесь имелся раздел «Краткая летопись Алтая» [13, с. 1–27], где речь шла об экспедициях, представители которых занимались этнографией (И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер, Ф.В. Радлов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др.).

Значительное количество такого рода материалов помещалось в работах, посвященных описанию путе-

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Оп. 1. Д. 36. Л. 63.

² Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.

³ ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 171. Л. 102; Д. 218. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 31. Л. 210; Д. 40. Л. 76 об. – 77.

⁵ Там же. Д. 178. Л. 7–7 об.; Д. 201. Л. 27–29.

шествий, экспедиций. Это публикации А.В. Адрианова, Н.А. Кострова, В.В. Сапожникова, Н.М. Ядринцева. Так, в работе Н.А. Кострова [14] давалась характеристика селений, социальной структуры общества, хозяйственных занятий и быта калмыков, алтайцев, монголов Бийского округа. В трудах комплексного характера, посвященных Дальнему Востоку, также приводились исторические сведения – например, в публикации А.П. Сильницкого [15]. Автор представил данные о хозяйстве и быте камчадалов, ламутов, коряков и т. д.; о богослужениях и праздниках. Среди изданий комплексного характера можно отметить работу «Тобольская епархия» [16]. Здесь в первой части в отделе 2 приводились этнографические сведения о народах и племенах Тобольской губернии.

«Исторический журнал, или Собрание из разных книг, любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов» (т. 1) Д.В. Корнильева, изданный в 1790 г. в Тобольске, символически открывается статьей «О Сибири», за которой следовали публикации о бурятах, телеутах, хантах, манси, селькупках, якутах, тунгусах [12, с. 151]. Одним из первых научных трудов по этнографии были «Записки о тарских оседлых инородцах» П.М. Капцевича (Омск, 1825).

Цикл работ о коренном населении Тобольской губернии опубликовал А.А. Дунин-Горкавич. Особо следует отметить его монографию «Тобольский Север». В 1904 г. в Петербурге был издан первый том этой работы. Второй и третий тома вышли в Тобольске в 1910 и 1911 гг. [4, с. 22–24].

Среди изданий, посвященных отдельным народам Сибири, отметим: «Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии» В.В. Радлова (Томск, 1887), «Киргизы: Этнологический очерк» Н.Л. Зеланда (Омск, 1885), «Китайцы в Уссурийском крае» В.К. Арсеньева (Хабаровск, 1914), «Сибирские татары» И.Н. Юшкова под псевдонимом «И. Ю.», опубликованную в «Тобольских губернских ведомостях» (1861. № 35–45), «Алтайцы» В.И. Вербицкого, напечатанную в «Томских губернских ведомостях» (1869/70) [17, с. 24, 36, 111, 142, 464].

В ряде работ второй половины XIX в. этнографические материалы были отражены в публикациях о путешествиях в Южную Сибирь. Среди них, например, труд А.В. Адрианова [18]. Аналогичный материал имеется в «Отчете о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в Горный Алтай к Телецкому озеру и в вершину Катуня» Н.М. Ядринцева, напечатанном в «Записках» ЗСОИРГО (1882, кн. 4). Сохранились рукописные «Материалы к отчету о путешествии на Алтай 1878 г.» Н.М. Ядринцева, включенные в его работу «Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ» (Изв. ЗСОИРГО. Омск, 1880. Кн. 2), где дано подробное описание Бийского округа⁶.

Разнообразными были выпущавшиеся программы: «Ответы на программу Императорского Русского географического общества для собирания народных юридических обычаев» М.В. Загоскина (Иркутск,

1891), «Программа для описания сибирских инородцев» Н.М. Ядринцева (Омск, 1880).

В работах «Современное состояние инородцев Амурской области и бассейна Амгуни» П.П. Шимкевича (Хабаровск, 1895), «Нужды и потребности сахалинских поляков» Б.О. Пилсудского (Хабаровск, 1898) рассматривалось современное на тот момент состояние русского, славянского и инородческого населения.

Печатались труды, посвященные быту народов края, например: «Быт первых русских поселенцев в Западной Сибири» Н.А. Городкова (Тобольск, 1899), «Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке: К вопросу о культурном взаимодействии рас» Г.Е. Катанаева (Омск, 1893), «Быт гиляков на низовьях Амура» А.П. Сильницкого (Хабаровск, 1895).

Ряд изданий посвящался свадебным и погребальным обрядам: «Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья. Станица Сретенская (Забайкальской области), ее народонаселение и санитарный быт» К.Д. Логиновского и И.С. Колбасенко (Хабаровск, 1899), «Погребальные обряды тобольских татар. Предания тобольских татар о грозном царе Тамерлане» Н.Ф. Катанова (Тобольск, 1898).

Вниманием издателей пользовались и публичные лекции. Так, в работе В.К. Арсеньева «Вымирание инородцев Амурского края» рассмотрены причины сокращения численности аборигенного населения [19].

С открытием Восточного института и центров русского книгоиздания в Китае и Японии расширилась сфера изучения этнографии народов Зарубежной Азии. В «Известиях» этого института публиковались труды о японцах и китайцах, в основном обобщающего характера. Авторами работ являлись сотрудники Восточного института и различных обществ – Н.П. Мацокин, Ю.Д. Талько-Грынцевич, П.В. Шкуркин и др. Перу Н.П. Мацокина, например, принадлежит обобщающий труд «Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии», опубликованный в «Известиях» Восточного института (Владивосток, 1910–1911. Вып. 1–2).

Ряд произведений посвящен этнографии Китая и китайцев: «К этнографии Китая», Ю.Д. Талько-Грынцевича (Иркутск, 1896), «Лоло (Старое и новое об инородцах юго-западного Китая)» П.В. Шкуркина (Харбин, 1913), «Характеристика китайцев» А.Г. Смита (Владивосток, 1907. Вып. 1; 2).

Быт японцев описан в трудах: «Обозрение Японского архипелага» (Б. м., 1871) и «Очерк быта японцев в Приамурском крае» П.Г. Васкевича (Владивосток, 1906), «К вопросу о характеристике японцев. Этические основы жизни благородного сословия в Японии» Л. Богословского («Известия» Восточного института. 1902. Т. 3, вып. 2).

Труды, посвященные Монголии, Японии и Корее, выходили в Харбине в серии «Материалы по Маньчжурии, Монголии, Китаю и Японии». В числе таких трудов – «Монголия. Княжество Дарховань» Коншина (Харбин, 1907), «Очерк состояния Кореи в конце 1905 года и в начале 1906 года» П.А. Россова (Харбин, 1906).

Значительное количество работ было посвящено этнографии русского крестьянства. Среди них следует

⁶ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 295. Оп. 1. Д. 10.

отметить брошюру Н.А. Кострова «Колдовство и порча между крестьянами Томской губернии» (Томск, 1880).

Разрабатывались вопросы, связанные с правами и обязанностями аборигенного населения, что нашло отражение в работах: «Общинные порядки восточных волостей Томского округа и северо-западной половины Минусинского округа» А. Кауфмана (Томск, 1895), «Подати, повинности и земля у якутов: От 1766 г.» Л.Г. Левенталя (Якутск, 1896), «Степное право и имперский закон» Д.Е. Лаппо (Томск, 1909), «Иногородский вопрос в Сибири» И.И. Серебренникова (Иркутск, 1917).

Таким образом, тематика изданий этнографического характера, выпускавшихся в крае в дореволюционный период, являлась достаточно разнообразной. В определенной мере она отличалась локальностью сюжетов. В регионе преобладало издание трудов краеведческого характера, связанных с изучением быта, обычаев, хозяйства народов Северной, Средней, Восточной и Юго-Восточной Азии. Появление таких работ было обусловлено геополитическими устремлениями России, ее попытками закрепиться на новых территориях. А это требовало их изучения, в том числе в рамках данных устремлений. Настоятельная потребность в публикации материалов такого рода привела к появлению группы разработок, ориентированных, на первый взгляд, на узкий круг специалистов. Однако по своему содержательному наполнению и назначению данные публикации выходили за такие узкие рамки, поскольку включали значимые для науки и практики материалы, которые стали активно привлекаться современниками в разных научных областях – истории, географии, филологии, экономике и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарова И.В., Томилов Н.А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр. Омск, 2007.

2. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск, 1980.
3. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2008.
4. Сальмский край: научно-художественное издание. Екатеринбург, 2000.
5. Циркин А.В. В.В. Радлов – исследователь Южной Сибири XIX столетия // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. Вып. 4.
6. Ширина Д.А. Экспедиционная деятельность Академии наук на Северо-Востоке Азии. 1861–1917 гг. Новосибирск, 1993.
7. Смищенко Р.С. Историческая концепция А.П. Щапова : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000.
8. Базылева Е.А. Книгоиздание научных учреждений Сибири. Вторая половина XIX в. – 1917 г. Новосибирск, 2003.
9. Хисамутдинов А.А. Общество изучения Амурского края: события и люди. Владивосток, 2004. Ч. 1.
10. Лайчадзе С.А. Книжное дело на Дальнем Востоке. Дооктябрьский период. Новосибирск, 1991.
11. Спасский Г.И. Изображение обитателей Сибири // Сиб. вестник. СПб., 1818. Ч. 1, 2.
12. Эрлих В.А. Научная книга Сибири и Дальнего Востока в XVIII – начале XX века. Новосибирск, 2005.
13. Алтай: Ист.-стат. сб. по вопр. экон. и гражд. развития Алт. горн. окр. (с портр. алт. изслед., покойнаго С. И. Гуляева). Томск, 1890.
14. Костров Н.А. Поездка на р. Чую д-ра Радлова в 1860 году. Томск, 1879.
15. Сильницкий А.П. Поездка в северные округа Приморской области. Хабаровск, 1902.
16. Тобольская епархия. Омск, 1892. Ч. 1, 2.
17. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг. Новосибирск, 2004. Т. 1, 2.
18. Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 года, по поручению Императорского Русского географического общества и его Западно-Сибирского отдела, членом-сотрудником А.В. Адриановым: Предвар. отчет. Омск, 1888.
19. Арсеньев В.К. Вымирание инородцев Амурского края: Лекция, прочит. в г. Хабаровске на съезде врачей в 1913 г. Хабаровск, 1914.

Статья поступила
в редакцию 11.04.2012

УДК [930.1+655+002.2](091)(438+470)“18”

И.С. ТРОЯК

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

канд. ист. наук
Государственная публичная научно-техническая
библиотека СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В статье рассматривается издание на польском языке во второй половине XIX в. исторических произведений о России. Представлены некоторые факты из истории выхода в свет оригинальных польских сочинений и переводов на польский язык трудов российских историков. Показано непосредственное влияние потери независимости Польши на последующее разделение польской исторической россики по территориальному признаку.

Ключевые слова: Польша, россика, историческая книга, историческая мысль, книгоиздание, цензура, XIX в.

Одним из историко-культурных феноменов, который привлекает в последнее время все большее внимание исследователей, является «внешний» образ

России и ее прошлого, представленный в сочинениях зарубежных авторов. Однако если документы европейской россики XV–XVII вв. уже давно и прочно вошли

в научный оборот отечественной историографии, то аналогичные произведения XVIII–XIX вв. не часто становились предметом изучения российских историков. Частично это объясняется увеличением числа отечественных источников в указанный период и их первостепенным значением для историографии. Основными же причинами незначительного использования российским научным сообществом произведений иностранных авторов о России были политические и идеологические. Иноязычные публикации нередко содержали негативные оценки политического режима в России, акцентировали внимание на отрицательных качествах русского народа. Такие произведения считались «вредными» и «тенденциозными» не только в царской России, но и в советское время, характеризующееся негативным отношением к зарубежной немарксистской историографии. В результате, несмотря на определенные успехи в изучении россики, разработка некоторых ее национальных и тематических сегментов XIX – начала XX в. началась сравнительно недавно – в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и продолжается до сих пор. Малоисследованным компонентом россики можно считать, к примеру, польскоязычные публикации, касающиеся истории России.

Изучение характера восприятия российской истории польским обществом невозможно без учета исторических, политических и культурных условий эпохи. На всем протяжении XIX в. для польской россики была характерна территориальная разобщенность, вызванная включением польских территорий в результате разделов в состав трех крупнейших европейских держав – Австрии, Пруссии и Российской империи. Это обстоятельство непосредственным образом сказывалось на содержании польскоязычных публикаций об истории России.

Во второй половине XIX в. в польском обществе резко усилились антироссийские настроения. Связано это было с все более усиливавшейся в Царстве Польском политикой русификации и крахом польского восстания 1863–1864 гг., за которым последовали жесткие репрессивные меры со стороны имперских властей. Заниматься в таких условиях изучением истории России польским ученым было нелегко. Как справедливо отмечает М. Филиппович, особенно остро у польских исследователей в отношении к России проявлялся конфликт между убеждениями патриота, видевшего в ней источник всех бед Польши, и объективностью ученого [1, с. 117].

Говоря о польской книге периода разделов (в том числе и той ее части, которая относится к россики), следует также учитывать политические обстоятельства, в которых она развивалась. Польское книжное дело в XIX в. существовало в весьма трудных условиях. На землях, отошедших к Пруссии, следствием политики германизации стало значительное ограничение гражданских свобод. За выпуск книг на родном языке польским издателям грозили судебные процессы и конфискация имущества. На территориях, подконтрольных Российской империи, давала о себе знать цензура, потому тематика публикаций была ориентирована на приемлемое для властей содержание. В австрийской части поначалу тоже имелись различные ограничения,

но после получения Галицией автономии (1861 г.) издательская деятельность стала развиваться там гораздо свободней. Некоторые варшавские издательские фирмы (например, «Gebethner i Wolff») даже создавали отдельные предприятия в Кракове и иногда публиковали две версии одной книги: полную – для австрийских и прусских земель, и цензурированную – для российских [2, с. 86]. Поскольку значительная часть польской россики второй половины XIX в. носила ярко выраженный антироссийский характер, основными центрами выпуска книг, так или иначе затрагивающих Россию и ее историю, стали в этот период Краков и Львов.

Тематика касающихся истории России польских исследований была ограничена довольно узким кругом вопросов. Большинство изысканий сводилось к политически ангажированному утверждению мифа о России как о захватнической империи. Кроме того, интересы польских исследователей к русской истории зачастую ограничивались ее рассмотрением главным образом в контексте истории Польши. В подобной ситуации любая попытка критического осмысления истории собственного народа означала измену нации и потворство захватчикам [1, с. 117].

Вследствие цензурных ограничений оценки и взгляды историков, работавших в Царстве Польском, нужно было вычитывать между строк, либо они следовали из самой подборки фактов, носящих нередко однозначный антироссийский акцент. Ученые, работавшие на территории Галиции, имели большую свободу слова, однако большинство краковских историков консервативной школы специальных исследований России не посвящали, а рассматривали ее историю лишь в связи с польской. Политически связанные с Габсбургской монархией, они смотрели на Россию, особенно современную им, как на врага, который принадлежит к совершенно иному, неевропейскому, миру. Рационалистического взгляда на русскую историю придерживались львовские историки, которым удалось избежать столь ярко выраженной антироссийской тенденции. Проблема в трудах польских ученых, приверженных национальному (патриотическому подходу), возникала тогда, когда все русское начинало сводиться к мифу «о злонамеренном чужаке», что, соответственно, заставляло авторов избегать всяких контактов с российскими источниками [1, с. 121].

Предметами изучения политической истории России чаще всего были история системы российского государственного управления и российской администрации. Большинство работ были обращены к недавнему прошлому. Например, Станислав Кшеминский в своей книге «25 лет России в Польше» [3] проанализировал российскую политику по отношению к полякам, уделив также немало внимания событиям внутри России. Другим примером является сочинение Мечислава Оффманьского (псевдоним Орион) «Характеристика правления Александра III на польских землях» [4]. Обе работы вышли во Львове. Известный в конце XIX – начале XX в. публицист, литератор и историк-любитель Франтишек Равита-Гавроньский опубликовал в 1892 г. в Кракове работу под названием «Двадцатилетие российской цензуры в Царстве Польском (1880–1891)» [5]. Им же была написана вышедшая во Львове в 1896 г.

книга «Общественно-политическое устройство Руси в XI и XII вв.» [6].

Одной из наиболее дискуссионных тем польско-русской истории является период российской смуты начала XVII в. Во второй половине XIX в. издавались исторические источники, имевшие непосредственное отношение к данной проблематике. Так, в 1882 г. были опубликованы записки гетмана Станислава Жулкевского о русско-польской войне 1609–1618 гг. [7]. Предпринимались польскими учеными и довольно интересные попытки анализа известных источников. В 1899 г. в Кракове отдельным оттиском вышла статья польского и русского лингвиста Яна (Ивана Александровича) Бодуэна де Куртенэ, в которой он анализирует языковую сторону письма Дмитрия Самозванца папе Клименту VIII (1604 г.). Автор делает вывод, что хотя в стиле письма Дмитрия присутствуют польские черты, однако существуют и другие особенности, которые указывают на его непольское, а скорее всего малороссийское, происхождение [8]. Среди польских историков «димитриады» следует также упомянуть Александра Гиршберга – автора вышедшего в 1898 г. исследования «Дмитрий Самозванец» [9]. Основной сферой научных интересов Гиршберга являлись польско-русские отношения начала XVII в. Несмотря на множество неточностей в работах, львовский историк ввел в научный оборот источники, содержавшие немало достоверных сведений о России начала XVII в. Кроме того, он попытался оценить значение русской историографии, не трактуя ее лишь как инструмент российского империализма [1, с. 129].

Исследования по истории права также можно назвать тесно связанными прежде всего с политической историей. В 1856–1865 гг. в Варшаве вышло второе (переработанное) издание «Истории славянских законодательств» В.А. Мачеевского¹ [10]. Кроме того, в продолжение своей работы он опубликовал в 1871 г. «Обзор новейших законодательств славян, представленный в нескольких отдельных статьях» [11]. Помимо публикаций общего характера, в которых история русского права освещалась наряду с юридической историей других славянских народов, выходили работы, полностью посвященные только российскому законодательству. Историком-юристом, писавшим помимо прочего и о русском праве, был Ромуальд Губе. В 1830–1840-е гг. он находился на службе в Санкт-Петербурге. Служа во II отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии, Р. Губе в 1840 г. был назначен членом комитета для ревизии проекта уложения о наказаниях. Его «История русского уголовного права» [12] охватывает период с древнейших времен до 1870 г. При подготовке своего труда автор пользовался архивами Государственного совета и II отделения. Особенно ценными в данном сочинении являются сведения, относящиеся к эпохе Николая I, когда сам Губе принимал непосредственное участие в законодательной деятельности Российской империи.

Особым направлением польской исторической науки второй половины XIX в. являлась постепенно

набиравшая силу церковная историография. В этот период вышло несколько работ, затрагивающих российскую проблематику и показывающих отношение польских историков церкви (чаще всего это были католические священники) к России и ее прошлому в контексте религиозных предпочтений.

Наиболее известным историком церкви того времени, чье исследовательское внимание было обращено к вышеназванной теме, выступал ксендз Эдвард Ликовский (под конец жизни он получил сан архиепископа гнезненско-познаньского). Э. Ликовский, известный своими антироссийскими настроениями, в своих оценках руководствовался конфессиональной принадлежностью [13, s. 51]. Его главные работы были посвящены истории Брестской унии 1596 г. [14, 15] и униатства на западнославянских территориях [16]. В них он, подчеркивая враждебность Московской Руси по отношению к унии, создал, пожалуй, один из ярчайших образов России как державы, несущей разрушение.

Другой исследователь – ксендз Владислав Хотковский, научная деятельность которого была связана с изучением истории католичества в Галиции, обратился к российской проблематике в монографии «История уничтожения Св. Унии в Белоруси и Литве в свете дневников Семашко» [17]. В ней он представил свой взгляд на историю вопроса, пытаясь оценить историческую роль Москвы и Польши, – он считал унию буфером, который давал свободу западнославянским народам от влияния России [13, s. 53].

В качестве отдельного направления польской россики, в том числе и исторической, непременно следует упомянуть литературу, посвященную Сибири. Именно это тематическое направление являлось специфической чертой данного национального сегмента россики, отличавшего ее от россики других европейских стран. Разумеется, настоящая тема заслуживает отдельного рассмотрения. Рамки настоящей статьи позволяют лишь наметить основные тенденции, по которым развивалась эта часть польской россики.

В результате репрессивных мер со стороны российской администрации по отношению к полякам, участвовавшим в национально-освободительном движении, значительное их число было отправлено в Сибирь в качестве политических ссыльных. Среди них были представители польской интеллигенции, которые впоследствии внесли значительный вклад в освоение и научное описание региона (например, Б. Дыбовский, А. Чекановский, Я. Черский, В. Серошевский) и, получив поддержку Русского географического общества, смогли продолжить свои изыскания.

Публикация их заметок, очерков и воспоминаний по возвращении из ссылки зачастую становилась единственной возможностью для поляков, разбросанных по трем империям, узнать о судьбах своих соотечественников в другом государстве. Помимо описания жизни польских ссыльных в суровых сибирских условиях эти издания содержат ценные сведения о быте русского и коренного населения региона, которые могут быть использованы российскими историками. Польский издательский рынок второй половины XIX в. был достаточно насыщен так называемой сибиркой,

¹ Первое издание было осуществлено там же в 1832–1835 гг.

что свидетельствует о значительном интересе читателей к данной теме. Например, дневники Руфина Пиотровского «*Przygody Rufina Piotrowskiego na Sybirze*», написанные им в период пребывания в Сибири в 1843–1846 г., четырежды выпускались в Познани (1860, 1869, 1877 и 1893). В качестве примера можно также назвать книги Юстыньяна Ручиньского «*Конарщик. Воспоминания о сибирской ссылке*» (Львов, 1895) [18] или Людвика Жихлинского «*Впечатления и приключения сосланного в Сибирь великополянина*» [19]. Появились публикации о судьбах польских священников, оказавшихся в сибирской ссылке [20].

Помимо польскоязычных описаний Сибири, созданных политическими ссыльными, из печати выходили записки, составленные польскими путешественниками. Так, результатом путешествия князя Павла Сапехи на Дальний Восток в 1888–1889 г., которое пролегало через Сибирь, стала вышедшая во Львове в 1899 г. книга «*Путешествие на Восток Азии 1888–1889*» («*Podróż na Wschód Azji 1888–1889*»). Сообщения П. Сапехи о Сибири содержат самый разнообразный материал и могут быть использованы для воссоздания облика региона конца XIX в. В его книге содержатся некоторые сведения о культуре и верованиях бурят. Историческую ценность представляют описания П. Сапехой сибирских городов, которые он посетил во время его странствования [21, с. 78–79].

Результаты, полученные на основе изучения польской национальной библиографии [22], позволяют сделать вывод, что мемуарная польскоязычная литература о Сибири выпускалась в основном на землях, отошедших к Австрии и Пруссии. По вполне понятным причинам цензурного характера издания, нередко содержащие антироссийские оценки и освещающие негативные стороны жизни в Российской империи, не могли быть опубликованы на ее территории. Здесь выпускались преимущественно результаты научных изысканий поляков в Сибири. Нередко книги выходили сначала на русском языке в Санкт-Петербурге и только потом в Варшаве или Вильно – на польском. Помощь в публикации или само издание трудов ссыльных ученых осуществляло Русское географическое общество, с которым большинство из них сотрудничало.

Из переводов русских авторов следует отметить выпуск в 1899–1900 гг. в Варшаве польского издания трехтомника С.В. Максимова «*Сибирь и каторга*» [23], имевшего до этого огромный успех в России.

Политические рамки создавали те условия, в которых могла развиваться польская историческая россика. Во второй половине XIX в. значительное количество произведений польской исторической россики, имевших конфронтационную направленность, выпускалось в Кракове и Львове. Познань значительно уступала им как в объемах издательской деятельности, так и в числе публикаций, относящихся к россике. Первостепенное внимание к политической истории и культивирование образа России как захватнической империи привели к тому, что среди польских ученых значительно ослабел

интерес к исследованию русской культуры. В результате польскими историками почти не предпринималось попыток осознать разницу между государственной политикой и идеологией Российской империи и русским народом. Вместе с тем следует отметить значительный вклад польских ученых в изучение Сибири, в том числе исторического прошлого населяющих ее коренных народов. Отличительной особенностью польской россики рассматриваемого периода стало появление немалого количества публикаций, посвященных Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Филиппович М.* Ученые или патриоты? Взгляды польских историков на Россию и русских в конце XIX – начале XX в. // *Российско-польские научные связи в XIX–XX вв.* М., 2003. С. 117–139.
2. *Dubowik H.* Dzieje książki i bibliotek w zarysie. Warszawa, 1982.
3. [*Krzemiński S.*] 25 lat Rosji w Polsce (1863–1888). Zarys historyczny. Lwów, 1892.
4. [*Offmański M.*] Orion. Charakterystyka rządów Aleksandra III w ziemiach polskich. 1881–1894. Lwów, 1895.
5. *Gawroński F.* Dziesięciolecie cenzury rosyjskiej w Królestwie Polskiem (1880–1891). Kraków, 1892.
6. *Gawroński F.* Ustrój państwowo-społeczny Rusi w XI i XII w. Lwów, 1896.
7. *Żółkiewski St.* Początek i progress wojny moskiewskiej. Lwów, 1882.
8. *Baudouin de Courtenay J.* Strona językowa oryginału polskiego listu «Dymitra Samozwańca» do Papieża Klemensa VIII. z dnia 24. kwietnia roku 1604. Kraków, 1899.
9. *Hirschberg A.* Dymitr Samozwaniec, Lwów, 1898.
10. *Maciejowski W.A.* Historia prawodawstw słowiańskich. Warszawa, 1856–1865. T. 1–6.
11. *Maciejowski W.A.* Przegląd najnowszych prawodawstw Słowian w kilku odrębnych artykułach przedstawiony. Warszawa, 1871.
12. *Hube Romuald.* Historija prawa karnego ruskiego. Warszawa, 1870. T. 1, cz. 1; 1872. T. 1, cz. 2.
13. *Filipowicz M.* Wobec Rosji, Studia z dziejów historiografii polskiej od końca XIX wieku po II wojnę światową. Lublin, 2000.
14. *Likowski E.* Historia unii Kościoła ruskiego z Kościołem rzymskim. Poznań, 1875.
15. *Likowski E.* Unia brzeska (1596 r.). Poznań, 1896.
16. *Likowski E.* Dzieje Kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku. Poznań, 1880.
17. *Chotkowski W.* Dzieje zniweczenia Św. Unii na Białorusi i Litwie w świetle pamiętników Siemaszki. Kraków 1898.
18. *Ruciński J.* Konarszczyk, 1838–1878, pamiętniki zesłania na Sybir. Lwów, 1895.
19. *Żychliński L.* Wrażenia i przygody zesłanego w Sybir Wielkopolanina. Poznań, 1883–1884.
20. *Nowakowski Edw.* Wspomnienie o duchowieństwie polskiem znajdującem się na wygnaniu w Syberii, w Tunce. Poznań, 1875.
21. *Кучинский А.* Князь Павел Сапеха (Сапеха) и его заметки из путешествия по Сибири // *Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы* : сб. материалов Междунар. науч. конф. Иркутск, 2000. С. 77–80.
22. *Estreicher K.* Bibliografia polska XIX stulecia. Kraków, 1872–1908. Vol. 1–22.
23. *Maksimow S.V.* Syberia i ciężkie roboty. Warszawa, 1899–1900. T. 1–3: Przekł. Z. Pietkiewiczza.

УДК 94(47)083+94(571)+070.1+271.2

Н.Н. МОРОЗОВА

**ОСВЕЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ
В «ТОБОЛЬСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЯХ»
(1882–1905 гг.)***

канд. ист. наук
Новосибирский государственный
технический университет
e-mail: nathalie-nik@yandex.ru

В статье на материалах «Тобольских епархиальных ведомостей» рассматриваются особенности освещения политических реалий в официальной церковной периодике. Выявлен спектр поднимаемых проблем, характер их освещения, изменение тематики. Прослеживается влияние внутривластной ситуации и перемен в концепции официальной идеологии на интерпретацию информации, касающейся общественно-политической проблематики.

Ключевые слова: «Тобольские епархиальные ведомости», печать, официальная идеология самодержавия, православие.

Епархиальные ведомости являлись одним из изданий, относящихся к православной журналистике. Эти периодические издания создавались для нужд архиереев, с их помощью у глав епархий появлялись дополнительные возможности для решения административных задач и общения с паствой. Исследователи довольно часто проводят параллели между епархиальными ведомостями и светскими официальными газетами – губернскими ведомостями. Для этого есть основания.

Во-первых, программа епархиальных ведомостей во многом копирует программу губернских ведомостей. Жанры и тематика также были обозначены законом, и в тех, и в других предусматривались официальная и неофициальная части; первая предназначалась для сугубо официальных документов, во второй могли помещаться публикации только определенных жанров, преимущественно связанных с религиозной практикой. Идея епархиального повременного издания была высказана херсонским архиепископом Иннокентием в 1853 г., когда губернская ведомственная печать уже существовала и могла служить образцом [1, с. 175–176].

Во-вторых, духовенство стремилось получить эффект от издания именно в административной сфере, что показано во многих работах. При обсуждении будущего печатного органа в 1859 г. в Синоде уже после смерти владыки Иннокентия его преемник на херсонской кафедре Дмитрий подчеркивал, что губернская гражданская печать приносит несомненную пользу, такую же можно ожидать и от епархиальной. В действительности периодические издания были необходимы в первую очередь для управленческих нужд епископов, сплочения духовенства, обсуждения со-

словных проблем, реализации творческого потенциала одних священнослужителей и повышения культурного уровня других [1, с. 175; 2].

В-третьих, до появления епархиальных ведомостей священнослужители обращались к губернским ведомостям [3; 4, с. 379]. Епархиальные ведомости не были оторваны от мирских проблем, они участвовали в общественной, культурной жизни губерний и государства, тем самым налаживая коммуникативный процесс не только внутри духовного сословия, но и с другими слоями местного общества [5, с. 92]. При этом они транслировали не только позицию церкви. Так, В. Лисюнин на материале «Тамбовских епархиальных ведомостей» пришел к выводу, что редакторы использовали для публикации подборки «наиболее приемлемых для официальной власти изданий», а «ключевой темой журнала являлось утверждение официального традиционного символа – “Православие – Самодержавие – Народность”» [6, с. 337]. Таким образом, епархиальные ведомости служили интересам не только духовенства, но и власти. Чаще всего взаимодействие правительства, губернских администраций и церкви рассматривалось в контексте социальных и культурных проблем [6; 7; 8]. Но при таком тесном сотрудничестве с властью в деле реформирования и пропаганды официальной идеологии епархиальная печать не могла обойти и политические вопросы.

Епархиальные ведомости стали издаваться в Западной Сибири позднее, чем в епархиях европейской части России и Восточной Сибири. «Иркутские епархиальные ведомости» впервые вышли в свет в 1863 г., всего через три года после выпуска «Ярославских епархиальных ведомостей» – первого епархиального периодического издания. «Томские епархиальные ведомости» появились в 1880 г., «Тобольские епархиальные ведомости» – в 1882 г., «Енисейские епархиальные ведомости» – в 1884 г. Само время появления

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-31-01233а2.

этих журналов в епархиях довольно символично – это период нарастания антиправительственных настроений и борьбы с ними, когда власть нуждалась в поддержке. Конечно, роль политической нестабильности в появлении печатных органов сибирского духовенства не стоит преувеличивать, определяющими были факторы, связанные с внутренней жизнью церкви.

В Тобольской епархии ведомости появились только в 1882 г. и просуществовали до 1917 г. В первом номере редакция сообщает о том, какие задачи ставит перед собой. Помимо общей для этого типа изданий программы, утвержденной Синодом, редактор ставит задачу «удовлетворять нуждам и потребностям» духовенства, а также производить возможное воздействие на общество» [9, с. 9]. Как показала практика, влиять на умонастроения людей, не затрагивая политических вопросов, оказалось невозможно. Только в 1885 и 1893 гг. на страницах этого издания отсутствовали публикации, прямо касавшиеся политических вопросов. В 1885 г. это было связано, скорее всего, с тем, что основное внимание уделялось 1000-летию со дня кончины св. Мефодия. Но в статьях, посвященных юбилею, затрагивалась история христианизации и распространения письменности на Руси, т. е. тема государства и государственности часто присутствует косвенно [10; 11; 12; 13]. В 1893 г. происходит смена тобольского епископа, ведомости продолжают издаваться, но, по всей видимости, редакция опасается затрагивать политические проблемы без участия иерарха.

В освещении политических проблем в «Тобольских епархиальных ведомостях» можно выделить несколько направлений: события, связанные с монаршими особами, в первую очередь такие, как восшествие на престол, тезоименитство, поминовение умерших, борьба с новыми общественно-политическими учениями (социализм, коммунизм), события внутренней и внешней политики, отношения государства и церкви. Приведенное деление условно, так как иногда темы взаимосвязаны. Например, в феврале 1882 г. публикуется статья, посвященная памяти Александра II, в которой акцент делается на том, что царь-освободитель погиб от рук партии, возникшей в Европе, затем перечисляются реформы Александра II, направленные на улучшение положения духовенства [14]. Таким образом, сразу затронут несколько направлений: личность монарха, политические течения и отношения власти и церкви.

Если же характеризовать группу публикаций, касающихся событий в жизни монарших особ, то они преимущественно выдержаны в стилистике, предусмотренной программой неофициальной части, – это поучения, проповеди, слова, произносимые в дни событий или знаменательных дат. При этом можно проследить определенные тенденции в освещении событий в связи с личностью императора, масштабами государственной деятельности, внутриполитической ситуацией и местом церкви в официальной идеологии. Так, Александр II часто упоминается в контексте мученичества и богоизбранности. Приведем пример одной из статей. То, что «царственный младенец» родился в день Воскресения Христова, которое является в христианской традиции началом торжества «Царства истины, правды и кротости», для верующего говорило «о

том высоком назначении, которое Провидение заранее готовило новорожденному великому князю и которое привелось ему осуществить впоследствии» [15, с. 96]. А смерть от рук террористов свидетельствует, что «Господь судил ему особый жребий мученичества, как бы Своему верному избраннику» [Там же, с. 103]. В конце статьи подчеркивается, что убийство царя является страшным грехом русского народа, поэтому «Россия и ее сыны должны быть в настоящее время особенно бдительны и внимательны к себе, к своему нравственному и гражданскому долгу», иначе может прийти «Божье отомщение» [Там же].

При освещении коронации и тезоименитств Александра III особое внимание обращается на сюжет о царе Давиде и о христианском учении о власти, единении царя и народа через Бога. Подчеркивается божественное происхождение царской власти на земле, значение принципов единодержавия и наследственности. Фактически авторы статей обращаются к одному из основных библейских сюжетов, которые раскрывают христианское учение о светской власти, а также проводят мысль о преемственности политики и власти династии Романовых [16; 17; 18; 19; 20]. При обращении к тем же событиям при Николае II используются иные библейские сюжеты, основное внимание сосредоточивается теперь на том, что все люди одарены Богом по-разному и каждый выполняет свое предназначение, а государь выполняет самое тяжелое – он заботится о благе всего народа, народ же должен помогать ему в этом, прежде всего своей покорностью, послушанием, так как послушание является его основной обязанностью [21; 22; 23].

Причем освещение правления Николая II и самодержавной власти явно отличалось по сравнению с характеристикой царствования Александра II и Александра III. Скорее всего это связано с тем, что последний император, в отличие от своего отца и деда, пользовался меньшим уважением и у народа, и у самих священнослужителей. Кроме того, в правление Александра III официальная идеология строилась на концепции, которая была предложена К.П. Победоносцевым и согласно которой неограниченность самодержавной власти санкционирована Богом, а преданность народа престолу должна выражаться в первую очередь молитвою в церкви [24, с. 238–240]. Таким образом, православие играло особую роль в этой доктрине, а использование сюжетов, связанных с царем Давидом, являлось удобным поводом для ее обоснования.

С тенденцией возвышения образа правящих особ соседствует стремление приблизить их к народу. Так, в память о Николае I и Александре III публикуются не только поучения и речи, но и зарисовки из семейной жизни, сопровождавшиеся различными эмоциями [25; 26]. Таким образом, в меняющейся ситуации церковь ищет разные пути, чтобы сохранить авторитет светской власти.

Что касается критики политических учений, то ей, как правило, посвящались целые статьи, которые перепечатывались из других изданий. Редакция прямо говорит, что придает этой проблеме важное значение, так как Тобольская губерния относится к «местам не

столь отдаленным», здесь много политических ссыльных, которые могут распространять вредные идеи [27, с. 109]. Подчеркивается, что все эти идеи пришли к нам из Европы, зарождение социализма связывают с Французской революцией, с именами Робеспьера, Бабефа, которых называют террористами, а Французскую революцию увязывают с войной 1812 г., подчеркивая вред этих идей для России [27; 28]. При критике марксизма классовую борьбу связывают с теорией Дарвина, указывая, что идея борьбы может быть справедлива по отношению к животному миру и обществу на ранних этапах развития, а в современной же ситуации от сплоченности народа зависит процветание государства и общества. Говорится о невозможности счастья в материальном мире для всех, о том, что воплощение идей социализма и коммунизма может привести к стиранию личностных качеств у индивида. Проводится мысль, что истинное счастье человек может найти, только обратившись к религии [29; 30; 31].

Отражались на страницах епархиальных ведомостей и события внутренней политики, в частности проведение реформ. Большое внимание уделялось реформе суда в Сибири и введению института крестьянских начальников. При освещении этих событий печатались не только проповеди и речи, произносимые духовными лицами, но и публичные выступления губернского начальства [32; 33; 34]. Отметим, что центральной фигурой при освещении этих преобразований становится Александр II, который ввел изменения в других губерниях, но не распространил их на Сибирь, а Александр III или Николай II выступают только в роли продолжателей дел своих предшественников. Таким образом подчеркивалась линия наследственности власти, ее преемственность.

Внешняя политика привлекала к себе внимание в военные годы, во время конфликтов с Китаем и Русско-японской войны. При их освещении присутствовало стремление обосновать справедливость войны и допустимость ее при отсутствии корыстных целей. Здесь, по всей видимости, авторы испытывали некоторое затруднение, поскольку в православии участие в военных действиях допускается для защиты веры, притесняемых единоверцев, защиты отечества и государства. Войны же, в которых участвовала Россия в начале XX в., плохо согласовывались с этими целями. По этой причине предпочитали публиковать статьи о неверности идей Л.Н. Толстого о непротивлении насилию или письма полкового священника о героизме солдат и офицеров [35; 36].

Что касается освещения отношений государства и церкви, то здесь господствовала идея взаимной поддержки. Чаще всего эта тема фигурировала при освещении истории становления христианства на Руси и описании деяний государей в пользу церкви, с конца 1890-х гг. становится популярен сюжет с иконой Казанской Божьей матери и объединяющей силой церкви, спасающих Русское государство [37; 38].

Увеличение числа публикаций, касающихся политики, наблюдается со второй половины 1905 г., когда революция повлекла изменения в политической системе, и духовенство было вынуждено искать в новой ситуации свое место и новые ориентиры. Одна

из статей выходит под характерным заголовком «Что делать?» Она полностью посвящена положению церкви и ее адептов в сложившихся условиях [39]. Таким образом, в условиях политической системы самодержавия священнослужители при освещении политических вопросов были заняты не решением сословных проблем, а обоснованием системы взглядов на власть, сложившихся за время сосуществования монархии и церкви, епархиальные ведомости могли использоваться для утверждения официальной идеологии. И только надлом политического строя привел к отклонению от данной линии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нетужилов К.Е.* Епархиальная периодическая печать в до-революционной России // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2006. Т. 7, № 21-1. С. 174–182.
2. *Смагин А.Н.* «Епархиальные ведомости» в системе управления Камчатской (Благовещенской) епархии Русской православной церкви // Религиоведение. 2006. № 2. С. 58–68.
3. *Морозова Н.Н.* Роль местной администрации в формировании авторского корпуса «Губернских ведомостей» Западной Сибири (1857–1860-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 28–29.
4. *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб., 2005.
5. *Молокова Л.В.* Значение церковной периодики в общественной жизни регионов, вторая половина XIX века (на примере «Иркутских епархиальных ведомостей») // Омский научный вестник. 2007. № 3 (55). С. 91–94.
6. *Лисюнин В.* Просветительская функция православного духовенства в конце XIX – начале XX в. // Вестн. Тамб. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 335–342.
7. *Чижов Р.В.* Роль периодической печати в консолидации регионального культурного сообщества (на примере деятельности «Ярославских епархиальных ведомостей» 1860–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2006.
8. *Мокшина Е.Н.* Роль Русской Православной Церкви в подготовке и проведении крестьянской реформы 1861 г. в России // Социально-политические науки. 2011. №1. С. 170–173.
9. От редакции // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. №1. С. 5–14.
10. *Знаменский Л.* Святые Кирилл и Мефодий – просветители славян // Тобольские епархиальные ведомости. 1885. № 5. С. 87–101.
11. *Знаменский Л.* Святые Кирилл и Мефодий – просветители славян // Там же. № 7. С. 147–160.
12. *Кельцев Е.* Два поучения в день памяти св. Кирилла и Мефодия 6-го апреля 1885 г. // Там же. № 6. С. 125–127.
13. Краткое сказание о житии святых Кирилла и Мефодия, просветителей словенских // Там же. 1885. № 8. С. 165–167.
14. *А.П.* Памяти в Бозе почившего государя императора Александра II // Там же. 1882 № 4. С. 61–78.
15. Вторая годовщина мученической кончины Александра II // Там же. 1883. № 5. С. 95–103.
16. *И.К.* Торжество России // Там же. 1883. № 11–12. С. 227–231.
17. Речь, произнесенная 15 мая 1883 г., при вступлении его императорского величества, государя императора в Успенском соборе, высокопреосвященным Иоанникием, митрополитом московским // Там же. С. 231–232.
18. Мысли, вкратце извлеченные из проповеди Филарета, митрополита московского, «О царской власти и об обязанностях верноподданных» // Там же. С. 232–244.
19. Слово в день священного коронования и миропомазания благочестивейшего государя императора Александра Александровича // Там же. 1888. № 11–12. С. 225–228.

20. Слово в день коронавания государя императора Александра Александровича // Там же. 1889. № 11–12. С. 225–228.
21. Священное коронавание их императорских величеств // Там же. 1896. № 11. С. 221–233.
22. *Протоиерей Н.Г.* Слово в день коронавания императора Николая Александровича // Там же. 1997. № 15. С. 323–232.
23. Поучение в день рождения его императорского величества государя императора Николая Александровича // Там же. 1899. № 10. С. 197–200.
24. *Уортман Р.* «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // Россия / Russia: Вып. 3 [11]: Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XII – начало XX века. М., 1999. С. 233–244.
25. К столетию рождения императора Николая I // Тобольские епархиальные ведомости. 1896. № 16. С. 351–359.
26. Поучение в девятый день по кончине благочестивейшего государя императора Александра III // Там же. 1894. № 21. С. 385–395.
27. Социализм // Там же. 1882. № 6. С. 109–124.
28. *Некрасов, протоиерей.* Уроки прошлого // Там же. 1883. № 4. С. 67–74.
29. Недруг нашего времени // Там же. 1884. № 4. С. 71–80.
30. Космополитизм и патриотизм // Там же. № 11. С. 239–245.
31. *Недосеков А.* По поводу возможности человеческого счастья (по поводу нового года) // Там же. 1886. № 1. С. 1–7.
32. Открытие преобразованного Тобольского губернского управления // Там же. 1895. № 23. С. 383–387.
33. По поводу судебной реформы в Сибири // Там же. 1896. № 24. С. 546–548.
34. Речь начальника губернии Л.М. Князева // Там же. 1897. № 14. С. 301–302.
35. *Тихомиров Н. Ф.М.* Достоевский о графе Л.Н. Толстом // Там же. 1900. № 14. С. 276–279.
36. Из письма полкового священника 9-го Сибирского пехотного Тобольского полка // Там же. 1904. № 20. С. 405–410.
37. Нужды церковного дела на Сибирской железной дороге и в Забайкалье // Там же. 1898. № 6. С. 132–143.
38. *Протоиерей П.Г.* Поучение в празднество иконы Казанской Божьей матери // Там же. № 21. С. 510–515.
39. Что делать? // Там же. 1905. № 21. С. 424–428.

Статья поступила
в редакцию 21.04.2012

УДК 94(470)“18/19”(093)

Н.Д. ЗОЛЬНИКОВА

ИСТОЧНИК В КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ СТАРОВОЕРИЯ И РПЦ («СВОЕ» И «ЧУЖОЕ»)*

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: nnpokrov@gmail.com

В статье исследуется механизм изменения системы индикаторов, определяющих «свое» и «чужое» в книжной культуре сибирских староверов-часовенных второй половины XX в. Сравниваются методы работы с источниками одного из миссионеров РПЦ конца XIX в., белокриницкого писателя, с одной стороны, и игумена тайных старообрядческих скитов севера Красноярского края – с другой.

Ключевые слова: старообрядчество, Русская православная церковь, Белокриницкая церковь, Священное писание.

Хорошо известно, что противостояние староверов и РПЦ, несмотря на ожесточенную, долгое время – кровавую вражду, не было абсолютным. Речь идет не о таких экстремальных явлениях, как совместные выступления во время социальных волнений (факты самосожжений сибирских крестьян из староверов и «никониан», о которых писал Н.Н. Покровский), не о перемещениях из конфессии в конфессию, даже не о создании промежуточного (единоверческого) объединения (скорее, псевдопромежуточного). Нас интересуют постоянно возникавшие области отношений староверия с иноверцами, внутри которых указанная баррикада исчезала или видоизменялась «в обычном режиме» – менялись индикаторы, позволявшие различать «свое» и «чужое». В области быта староверов

изобильный материал для такой темы дают постановления старообрядческих соборов. Не менее интересное поле для исследования в этом плане представляет собой и область книжности, письменного творчества. В историографии отмечалось, что книги, конфискованные, например в XVIII в. у старообрядцев, считалось возможным использовать в православных храмах, или что в сельской местности Русского севера книги свободно перемещались из старообрядческих общин в официально-православные и наоборот [1, с. 161; и др.]. Феномен использования инославной литературы много раз исследовался на разном материале. В частности, поповцы и их наследники позднего времени, часовенные, равно как и «австрийцы»-белокриницкие широко пользовались в XVIII–XX вв. протестантскими и официально-православными изданиями [2, с. 142–182, 226–239 и др.]. При этом из украинской части последних зафиксировано даже несколько заимствований чисто католических воззрений. Именно угроза подоб-

* Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект 33.4.1.

ного заимствования «чужого» заставляла староверов из столетия в столетие повторять соборные запрещения на чтение инославной литературы. И, однако, обращение к ней возрастало в течение всего периода новой и новейшей истории, хотя соборные запреты не бывали забыты: постоянно предпринималось чисто утилитарное использование книжного богатства врага в обход имеющихся там чуждых теорий и утверждений.

Об одном из таких опытов нам уже пришлось писать при исследовании творчества сибирских часовенных во второй половине XX в. Игумен Дубчесских скитов о. Ефрем (Котегов) в первой половине 1970-х гг. написал обширный полемический труд в защиту поповского прошлого согласия, которое очернял местный еретик Исай Назарович [2, с. 395–408; 3, с. 151–306, 374–393]. В стремлении защитить практику приема священников от «никонианской» церкви о. Ефрем дошел до совершенно беспрецедентного признания обрядового характера реформ Никона. Сделано это было с практической целью: чтобы «никониан» можно было не причислять к еретикам I чина, следовательно, не требовалось перекрещивание перешедших от них в староверие священников. Отец Ефрем не скрывал, что позаимствовал указанное воззрение (идущее, как об этом не раз писали, от екатерининских времен) у преподавателя Олонецкой духовной семинарии, православного миссионера К.Н. Плотникова. Он многократно переиздавал в конце XIX – начале XX в. свои учебные пособия, которые и оказались в руках дубческого игумена третьей четверти XX в. о. Ефрема.

К.Н. Плотников, казалось бы, вслед за ведущими церковными историками своего времени много внимания уделял рассуждениям о сосуществовании в практике древнерусской церкви разных обычаев изображать крестное знамение, писать имя Христа, формулировать 8-й член Символа веры и т. д., часть которых была официально осуждена в ходе реформы патриарха Никона, что и стало одной из причин раскола русской церкви. Однако, если, например, Е.Е. Голубинский был известен своей объективной научной позицией (так, он писал: «Конечно, не может быть никакой речи о неправославии формы Исус... Не может быть речи и о неправильности»), за что заслужил неудовольствие Синода, то с К.Н. Плотниковым этого случиться не могло. Свою задачу – «обличение русского раскола» – миссионер назвал наукой, главным методом которой определил «апологетико-критический», состоящий «в защите исправлений, сделанных православною Церковью в богослужебных чинах и обрядах и в обличении раскольнических лжеучений» [4, с. 230; 5, с. 51]. Верный заявленному методу, К.Н. Плотников при разборе каждого расхождения в позициях старообрядцев и официальной православной церкви доказывал возникновение «неправильного», с точки зрения последней, обряда ошибками переводчиков с греческого, малограмотностью русских писцов и книжных справщиков и даже русских архиереев и т. п.

Но именно подборки цитат К.Н. Плотникова, равно как и многочисленные выдержки из работ П.С. Смирнова и А.К. Бороздина, о. Ефрем перенес в свое сочинение. Обосновал он правомерность такого

решения следующим образом: «Здесь мы привели внешних писателей, и которые у нас имеются книги, по книгам проверяли ихни свидетельства, в книгах так же напечатано»¹. Как же обстояло дело в реальности?

При сличении текста книг К.Н. Плотникова и произведения о. Ефрема выяснилось, что его цитаты из трудов православного миссионера представляют собой не цельные «блоки», как можно было ожидать – ведь заимствования тянулись иногда страницами. Выстраивая свое сочинение, игумен осуществлял своеобразную мелкую «нарезку» из чужих и своих строк. Иногда подобный «микст» имел особый смысл. Рассмотрим несколько таких случаев. К.Н. Плотников, разбираясь в формулировке 8-го члена Символа веры (с «прилогом» «истинный» и без него), сделал, как обычно, существенный крен в пользу реформы. Цитируя почитаемые староверами книги (Кириллову, Симеона Солунского, Большой катихизис и др.), он приводит примеры 8-го члена исключительно без «прилога» как доказательство давнего существования и признания церковью именно такой формулировки. Что делает о. Ефрем? Вслед за каждым таким примером ученого миссионера он добавляет из того же издания другие примеры – с «прилогом» «истинный». Таким образом, картина получилась гораздо более объективная, чем в изложении К.Н. Плотникова. Тихо исправив «никонианский» крен, ни звуком не уличив его автора в предвзятости (а именно на такое обличение традиционно опиралась вся старообрядческая полемика), о. Ефрем неожиданно тут же акцентирует наблюдения миссионера. С какой целью? Несомненно, чтобы резче задеть своего оппонента Исай Назаровича: тот проклял всех, кто читает 8-й член Символа веры без слова «истинный», а именно такие чтения встречаются, соглашается о. Ефрем с К.Н. Плотниковым, в старопечатных книгах времени патриарха Иосифа, которого Исай Назарович объявил непогрешимым.

Точно так же о. Ефрему пригодились выкладки К.Н. Плотникова о правописании имени Христа, который приводит подобранные миссионером многочисленные примеры написания его как «Исус», т. е. работает, как и ранее, в пользу РПЦ. При этом у него встречаются и ошибки. Так, он утверждает, что на одной из страниц книги Беседы Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла имя ветхозаветного героя Навина напечатано как «Исус» [5, с. 77]. Однако в указанном случае мы находим там имя «Исус» [6, с. 483]. Точно так же, цитируя Беседы на деяния апостолов св. Иоанна Златоуста, миссионер пишет, что на с. 234 киевского издания 1624 г. имеется фраза «един бе Исус», в то время как в указанном издании на данной странице напечатано «Исус» [5, с. 77; 7, с. 234]. Интересно, что в тех случаях, когда у К.Н. Плотникова налицо неправильное прочтение текста, о. Ефрем его не исправляет. Для него гораздо важнее другое. Пафосно обращая внимание на многочисленные в древности случаи написания имени Христа, как принято у «никониан», о. Ефрем демонстрирует, что, вопреки мнению Исай Назаровича, никто никогда не считал это начертание имени антихристовым.

¹ Собрание Института истории СО РАН. № 1/08. Л. 7 об.

У о. Ефрема был еще один источник близких по типу обширнейших заимствований из иноконфессионального богословско-полюемического наследия, на который он, правда, ни разу не сослался, в отличие от трудов писателей официальной православной церкви. Речь идет о литературе главного соперника часовенных в среде старообрядчества – согласия староверов-белокриницких (австрийских) [3, с. 380]. Уже в знаменитом «Окружном послании», не раз издававшемся с начала 1860-х гг. и расколовшем австрийское согласие на два враждебных лагеря, можно встретить идеи, которые позже отстаивал о. Ефрем с ссылкой на работы К.Н. Плотникова.

В самом начале «Окружного послания» его автор, Илларион Кабанов (Ксенос), отвергает утверждение беспоповцев о том, что антихрист «аки бы восседает на престолах олтарей господствующей ныне в России церкви! Яже аки бы иному Богу верует и поклоняется, исповедуя под именем Иисуса не Христа Спасителя, но противника его антихриста!» [8, л. 4, 5 об.]. Ксенос сетует, что эти ложные идеи заражают староверов-поповцев: «Таковая безместная и нелепая мудрования... неприметно вкрадаются во христоименитыя люди, дышущыя простотою и незлобием и не могущыя различити истинну от лжи» [8, л. 4, 4 об.]. Позже от частного Ксенос переходит к общему: «Господствующая ныне в России церковь, вкупе же и Греческая, верует не во инаго Бога, но во единого с нами» [8, л. 9 об.]. Именно этот постулат, как известно, позволял поповцам еще до возникновения Белокриницкой иерархии принимать к себе беглых священников официально-православной церкви, но он же издавна вызывал постоянное противостояние части согласия, «эволюционировавшей в направлении беспоповщины» [9, с. 351, 352].

Автор «Окружного послания», как позже и о. Ефрем для поповского прошлого своего согласия, провозглашает приемлемость (без повторения) хиротонии и трехпогружательного крещения, совершаемых в господствующей церкви; оба не порицают и имя Иисус (о. Ефрем даже высказывается более толерантно к «никонианской» форме, чем Ксенос, предположив, что то или иное написание «видимо, не имеет большого значения»). Интересно, что Ксенос, как позже и К.Н. Плотников, обращается к тексту киевского издания Бесед апостольских для доказательства дониконовского бытования имени «Иисус» [3, с. 160; 8, л. 13, 14]. Причиной же своего несогласия и несоединения с официальным православием Ксенос называет изменение патриархом Никоном «древлецерковного предания», анафему 1667 г. на старообрядцев и последовавшие затем «гонение... с мучением» [8, л. 10–10 об.]. Близко к этому высказывался и о. Ефрем, в частности, о верности преданию отцов [3, с. 160 и др.]. Совпадение ряда постулатов Ксеноса и о. Ефрема разительно, и не всегда оно объясняется общей принадлежностью к поповщине, пусть у последнего и в прошлом. Однако вряд ли мы имеем дело с прямым влиянием «Окружного послания» на сибирского игумена. Здесь имелся богословски основательно проработанный посредник: изданный в 1910 г. знаменитый «Святоотеческий сборник» белокриницкого епископа Антония (Паро-

мова) [3, с. 380]. Заимствовал оттуда о. Ефрем куда больше, нежели из работ К.Н. Плотникова [3, с. 381, 383, 386–388, 390–393].

Немалая часть этих заимствований – цитаты из творений отцов церкви и канонических памятников. С одной стороны, использование своеобразных «цитатников» – сборников выписок из авторитетных источников – практиковалось старообрядческими книжниками изначально. В данном случае о. Ефрем пошел по дороге, проторенной главным наставником часовенных Урала В.А. Ласкиным. В 1910 г. он употребил для той же цели в полемике с одним из оппонентов только что вышедший из печати «Святоотеческий сборник», утвердив своим авторитетом доверие к работе его автора с христианским, в том числе и православным, литературным наследием и другими нужными текстами [2, с. 226–235]. С другой стороны, заимствования из «Святоотеческого сборника» далеко не всегда были нейтральными. Можно отметить немало мест, где о. Ефрем приводил слова св. Феодора Студита, св. Василия Великого, св. Иоанна Златоуста, Викентия Лиринского и других так, как они излагались у Антония (Паромова). Но в ряде случаев о. Ефрем переносил в свое сочинение не одну-две цитаты, но друг за другом подряд многие страницы «Святоотеческого сборника», где многочисленными умело подобранными цитатами защищались подчас те же позиции, которые отстаивал в своих учебных пособиях К.Н. Плотников при обличении беспоповцев. Так, л. 115–122 труда о. Ефрема содержат с небольшими сокращениями текст с. 414–423 «Святоотеческого сборника». Они посвящены разбору решений христианской церкви периода вселенских соборов, принятых в разное время по поводу хиротонии и повторного крещения еретиков первого, второго и третьего чинов. Споры в раннехристианское время по этим вопросам и итоги, подведенные им постановлениями вселенских соборов, не раз вспоминались и использовались в полемике поповцев и беспоповцев с начала разделения старообрядчества на эти направления: соответствующие тексты должны были быть хорошо знакомы о. Ефрему по богатейшей библиотеке Дубчесских скитов до их разорения в 1951 г. Однако он предпочел обратиться к сочинению автора из белокриницкого согласия, резко враждебного часовенному (ожесточенной полемике с «австрийцами» посвящено самое объемное сочинение учителя о. Ефрема, игумена о. Симеона, погибшего после разгрома скитов в концлагере). Видимо, очерк из «Святоотеческого сборника» привлек его своей исчерпывающей полнотой и убедительностью фактов, свидетельствовавших о приеме в ортодоксальную церковь раскаявшихся еретиков второго и третьего чина без перекрещивания и «в сущих санах», т. е. без повторной хиротонии (к тому же библиотека восстановленных Дубчесских скитов уже не могла предоставить тех возможностей, что прежняя).

Как уже отмечалось выше, ярко выраженной особенностью творчества книжников белокриницкого согласия было постоянное широкое использование «внешней» литературы: «никониан», протестантов и пр. И в произведении Антония (Паромова) немало цитат из

таких изданий. Вместе с авторитетными текстами, бытовавшими в литературе древнерусской традиции, в сочинение о. Ефрема через «Святоотеческий сборник» попадают строки, вышедшие из-под пера современных Антонию историков христианской церкви (например, исследование В. Соколова, посвященное иерархии англиканской церкви, и т. п.), таких же «чужих» для игумена часовенных скитов, как К.Н. Плотников или тот же белокриницкий епископ Антоний.

Из «Святоотеческого сборника» в сочинение о. Ефрема перекочевали и непосредственно миссионерские литературные труды «австрийских»: отрывки белокриницкой полемики с беспоповцами, использованной Антонием, которые так и назывались: «Из беседы старообрядца, приемлющего священство, с наставником беспоповцев» и др. [3, с. 390]. Но о. Ефрема это не смущало. Как и в трудах миссионера официальной православной церкви К.Н. Плотникова, в миссионерских рассуждениях староверов-белокриницких он находит целые цепи доказательств, остро необходимые для успешной борьбы с «еретиком» из собственного часовенного согласия.

Сочинение игумена Дубчесских скитов о. Ефрема, несомненно, представляет собой пример перевода в разряд «своей» целого пласта не просто «чужой» литературы, но и резко оппозиционной староверию. Работая со своим источником, о. Ефрем не только «не замечает» все жесткие нападки К.Н. Плотникова на старообрядчество и даже русскую дореформенную церковь, не замечает его фактические ошибки, он без комментариев исправляет перекосы цитирования миссионером авторитетных книг. Мало того, видя тенденциозность и временами – недобросовестность «никонианского» автора, он слепо доверяет ему, когда тот приводит недоступные ему тексты. И если ранее запреты на использование иноверной литературы доминировали в общественном сознании, а вынужденное их нарушение совершалось молча, то во второй половине XX в. о. Ефрем, понимая, каким обширным такое использование оказалось в его сочинении, считал нужным обеспокоиться, «чтобы чтущий не зазирали нас в том, что от никонианских книг приводим свидетельства. И святити тоже приводили от еретик достоверныя свидетельства (1 собор, 8 прав[и]ло, Зон[ара] и Валсам[она], Злат[оуст] на Ма[т]ф[ея], Бес[еда] 89, Ева[н]г[елие] учит[ельное] на Рож[дество] Христова)»².

Дубчесский игумен считал необходимым оговориться в отношении «никонианских» книг, но никаких других, также относящихся к «внешним», только потому, что в заимствовании из книжности соперничающего белокриницкого согласия он не решился признаться.

В его обширном сочинении нет ни единой отсылки к «Святоотеческому сборнику», как, впрочем, нет их и в упоминавшемся выше сочинении В.А. Ласкина, построенном на переработке того же труда епископа Антония. В данном случае перевод «чужого» в разряд «своего» был скрыт от неискушенного читателя.

Использование провозглашенного нового принципа продолжалось в Дубчесских скитах и позже. Так, в своих мемуарах в начале нового столетия А.Г. Мурачев жаловался, что под прикрытием лозунга «от враг свидетельство достовернейши суть» в скитах приняли еретическое писание (по его устному сообщению – протестантского происхождения теорию о компьютере-антихристе) [10, с. 285]. Однако стоит помнить, что такое разрушение барьера между вероисповеданиями диктовалось очередной злободневной нуждой и происходило с ограничением «здесь и сейчас». В рассмотренном нами случае явно сработал закон, подмеченный для западного средневековья еще А.Я. Гуревичем: к старому врагу-иноверцу часто относились более терпимо, нежели к собственному еретику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Покровский Н.Н. Книги Тарского бунта 1722 г. // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986.
2. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002.
3. [Отец Ефрем (Котегов)]. «Слово на Исаия в защиту предков» (подг. изд. и коммент. Н.Д. Зольниковой) // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / сост. Н.Н. Покровский, Н.С. Гурьянова, Н.Д. Зольникова и др. Новосибирск, 2011.
4. Голубинский Е. К нашей полемике со старообрядцами. Изд. 2-е. М., 1905.
5. Плотников К. Руководство по обличению русского раскола, известного под именем старообрядчества. Изд. 4-е. СПб., 1897.
6. Св. Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий апостола Павла. Киев, 1623.
7. Св. Иоанн Златоуст. Беседы на деяния апостолов. Киев, 1624.
8. Окружное послание единыя святыя соборныя апостольския древне-православно-кафолическия Церкви. Яссы: Тип. Л. Бермана, 1864.
9. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.
10. Зольникова Н.Д. Мемуары А.Г. Мурачева, сибирского старовера-часовенного (конец XX – начало XXI в.) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010.

Статья поступила
в редакцию 10.04.1012

² Там же. Л. 53.

УДК 94(47)083 + 281.93

М.В. ПЕРШИНА

ОБ ОТНОШЕНИИ СТАРООБРЯДЦЕВ-ФИЛИППОВЦЕВ К ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ XIX в.*

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: masha@perchine.com

В статье рассматривается проблема отношения старообрядцев филипповского согласия к государственной власти в конце XIX в. Анализ эсхатологических сочинений кимрского старообрядца Степана Горшкова позволил проследить эволюцию сформулированных в XVIII в. представлений об антихристовой сущности императорской власти. Соотнесение событий российской истории с текстом ветхозаветного пророчества позволило старообрядческому писателю охарактеризовать переживаемое время как «последнее».

Ключевые слова: старообрядцы, эсхатология, Третья книга Ездры.

В основе представлений старообрядцев о мире лежало эсхатологическое учение. Взяв за основу общеправославную эсхатологическую теорию, старообрядцы провозгласили, что «последние времена» наступили в России после 1666 г. Объявив верховную власть антихристовой, старoverы обосновали свое право на неподчинение ей [1; 2; 3]. Одной из форм социального протеста стало немоление за государя, которого придерживались старообрядцы-беспоповцы, ориентируясь на решение черного собора соловецких иноков. Поскольку все подданные Российского государства обязаны были совершать богомолитвы за государя в табельные и праздничные дни, этот факт стал предметом пристального внимания властей. В 1739 г. руководители выговского монастыря, крупнейшего старообрядческого общежития, вынуждены были ввести богомолитвы за государя. Против соглашательской линии выговских большевиков выступила часть поморцев во главе со старцем Филиппом. Первые последователи Филиппа полностью отказывались от контактов с внешним «антихристовым» миром, а в случае столкновения с представителями власти предпочитали «огненную смерть». Со второй половины XVIII в. филипповцы перешли на более терпимые позиции: при сохранении критического отношения к правящему государю и продолжении традиции немоления за «нечестивого» монарха они начали обосновывать возможность подчинения ему. Такого рода отношение к государю можно определить как проявление «народного варианта монархизма» [4].

По наблюдению В.М. Лурье, к концу XIX – началу XX в. острота эсхатологических ожиданий, характерная для раннего этапа истории старообрядчества, была утрачена [5]. Анализ филипповских сборников, составленных в конце XIX в. и отразивших полемику по самым актуальным на тот момент вопросам, действительно, свидетельствует о том, что даже в этом

согласии вопросы эсхатологического учения решались в основном в богословской области. Вместе с тем нельзя отрицать того факта, что некоторые представители согласия продолжали придерживаться крайне радикальных взглядов на государственную власть и в событиях российской истории находили приметы «самого последнего времени». В качестве яркого примера можно обратить внимание на сочинение, написанное в конце XIX в. Степаном Горшковым, филипповцем из с. Кимры – «Описание о правителях рускаго государства»¹. Здесь особенно ясно проступает политическая суть его эсхатологических построений. Анализ этого сочинения позволит проследить эволюцию складывавшихся в XVIII в. представлений об антихристовой сущности императорской власти.

Сочинение дошло до нас в единственном списке в сборнике, составленном Степаном Горшковым. Автор разделил сочинение на две части. В первой, озаглавленной «Великия князья, в кая лета седоша на престолы своя», содержится список имен древнерусских князей с указанием года начала княжения каждого: «Рюрик в лето 870; Олег в лето 887...»². Перечень князей завершается Иваном III. После его имени автор поместил фразу: «Великия князи конец прияша»³. Таким образом автор констатировал тот факт, что правление Ивана III стало важной гранью русской истории.

Новый период старообрядческий писатель охарактеризовал следующим образом: «Время прииде орлу прияти царствие. Два на десяты крылам, а осьмь противных перьци, и три главы»⁴. Связав следующий этап истории России с символом трехглавого орла с 12 крыльями, автор явно опирался на библейский образ орла-антихриста, представленный в Третьей

¹ БАН. Собр. Дружинина. № 388. Л. 4–6, 91 об. – 95.

² Там же. Л. 4. Даты начала правлений князей старообрядческий автор указал по александрийской системе летоисчисления, распространенной в некоторых старообрядческих общинах.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ НШ-2318.2012.6.

книге ветхозаветного пророка Ездры. Согласно мифологическим представлениям, орел был символом Бога, царской власти и символом подземного мира [6, с. 260]. Эта двойственность нашла отражение и в христианской символике: орлом обозначались Христос и Иоанн Богослов, а также апокалиптический зверь. Последний образ наиболее ярко представлен в Третьей книге Ездры. Т.А. Опарина, обратившая внимание на использование пророчества Ездры в русской публицистике XVI–XVII вв., отметила, что к этому тексту активно обращались первые идеологи старообрядческого движения – дьякон Федор, протопоп Аввакум, инок Авраамий. Она подчеркнула, что книга Ездры использовалась ими наряду с Апокалипсисом и Книгой о вере [7].

Соотнесение пророчеств Ездры с российской действительностью проводилось и последующими поколениями старообрядцев, о чем свидетельствует, в частности, сочинение «Послание против поклонения двуглавному царскому орлу и четырехконечному кресту», опубликованное Н.С. Гурьяновой [8]. В этом сочинении автор притянул ветхозаветное пророчество для объяснения потаенного смысла символа герба Российского государства – двуглавого орла, в котором он видел библейского орла-антихриста. Филипповцы, на раннем этапе своей истории разделявшие эту точку зрения, в XIX в. стали высказываться менее определенно. Например, тюменский филипповский писатель Иван Родионович Легостаев доказывал, что двуглавый орел в качестве государственного символа впервые появился на гербе Византийской империи при св. равноапостольном императоре Константине, поэтому не может быть отождествлен с образом антихриста: «Во оно время в не же равноапостольный царь Константин перенес свой престол из старого Рима в новый Константинополь, и по общему церковных архипастырей совету учинил орла двуглава со единою короною, иже знаменует двуглавием державы старого Рима и нового, а одним телом и диадимом – един союз двух держав властью и правлением является»⁵. Тем не менее представление об орле-антихристе по-прежнему оставалось распространенным у старообрядцев. В сочинении «Описание о правителях русаго государства» Степан Горшков соотнес конец правления Ивана III с появлением в это время в России изображения орла в качестве государственного герба.

Вторая часть сочинения Степана Горшкова начинается с цитирования 11-й главы Третьей книги Ездры. Автор полностью скопировал пророчество о том, что до воцарения орла будут править «осьмь противных перьяц», и прокомментировал этот текст следующим образом: «Виджь, убо прежде царьствовати будут противныя орлу перьяца, сиречь благочестивыя цари»⁶. Обосновав мысль о том, что под перьями орла подразумеваются «благочестивыя цари», автор вновь обратился к русской истории. Он составил таблицу, в которую включил имена восьми правителей, следующих за Иваном III.

№	Осьмь подперьяц, противных орлу	Лета царствия их
1	Василей Иванович	28
2	Иоанн Васильевич Грозный	51
3	Федор Иоаннович	14
4	Борис Годунов п, о, г, и, б, е	7
5	Феодор Борисьев	2 мес.
6	Василий Шуйский	6 (так в ркп. – М. II.)
7	Михаил Федорович	22 (так в ркп. – М. II.)
8	Алексей Михайлович п, о, г, и, б, е	31
	Число зверино 666 Никита	

В таблице отмечена очередность правления «благочестивых царей» и количество лет, в течение которых они находились у власти. Это была важная информация для автора и читателя, поскольку она позволяла наглядно сопоставить русскую историю с текстом пророчества. Например, в воспроизведенном автором фрагменте 11-й главы Третьей книги Ездры говорилось о том, что «второе перо» будет править дольше других: «И ино воста, и царствоваше, тои много держа время. И бысть егда царствоваше и грядяше конец его. Да не явится яко первый. И се глас отпущен тому глаголюще: Слышите, иже толико время держал еси землю. Сия завещаю тебе: прежде, неже начнеши, не явится некто по тебе, вздержит время твое, но ни пол его»⁷. Вторым в списке благочестивых царей помещен Иван Грозный. Тот факт, что во главе Русского государства этот царь находился более 50 лет, позволил старообрядческому писателю соотнести его с образом «второго пера». Таким образом, с его точки зрения, русская история продемонстрировала реализацию этого пророчества Ездры.

Обращает на себя внимание тот факт, что в список правителей не включен Лжедмитрий, правивший Россией год, в то время как сын Бориса Годунова Федор, не венчанный на царство и бывший во главе государства всего 7 недель, в нем присутствует. Исключение Лжедмитрия можно объяснить не только стремлением старообрядческого писателя представить русскую историю в соответствии с текстом библейского пророчества и назвать имена восьми «противных орлу перьяц», т. е. благочестивых царей, правивших до церковной реформы патриарха Никона. Лжедмитрия с точки зрения автора-старообрядца невозможно было считать таковым, поэтому он предпочел о нем не упоминать.

Напротив имени Бориса Годунова стоит помета «погибе», что связано с широко распространенным в народе убеждением в причастности Годунова к смерти царевича Дмитрия. Тем не менее, автор посчитал возможным включить его в число «благочестивых царей», полагая, что трагическая судьба Бориса Годунова в какой-то мере стала искуплением за этот грех. Словом «погибе» отмечен и последний в этом списке царь Алексей Михайлович. Как правило, старообрядцы

⁵ Собрание старопечатных книг и рукописей ИИ СО РАН. № 14/74. Л. 127–127 об.

⁶ БАН. Собр. Дружинина. № 388. Л. 92 об.

⁷ Там же. Л. 94.

разделяли его правление на два периода – до церковной реформы, когда «тишайший» был благочестивым царем, и после реформы, когда, как сказано в одном из сочинений, «отломися от христова винограда лоза, сиречь от царскаго благочестиваго корени» [1, с. 46].

Ниже имени Алексея Михайловича автор поместил мирское имя патриарха Никона – Никита и «число зверино» 666⁸. Назвав патриарха Никитой, автор явно подразумевал связь между мирским именем патриарха и числом 666 [1, с. 28]. Представление о реформах Никона как хронологической грани, начинающей новую эпоху в истории России, присутствует во всех эсхатологических сочинениях старообрядцев. В данном труде автор только констатировал этот факт, не развивая подробно мысль о Никоне и Алексее Михайловиче как антихристах, ему важно было представить Алексея Михайловича царем, завершающим ряд благочестивых правителей.

В новую таблицу включены имена 12 последующих правителей, представленные в соответствии с пророчеством Ездры в образе 12 крыльев орла-антихриста. Таблицу Степан Горшков прокомментировал следующей цитатой из 12-й главы Ездры:

Се дние грядут, и восстанет царство на земли, и будет боязнь вьшшая всем царствам, еже быша прежде его. Царствовати будут на ней цари два на десяти, един по единому⁹.

1	Федор Алексеевич	6
2	Петр Алексеевич	43
	Той же Петр, царь и патриарх	4
4	Екатерина	2
5	Петр Алексеевич	3
6	Анна Иоанновна	10
7	Иоанн Антонович	24 (так в ркп. – М. П.)
8	Елизавета Петровна	20
9	Петр Федорович	1
10	Екатерина Алексеевна II	34
11	Павел Петрович	5
12	Александр Павлович	24

Назвав Петра I в списке правителей дважды, автор акцентировал внимание читателя на том, что его правление делится на два периода. У старообрядцев было особое отношение к первому российскому императору – его образ наиболее удачно наложился на традиционные христианские представления об антихристе [1; 3; 9; 10]. Доказательством антихристовой сущности Петра I являлись императорский титул, изменения в календаре, перепись населения для подушного оклада, антицерковная и антистарообрядческая политика императора. Автор «Описания о правителях рускаго государства» наиболее значимым нововведением, ставшим важной вехой в русской истории, посчитал

отмену патриаршества, в результате которой в руках царя оказалась сосредоточена и светская и духовная власть, что осмысливалось старообрядцами как главный признак антихристовой сущности императора.

Кульминацией сочинения является его заключительная часть. В ней дан еще один образ, позволяющий получить представление об эсхатологических построениях Степана Горшкова. Речь идет об образе трех голов орла. Этот символ автор соотносит с тремя российскими императорами, которые правили в XIX в. и которые представлены как самые «последние» и «страшные» антихристы. Эта часть сочинения, самая важная с точки зрения писателя-старообрядца, несколько отличается от предыдущих. Автор скопировал фрагмент пророчества Ездры о трех головах орла. В тексте пророчества он делал вставки-комментарии, поясняя, кого в том или ином случае иметь в виду.

Вот типичный пример такого рода: «А яко видел еси три главы покоящияся. Сего ради те названии суть главы орли. Сии бо будут, иже возглавят нечестие его, и иже совершат последняя его. Средняя глава, а яко видел еси главу болшую»¹⁰. Старообрядческий писатель соотнес образ средней головы орла с императором Николаем I. В тексте пророчества в скобках он отметил: «Николай Павлович, 30 лет»¹¹. Подчеркнув, что правление этого императора было весьма продолжительным, автор посчитал возможным образно назвать его «главой большой». Далее в сочинении он продолжил цитирование пророчества Ездры о смерти голов орла: «Яко един от них на одре своем умрет, но обаче с мучением»¹². Это пророчество для старообрядца оказалось вполне сопоставимо со смертью Николая I, умершего, по его мнению, от «ножной болезни».

Насильственная смерть Александра II, как считал автор, тоже оказалась предсказана Ездрой: «И два, иже пребудет, меч их пояст (Александр Николаевич, 26). Единого бо меч пояст и сущих с ним (2 человека до смерти, четыредесять раненых оказались). Но обаче и сей мечем напоследок падет (Александр Александрович, 13)»¹³. В соответствии с пророчеством получалось, что Александр III тоже должен был закончить жизнь от «меча». Таким образом, Степан Горшков подвел читателя к мысли о том, что настоящее время – самое последнее, поэтому в любой момент может наступить второе пришествие и Страшный Суд, к которому автор призывает быть готовым читателя: «Но всегда Бог закрываше время судеб своих. Да присно готови будем на сретение Его»¹⁴.

«Описание о правителях рускаго государства» написано в традиционном для такого рода сочинений жанре – события русской истории соотносятся с библейскими пророчествами. Текст пророчества Ездры выступает смысловой доминантой, определяя логику рассуждений автора. С помощью данного текста он пытался донести до читателя мысль о том, что переживаемое время «самое последнее». В сочинении в

⁸ О «числе зверином 666» см.: Откр., 13, 18: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть». Более подробно о числе 666 см: [11].

⁹ БАН. Собр. Дружинина. № 388. Л. 93 об.

¹⁰ БАН. Собр. Дружинина. № 388. л. 94–94 об.

¹¹ Там же. Л. 94 об.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

концентрированном виде представлены эсхатологические построения, разработанные старообрядцами на протяжении двух веков. Автору было достаточно только упомянуть число 666 рядом с именем Алексея Михайловича и патриарха Никона или назвать Петра I царем и патриархом, и у читателей-современников сразу возникали устойчивые образы и ассоциации, характеризующие этих императоров-антихристов. Сочинение не только позволяет получить представление об авторской манере филипповца Степана Горшкова и особенностях его эсхатологических построений, но и дает возможность охарактеризовать общественное сознание определенной части филипповского согласия.

Несколько иной подход к этой проблеме представлен в другом сочинении Степана Горшкова – «О картине императора Вильгельма»¹⁵. Сочинение представляет собой описание картины, присланной германским императором Вильгельмом в 1895 г. Николаю II. Эта картина была широко растиражирована в прессе перед Русско-японской войной, поскольку символизировала необходимость противостояния «желтой опасности», которая якобы надвигалась с востока [12].

Красочно описав изображенных на картине девушек, символизирующих европейские государства, Степан Горшков обратил внимание на библейский сюжет из Апокалипсиса, положенный в основу картины:

Перед этим изображении европейских держав стоит архангел Михаил, в правой руке держит пламенный меч. Лицо его борзо и обращено ко изображенным государствам и выражает им сильную победу. А левая рука, указывая на приближение опасности, еще сильнее выражает его приглашение быть готовыми к священной борьбе. У ног его широкая равнина европейских стран, и широкая река течет по ней. В равнине виднеются города, в которых поднимаются церкви различных вероисповеданий. Над этой равниной клубятся густые облака злой беды. Темная дымчатая туча и покрывают небо, по которому движется пламенное море горящих городов, клубы дыма над горящими городами, изображающая адское запаление. Над всем сим грозная опасность носится в видении разрушение дьяволу. Грозно двигаются его мрачные силы к берегу реки, еще немного времени, и ничто не будет отделять их от всенародного мира¹⁶.

Старообрядец сделал вполне традиционный вывод: «Сия картина обличает всех верующих во Христа и не ожидающих страшного Второго Пришествия Христова»¹⁷. Очевидно, что автор-старообрядец искал все новые и новые признаки приближения конца света. Для этого он обращался не только к Св. Преданию, как это было сделано в сочинении «О правителях русакого государства», но и к современности.

Несмотря на то, что сочинения Степана Горшкова сохранились только в единственном списке, они могли быть известны в центре согласия на московском Братском дворе. Об этом позволяет говорить текст соборного постановления, принятого московскими духовными

отцами в 1878 г.¹⁸ На соборе 1878 г. Степан Горшков вместе со своим братом Николой подвергся осуждению за свои «заблуждения», главным из которых названо терпимое отношение к фактам заключения браков между старообрядцами. Вероятно, к этому времени у Степана Горшкова уже сложились свои взгляды и по вопросу об отношении к верховной власти. Отцы Братского двора, стремившиеся не входить в конфликты с представителями власти [13], не могли разделять представлений Степана Горшкова об антихристовой сущности императора. Эсхатологические сочинения кимрского старообрядца свидетельствуют о том, что в конце XIX в. внутри филипповского согласия, перешедшего на умеренные позиции по отношению к государю, продолжала существовать и радикальная точка зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе. Новосибирск, 1988.
2. Гурьянова Н.С. Эсхатологический миф у старообрядцев. XVII век // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 410–418.
3. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII веке. Новосибирск, 1974.
4. Гурьянова Н.С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999. С. 126–149.
5. Лурье В.М. Три эсхатологии. Русская эсхатология до и после великого раскола // Мир православия. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 150–178.
6. Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М., 2000. Т. 2.
7. Опарина Т.А. К вопросу об использовании III книги Ездры в русской публицистике XVI–XVII вв. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 143–149.
8. Гурьянова Н.С. Царь и государственный герб в оценке старообрядческого автора XVIII в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 80–86.
9. Гурьянова Н.С. Старообрядческие сочинения XIX в. «О Петре I – антихристе» // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 136–154.
10. Успенский Б.А. *Historia sub specie semioticae* // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 286–292.
11. Опарина Т.А. Число 666 в русской книжности середины – третьей четверти XVII в. // Человек между царством и империей. М., 2003. С. 287–317.
12. Картина императора Вильгельма. СПб., 1904.
13. Игнатова Т.В. К истории московского филипповского центра Братский двор во второй половине XIX – начале XX в. (новые документы из фондов ЦИАМ) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2009. Вып. 13. С. 44–62.

Статья поступила
в редакцию 14.02.2012

¹⁵ «О картине императора Вильгельма» // БАН. Собр. Дружина. № 370. Л. 1 об. – 2.

¹⁶ Там же. Л. 2 об. – 3.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ БАН. Собр. Каликина. № 107. Л. 240.

УДК 021.13

С.С. ГУЗНЕР¹, Л.А. КОЖЕВНИКОВА², О.В. МАКЕЕВА³

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ АДАПТАЦИИ БИБЛИОТЕК

¹ канд. экон. наук
¹ Сибирский государственный университет
путей сообщения, г. Новосибирск
e-mail: met@stu.ru

² д-р пед. наук,
^{2,3} Государственная публичная научно-техническая
библиотека СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: centre@spsl.nsc.ru

Статья посвящена изучению природы и специфики библиотечных адаптаций в условиях меняющихся социокультурных практик, формирующих спрос на продукты и услуги, предоставляемые библиотекой. Библиотечные адаптации рассматриваются с позиций социологических и экономических теорий, выступают в трех аспектах, а именно: свойство, процесс, метод.

Ключевые слова: адаптация библиотеки, социокультурные практики, механизм адаптации, направления изучения адаптации, адаптивный процесс.

На современном этапе развития научного знания *адаптация* используется многими науками в качестве общего, междисциплинарного понятия. Вопросами объяснения ее механизмов, определением потенциала, а также возможностью управления процессами занимаются социальные, технические, биологические и экономические науки.

В общем смысле адаптация понимается как способность системы изменять свои внутренние и внешние параметры под влиянием внешних факторов, т. е. это *процесс, направленный на приведение в соответствие параметров системы и условий внешней среды*. Но именно благодаря широкому использованию понятие «адаптация» не имеет общепризнанного определения, как и большинство терминов, которые используются более, чем в одной отрасли знаний. Существует множество определений данного понятия, что объясняется его широким содержанием, субъективностью мировоззренческих и философских взглядов тех или иных ученых, а также целями проводимых исследований.

Адаптация в общем смысле выступает в трех аспектах:

1. *Свойство* системы приспосабливаться к возможным изменениям функционирования (адаптивность системы);
2. *Процесс* приспособления адаптивной системы (адаптация);
3. *Метод*, основанный на обработке поступающей информации и приспособленный для достижения некоторого критерия оптимизации (адаптивные алгоритмы).

Кроме того, в справочной литературе рекомендуется различать *адаптацию* как процесс и *адаптивность* как результат.

Считается, что для достижения успешной и эффективной адаптированности необходимо принимать адаптивные меры в двух направлениях [1, с. 16]: *адаптивном* – исследование среды, подстраивание своей деятельности, а также внутренних резервов и ресурсов под запросы этой среды; *адаптирующем* – активное влияние на окружение, преобразование внешней среды путем формирования потребностей, создания положительного имиджа фирмы, продукта и т. д.

Таким образом, адаптация – это процесс, который:

- зависит от накопленного системой потенциала, а также управляющих воздействий внешней среды и будет продолжаться до достижения системой и средой функционального равновесия;
- не может быть абсолютно законченным;
- может реализовываться при помощи положительных (улучшения, новации или инновации) и отрицательных (дезадаптация и реадаптация) адаптивных стратегий;
- имеет минимальный и максимальный уровни изменения параметров внешней среды, при которых система продолжает нормально функционировать.

Поскольку *абсолютная адаптация недостижима*, то любая система почти постоянно находится в процессе адаптации, т. е. является *адаптирующейся системой*. В науке принято выделять три вида адаптирующихся (адаптивных) систем: *самонастраивающиеся, самообучающиеся* (способны, накапливая опыт, самостоятельно искать критерии качества своего функционирования) и *самоорганизующиеся*. Эти виды можно представить как отдельные направления процессов адаптации библиотеки. Выбор любого из этих процессов система будет определять самостоятельно,

исходя из совокупности имеющихся условий. Библиотека, таким образом, в процессе адаптации может быть самонастраивающейся, самоорганизующейся и самообучающейся системой.

Ведущие библиотековеды видят *средство* адаптации библиотек в расширении ее *социальных функций*. Внутренние, технологические функции признаются вторичными. Но до сих пор единого мнения по данному вопросу не выработано. Таким образом, приспособляться (адаптироваться) библиотека должна к информационным, культурным и образовательным потребностям общества.

Работы социологов и экономистов определили понимание адаптации как «ответа» на «вызов» внешней среды, направленного на согласование внешних условий (социальных потребностей индивидов и общества) и библиотеки (ее целей и интересов как социальной системы и организации). Концептуальным стало также положение о структуре адаптивного процесса, предполагающего наличие трех составляющих: *адаптирующаяся система, внешняя среда и адаптивная связь* (взаимодействие) между ними [2].

Кроме того, согласно положениям институциональной экономики, адаптация является напрямую зависимой от:

- существующей системы правил (формальных и неформальных);

- распределения прав собственности. *Спецификация прав собственности определяется как исключение других из свободного доступа к ресурсу*. Соответственно, права собственности – это система исключений из доступа к ресурсам. Четкое определение прав собственности предполагает достижение эффективности в размещении ресурсов благодаря обеспечению состыковки планов или состыковки стимулов. Первого можно достичь путем уменьшения неопределенности во взаимоотношениях между людьми, второго – благодаря созданию системы стимулов;

- типа управления экономической системой, поскольку именно она занимается распределением ресурсов и способна воздействовать на величину трансакционных издержек;

- сложившейся системы контрактов и контроля над их выполнением;

- величины *трансакционных издержек*, в качестве которых рассматриваются издержки, связанные с перемещением или защитой прав собственности. Этот вид издержек не относится к производственным издержкам, составляющим суть расходного компонента хозяйственной деятельности в неоклассической теории [3];

- свободы творчества, предпринимательства и внедрения инноваций.

Институциональная теория предполагает, что эти параметры определяются управленческим компонентом экономической системы (библиотеки), развитием персонала и преобладающими ценностно-когнитивными нормами общества. Согласно классической теории экономики, параметры адаптивных возможностей библиотеки задаются государством, собственником библиотеки и обществом.

Очевидно, что эти две разные теории едины в оценке важности третьей причины – *характеристик общества* (экономических, культурных, социальных), т. е. выбор и реализация механизма адаптации определяются *объективными* и *субъективными* факторами. Последние обуславливаются нормативно-ценностными и деятельностными характеристиками библиотечного персонала и пользователей, составляя содержание их социальных и культурных практик.

В результате исследований, проведенных научными библиотеками и отдельными учеными в различные периоды в отдельных регионах [4; 5; 6; 7], было установлено, что состав и характер чтения и информационных потребностей пользователей зависят от изменений в профессионально-производственной, культурной и социальной деятельности людей, т. е. от изменений в их практиках. Это же явствует из целей и задач публичной библиотеки, провозглашаемых в «Руководстве ИФЛА по работе публичных библиотек» [8, с. 18–19].

Исторически первыми, кто начал изучать практики, были социологи и культурологи. Понятие «социальная практика» занимает существенное место в концепциях социального действия, являясь его важной составляющей. Однако до сих пор среди социологов нет единого мнения о том, что представляют собой социальные практики. Одни ученые считают, что они выступают в виде формы существования социальных институтов [9; 10; 11], другие полагают, что они могут быть признаны неглавными институтами общества, находящимися внутри основных [12]. Но все они сходятся во мнении: социальные практики играют в обществе двойственную роль: с одной стороны, они складываются под воздействием имеющихся социальных институтов, с другой стороны, сами влияют на их формирование и развитие, структурируя и упорядочивая деятельность социальных институтов.

Иначе говоря, социальные практики выступают в качестве *устойчивых форм или способов экономического, общественного и образовательного поведения индивидов*.

Таких практик у индивида может быть много, в зависимости от его активности в личностной, социальной и трудовой деятельности, выражающейся в количестве ролей и статусов. Каждый человек в обществе одновременно выполняет несколько ролей и имеет несколько статусов, поэтому существующую типологию социального взаимодействия по сферам деятельности некоторые авторы предлагают экстраполировать [12] и на социальные практики: *экономические* (собственники и наемные работники, безработные, домохозяйки); *профессиональные* (бизнесмен, служащий), *семейно-родственные* (муж, жена, отец, мать, дочь, сын), *демографические* (национальность, возраст, раса); *политические* (судьи, полицейские, присяжные, партии, объединения); *религиозные* (православные, мусульмане, иудеи, буддисты); *территориально-поселенческие* (местные и пришлые, горожане и сельчане). Кроме того, поскольку социальные практики – это форма существования социальных институтов (или они сами), то классифицировать их можно по тем же основаниям, что и институты: *по степени институционализации*:

главные (базовые, основные) и частные (неглавные); по степени формализации: формальные и неформальные; по времени существования и взаимодействия: постоянные и краткосрочные; по сфере общественной деятельности (по выполняемым задачам): экономические, политические, семейные, военные; по основным функциям: домашние, обрядовые (церемониальные), политические, церковные, профессиональные и промышленные.

Деятельность библиотек неразрывно связана с процессом чтения, который мы определяем как одну из основных (базовых) социальных практик. Она используется людьми во всех сферах деятельности, например, даже профессиональный язык музыкантов и картографов включает в себя выражения «прочитать ноты» и «прочитать карты».

К сожалению, в библиотековедении нет разработанных классификаций или типологий социальных и культурных практик, основанных на каких-либо критериях или параметрах, затрагивающих библиотечные аспекты деятельности. Но их создание явилось бы важным вкладом в развитие библиотековедения, так как во многом именно социальные практики определяют не только *состав*, но и *способ* реализации этих потребностей: посещение библиотеки, скачивание информации из Интернета, покупка печатных или электронных изданий в магазине, использование личных библиотек знакомых или родственников. Например, одним из результатов исследования «Чтение в России – 2008», проведенного Левада-Центром, является утверждение: «чем менее группа обеспечена социальными и культурными ресурсами, тем чаще и регулярнее ее члены, при определенном уровне образования и учебно-профессиональных потребностей в книге, будут обращаться к фондам районных и городских библиотек» [7, с. 11]. Из этого утверждения следует, что пользователями современной библиотеки в основном являются люди, реализующие социальные практики, связанные с образованием (учащиеся и обучающие) и наукой. Кроме того, в большой степени оказывают влияние на формирование потребности в чтении и в регулярности посещения библиотеки культурные потребности человека, чаще соотносящиеся с высокой степенью образованности.

К культурным практикам в культурологии относят, как правило, все виды культуросозидающей деятельности, направленные на создание артефактов, но акцент делается на динамическом аспекте [13]. В социологии это понятие рассматривается гораздо шире, здесь изучается деятельность людей, связанная с созданием, распространением и потреблением культурных (или антикультурных) ценностей [14, с. 226]. Сюда относят такие виды деятельности, как чтение, посещение кино, театров, просмотр телепередач, участие в творчестве (музыкальном, художественном) и т. д.

Считается, что на эти процессы огромное воздействие оказывают культурные нормы, традиции, опыт, обычаи, ритуалы и т. д., которые определяют направление, границы и контроль культурной и социальной активности населения отдельных территорий. Но развитие культурных практик в большей степени,

чем социальных практик, связано с внутренним миром человека, его психоэмоциональной сферой [15].

Характеристики культурных практик частично совпадают с характеристиками практик социальных: нормативность, воспроизводимость, передаваемость, пространственно-временная локализация, знаково-символическое воплощение, творчество.

Отметим, что культурные практики часто рассматриваются как часть практик социальных, поэтому существует объединяющее понятие *социокультурные практики*, которое включает в себя все многообразие социальных и культурных взаимоотношений и взаимозависимостей, осуществляющее регулирующую ценностно-нормативную роль в деятельности индивидов.

Поэтому есть основание предположить, что не вся жизнедеятельность людей, а именно *социокультурные практики* определяют их информационные потребности. Это означает, что приспособляться или адаптироваться к трансформациям во внешней среде библиотека должна с учетом происходящих изменений в социокультурных практиках населения.

Вместе с тем нельзя однозначно утверждать, что социальные практики определяют *способ* удовлетворения информационных потребностей, а культурные – *содержание* их реализации или наоборот. Не последнюю роль играют и индивидуальные ментальные особенности человека. Однако общая тенденция в той или иной социальной группе со схожими социокультурными практиками прослеживается [16; 17]. Поэтому изучение социальной и культурной специфики отдельных регионов и территорий имеет важное значение в деятельности библиотек для успешной адаптации к внешним условиям.

Понимая важность деятельности библиотек, поддерживающих и развивающих чтение как основную социокультурную практику населения, авторы аналитического доклада отмечают: «представители органов власти и главных библиотек субъектов РФ сходятся во мнении, что активизация деятельности по продвижению чтения поможет населению и органам власти в решении жизненно важных, социально значимых проблем» [18, с. 11].

Вместе с тем необходимо отметить, что библиотекарю в свою очередь сами являются частью социальных и культурных групп населения, проживающих в той или иной местности. Но, будучи профессиональной группой, со сложившейся культурой, нормами и традициями, иногда сталкиваются с тем, что их социальные и культурные практики приходят в противоречие с соответствующими практиками пользователей своих библиотек. Например, с точки зрения библиотечной, чтение книг на традиционных носителях и регулярное посещение библиотеки должно быть одной из главных социокультурных практик населения. Но в структуре указанных практик большинства россиян, согласно социологическим опросам, эта деятельность занимает одно из последних мест (77 % населения не пользуются библиотеками) [7, с. 63]. Возникает дисбаланс, нарушение равновесия во взаимоотношениях с меняющимися социокультурными практиками населения и

сложившимися ценностно-нормативными основами библиотекарей, и, соответственно, с их социокультурными практиками. На наш взгляд, это расхождение способно создавать существенные помехи в процессах адаптации библиотек.

Поэтому развитие и адаптацию библиотеки как социального института и как формы его существования (учреждения) необходимо изучать с учетом состояния социальных практик, которым в действительности следует население, как важной системной категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономическая энциклопедия / гл. ред. Л.И. Абалкин. М., 1999. 1056 с.
2. Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. 424 с.
3. Скоробогатов А.С. Институциональная экономика: курс лекций. СПб., 2006. 160 с.
4. Библиотека в системе общественных отношений региона / отв. ред. Е.Б. Соболева. Новосибирск, 1999. 204 с.
5. Кравец С.В. Областная научная библиотека на рынке региональной информации : состояние и перспективы развития (на примере Уральского региона) : дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск, 2004. 219 с.
6. Самсонова В.А. Книга и информация в контакте социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) // Книга и информация в контексте социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа Российской Федерации : матер. межрегион. науч.-практ. конф. (Якутск, 22–25 окт. 2007 г.). Якутск, 2010. 184 с.
7. Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Чтение в России – 2008. Тенденции и проблемы. М., 2008. 80 с.
8. Руководство ИФЛА по работе публичных библиотек. 2-е изд., пересм. СПб., 2011. 183 с.
9. Жадько Н.В. Анализ сущностных характеристик библиотеки как социокультурного института // Библиотековедение. 1996. № 3. С. 54–64.
10. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001. 307 с.
11. Шабанова М.А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1: Институты, практики, роли // Экономическая социология : электрон. журн. 2006. Т. 7, № 4. С. 11–26.
12. Добренев В.И., А.И. Кравченко. Социология : в 3 т. М., 2000. Т. 3: Социальные институты и процессы. 520 с.
13. Агеева Г.М. Библиофильство как культурная практика // Регионология. 2011. № 2. С. 276–278.
14. Зборовский Г.Е. Общая социология. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. 592 с.
15. Оберемко О. Кого мы называем «Люди XXI века?» // Социальная реальность. 2008. № 3. С. 42–65.
16. Бурдые П. Практический смысл / пер с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко. СПб.; М., 2001. 562 с.
17. Ратиев В.В. Специфика институализации информационных процессов в современном российском обществе. Краснодар, 2010. 332 с.
18. Региональная политика и деятельность библиотек по поддержке и развитию чтения: аналитический доклад по результатам мониторингового исследования / Мин-во культуры РФ, Межрегион. центр библ. сотрудничества. М., 2010. 108 с.

Статья поступила
в редакцию 17.04.2012

УДК 19.51.09(470+571)

И.В. ЛИЗУНОВА

ГАЗЕТЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: НЕКОТОРЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

канд. ист. наук
Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: kniga@spsl.nsc.ru

В статье представлена трехрядная модель типологической структуры современных печатных СМИ Сибири и Дальнего Востока, дано краткое описание каждой из моделей. Особое внимание уделено особенностям и противоречиям трансформации универсальной прессы региона: областных, городских и молодежных газет влияния. Охарактеризовано современное состояние региональной газетной отрасли.

Ключевые слова: средства массовой информации, периодическая печать, газеты, Сибирь, Дальний Восток, постсоветский период.

Процесс реформирования региональной прессы, начавшись в 1990-е гг., сразу после принятия революционного законодательного акта «О средствах массовой информации» привел к ее значительным структурным, количественным и качественным изменениям. Существовавшая в советское время вертикально-иерархическая структура прессы уступила

место горизонтальным конфигурациям печатного рынка. Трансформация самой системы периодики, замена основной региональной партийно-советской газеты формирующейся системой новых изданий, строящих взаимоотношения между собой на основе конкуренции, борьбы за медиапотребителя, но в то же время координации и предполагаемого сотрудничест-

ва, заполнение газетных страниц преимущественно местной информацией – все это решительно повлияло на рост интереса читательской аудитории к региональной прессе.

К основным параметрам, позволяющим определить качественные и количественные характеристики местной периодики, условия ее функционирования, необходимо причислить в первую очередь ареал ее распространения и социальный адрес. Учитывая произошедшие изменения в строении прессы и ее тематическом содержании, а также опираясь на известные классификации общероссийской периодики, разработанные учеными и практиками в области масс-медиа, типологическую структуру современных региональных газет можно представить в виде трехрядной модели.

К первому уровню модели следует отнести прессу, адресуемую «всем» (в пределах своего ареала распространения) и информирующую «обо всем» (*универсальной* тематики): общественно-политические газеты; информационно-рекламную прессу и бульварно-таблюдные издания – «прессу массовой культуры» или «газеты влияния».

Ко второму уровню можно причислить *специализированную* прессу, ориентированную на определенные социальные интересы, имеющую конкретную тематическую направленность. Специализированные газеты «для всех не обо всем» строятся на основе профилизации тематического ряда и включают в себя деловую, культурно-просветительную, спортивную прессу, издания национально-этнической консолидации, газеты социальной защиты и т. п. К такого рода специализированным изданиям можно отнести и партийные газеты, ориентированные на членов определенной политической организации или политико-идеологического течения, а также молодежные и детские издания, адресованные аудитории определенных возрастов. Такого рода периодика возникла за Уралом повсеместно. Однако ее бытование зависело от многих факторов. Большинство газет, появившись, тут же исчезло, другие окрепли, стабильно выходя в свет, ориентируясь на свой сегмент читательской аудитории. Бурное развитие пережили новообразованные структуры региональной специализированной прессы: корпоративная, вузовская и школьная.

Наконец, к третьему уровню современной модели региональной печати логично отнести *узкоспециализированную* прессу, строящуюся на одновременном ограничении как аудитории, так и тематики. Газеты «не для всех не обо всем» либо апеллируют к социальному адресу читателя (таковы, например, профессионально-отраслевые издания), либо сосредоточиваются на конкретной области информационного поля (специально-тематическое, направленное отдельным целевым аудиториям издание): аннотированные телепрограммы, женская, мужская, эротическая пресса, издания для садоводов и огородников, пресса здоровья, любительских увлечений и т. д.

До 1990 г. областная (краевая) пресса имела четкую вертикальную структуру и стандартный набор изданий, подобающий статусу региона: выходила еже-

дневная региональная общественно-политическая газета, подобные ей молодежная и общегородская вечерняя газеты (в городах-миллионниках). Трансформация российского общества в последующие годы привела к массовому созданию газет нового типа: рекламно-информационных, деловых, развлекательных и т. д.

С учетом авторитета и престижа издания, ареала распространения (региональные), периодичности (ежедневные, либо 3–4 раза в неделю) и тиражности (свыше 10 тыс. экз.) самыми влиятельными газетами в Сибири и на Дальнем Востоке в первом десятилетии XXI в. по-прежнему оставались старейшие (бывшие советские) газеты. В частности, это «Алтайская правда» (издается с 1919 г., тираж 62,5 тыс. экз., Барнаул), «Советская Сибирь» (с 1919 г., тираж 60 тыс. экз., Новосибирск), «Красноярский рабочий» (с 1905 г., тираж 39 тыс. экз., Красноярск), «Тихоокеанская правда» (с 1905 г., тираж 30 870 экз., Хабаровск) и др.

К ведущим универсальным газетам, или «газетам влияния» [1, с. 167], можно отнести и многие другие периодические издания, возникшие в регионе в последнем десятилетии XX в. и прошедшие проверку на «выживаемость» в начале XXI в. Помимо «старой» прессы бывшего коммунистического официоза, сохранившей в подавляющем большинстве прежние советские названия: «Омская правда» (Омск), «Красное знамя» (Томск, Владивосток), «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), «Амурская правда» (Благовещенск), «Правда Бурятия» (Улан-Удэ), «Тувинская правда» (Кызыл), «Магаданская правда» (Магадан), «Советский Сахалин» (Южно-Сахалинск), в информационном пространстве региона возникли альтернативные универсальные газеты, ставшие реальными конкурентами первым. На пике популярности и повышенного интереса к печатной продукции в первой половине 1990-х гг. многие новые «демократические» издания смогли добиться больших объемов и регулярной периодичности выхода, превысив аналогичные показатели существующих областных и краевых изданий. Так, в обозначенные годы «Омский вестник» издавался тиражом от 44 до 71 тыс. экз. Тираж «Приамурских ведомостей» в 1991 г. составил 25 тыс. экз., «Тюменский известий» в 1992 г. – 35 тыс., «Новой Сибири» (Новосибирск) в 1996 г. – 50 тыс. экз. и т. п. [1, с. 169].

Помимо альтернативных независимых «газет влияния» в 1990-х гг. практически во всех крупнейших центрах Сибири и Дальнего Востока возникли собственные городские газеты. Как известно, в советское время позволить себе подобные издания – ежедневную «вечерку» – могли только отдельные города с численностью населения около и свыше 1 млн чел. В регионе к числу избранных относились: Новосибирск («Вечерний Новосибирск», с 1958 г.), Омск («Вечерний Омск», с 1979 г.), Красноярск («Вечерний Красноярск», с 1989 г.) и Владивосток («Вечерний Владивосток», с 1989 г.).

В 1990-е и 2000-е гг. многие региональные центры обзавелись своими «вечерками», либо «горожанками». Соответствующие издания выходили с различной периодичностью: «Кемерово» (с 1991 г., 9 тыс. экз., еженедельно); «Вечерний Барнаул» (с 1993 г., 12 тыс. экз.,

еженедельно); «Вечерний Томск» (с 2003 г., 24,2 тыс. экз., ежедневно, с приложением «Томский пенсионер», выпусками «Томский учитель», «Северский педагог», «Наукоград»; самостоятельными газетами «Вечерка» (выходит по средам) и «Вечерний Томск. Итоги» (в субботу)); «Городские новости» (газета городской администрации Красноярска, с 1994 г., 36,7 тыс. экз., 3 раза в неделю); «Иркутск» (с 2004 г., 15 тыс. экз., еженедельно) и «Иркутск официальный» (Администрация г. Иркутска, с 2004 г., 10 тыс. экз., еженедельно); «Хабаровские вести» (с 1997 г., 25 тыс. экз., 4 раза в неделю; с 2006 г. в субботу выходит «Хабаровск выходной»; раз в месяц публикуются приложения «Дальневосточная столица», «Бизнес в Хабаровске», «Хабаровск спортивный», «Голос поколения», «Вести – официально»); «Владивосток» (ведет свою историю с газеты «Вечерний Владивосток»; с 19 сентября 1990 г. издается под современным названием, ежедневно, 13–25 тыс. экз.; приложения начиная с 2004 г.: «Спорт», «КультУра», «Право автора», «Русские БЕЗ России», «Официально»); «Вечерка» (Чита, с 1999 г.). Отставая в периодичности, «горожанки» тем не менее смогли составить конкуренцию существующим влиятельным областным газетам как по тиражности, охвату территории, так и по степени популярности у читателей.

Мировой экономический кризис 2009 г. нарушил относительно стабильное функционирование многих городских газет, хотя позиции некоторых из них пошатнулись гораздо ранее. Сначала это выразилось в переходе с режима ежедневного издания в еженедельный. В 2004 г. еженедельником стала читинская «Вечерка», за ней последовали газеты «Иркутск», «Вечерний Омск», «Вечерний Барнаул» и др. Не выдержав мощной конкуренции либо потеряв финансовую поддержку, отдельные «горожанки» вынуждены были и вовсе закрыться, исчезнув с печатного медиа-рынка.

В первых числах ноября 2008 г. в Чите объявили о закрытии «Вечерки» – последней «кусачей газеты» (журналисты придерживались вынесенного в заголовок девиза «Газета бывает кусачей»). В начале 2011 г., просуществовав два десятка лет, закрылась еще одна «горожанка» – газета «Вечерний Красноярск». Причиной этого стало сложное финансовое положение редакции.

В конце февраля 2011 г. объявила о своем закрытии и первая городская газета Сибири – «Вечерний Новосибирск». Предпринимались попытки ее возрождения: спустя три месяца она вышла как еженедельник с обновленным редакторско-авторским составом и новым учредителем – ее бывшим основным конкурентом, редакцией газеты «Советская Сибирь». В результате после смены учредителей и руководства «вечерки», по мнению А.Л. Посадкова, в газетной среде Новосибирска «восторжествовал монополизм, в городе теперь не имеется других ежедневных изданий, кроме “старой” “газеты влияния”, да регионального выпуска “Комсомольской правды”» [1, с. 178].

Помимо городских «вечерок» реальную конкуренцию областным и городским газетам составляла еще одна категория универсальных газет – молодежные

издания, бывшие местные «комсомолки». Сменив учредителей, идейные позиции, принципиально обновив не только содержание, но и все компоненты издания: набор, оформление, верстку, периодичность, объем, эти газеты становятся особенно яркими в начале 1990-х гг., вызывая живейший интерес и ответную реакцию читателей.

До середины 1990-х гг. к числу наиболее влиятельных в регионе относились молодежные ежедневные газеты: «Молодость Сибири» (с 1920 г., 20 тыс. экз., Новосибирск), «Советская молодежь» (с 1924 г., 36 тыс. экз., Иркутск), «Комсомолец Кузбасса» (переименован в «Кузнецкий край», 60 тыс. экз., Кемерово), «Молодая гвардия» (с 1947 г., до 100 тыс. экз., Южно-Сахалинск) и выходившие несколько раз в неделю «Красноярский комсомолец» (с 1935 г., 25 тыс. экз., Красноярск), «Молодой дальневосточник» (с 1921 г., 30 558 экз., Хабаровск) и «Тихоокеанский комсомолец» (с 1932 г., 52 тыс. экз., Владивосток).

Но в следующем десятилетии ситуация изменилась кардинальным образом. Вслед за «горожанками» «вечерками» молодежная пресса снизила тиражность и периодичность выхода. Некоторые изменили характер содержания, манеру и формат подачи информации, внешний вид. В 1992 г. одним из первых «Тихоокеанский комсомолец» сменил название на «Тихий океан». Однако смена «Тихим океаном» тематической направленности и содержания не убергла газету от закрытия. В 1995 г. она прекратила свое существование. Между тем конкуренция между газетами одной типологической группы была достаточно острой, особенно в сегменте, рассчитанном на молодежную аудиторию. В частности, на Сахалине в 2005 г. тираж сетевого издания «Московский комсомолец на Сахалине» составлял 11 тыс. экз., тогда как у местного молодежного издания «Молодая гвардия» – лишь 1 370 экз. [2, с. 325]. Тем не менее «Молодая гвардия» сохранила свое влияние, и не только потому, что являлась одним из старейших молодежных областных периодических изданий. После перестройки она трансформировалась в общественно-политическую газету, вызывавшую у сахалинцев живейший интерес; к середине 1990-х гг. достигла рекордного для острова, да и региона в целом, тиража в 100 тыс. экз., обогнав «главную» газету области того времени – «Советский Сахалин». Но уже в начале первого десятилетия нового века областная молодежная газета была включена в качестве структурного подразделения в Издательский дом (ИД) «Губернские ведомости» наряду с другими областными «газетами влияния» «Советский Сахалин» и «Губернские новости». К 2005 г. «Молодая гвардия» перешла в разряд дотационных, ее учредителем стала Администрация Сахалинской области. Газета выходила один раз в неделю крайне низким тиражом, по-прежнему ориентируясь исключительно на молодежную аудиторию.

Однако, по мнению читателей, и такие трансформации газеты не успевали за стремительным течением времени. С каждым годом ее тираж реализовывался все труднее, «именно из-за неумения приспособиться

к тематическим запросам современности «МГ» была вынуждена исчезнуть с медиарынка Сахалина»¹.

Такого рода метаморфозы, как в случае с сахалинской «МГ»: резкий взлет – до рекордных тиражей, не менее резкое падение – почти до 1 тыс. экз., потеря «своего» читателя либо ориентация на более широкую возрастную аудиторию произошли со многими авторитетными областными молодежными изданиями. Это объяснялось известными причинами: объективными – неблагоприятной экономической конъюнктурой, превалированием нерыночных механизмов управления предприятиями газетно-издательского комплекса; субъективными – утратой прессой доверия, изменением отношения к институту чтения, особенно среди молодежи и многими другими, специфическими для того или иного региона фактами. Некоторые молодежные газеты, ослабившие либо утратившие прежнее влияние, либо терпевшие финансовые трудности, в числе первых прекратили свое существование уже с началом серьезных экономических испытаний. Так, в момент первых проявлений экономического кризиса осенью 2008 г. закрылись сразу две региональные молодежные газеты – «Красноярский комсомолец» и «Кузнецкий край».

Еще одна известная молодежная газета – новосибирская «Молодость Сибири» – претерпела целую серию реорганизаций, смену владельцев, имиджа, целевой аудитории, снижение тиража до 8 тыс. экз. и периодичности до одного раза в неделю. Наиболее сложным для этой газеты оказался 2004-й год, когда между бывшим и фактическим владельцем начались судебные тяжбы, стали ощущаться перебои в финансировании. Директор «Института развития прессы – Сибирь» В.П. Юкечев на тот момент ситуацию оценивал следующим образом: «с точки зрения бизнеса “Молодость Сибири” малопривлекательна – она не имеет внятной целевой аудитории. Поэтому, как мне кажется, бурные события вокруг нее могут быть связаны только с интересом к “Молодости Сибири” как к бренду, способному иметь политический ресурс. В “хороших” руках ее реально сделать влиятельной»². Став фактически информационным рупором местных властей, газета благополучно встретила свой 90-летний юбилей как региональный общественно-политический еженедельник. В начале нового века газета выходила в формате А3 тиражом 10 тыс. экз., имела Интернет-версию, выпуская онлайн-издания в полном объеме³. К этому времени «Молодость Сибири» не только выбыла из категории «газет влияния», но с трудом типологически могла быть отнесена к молодежной

прессе. Несмотря на принятые меры по поддержке и позиционированию газеты, в марте 2012 г. «Молодость Сибири» прекратила свое существование.

Иркутская газета «Советская молодежь», будучи когда-то флагманом областной журналистики, комсомольской газетой, в которой работали именитые мастера (В.Г. Распутин, А.В. Вампилов), в середине 1990-х гг. сделала вполне определенный выбор. Отвергнув молодежную ориентацию, в конечном итоге она превратилась в провинциальный таблоид, в котором помимо общественно значимых тем львиная доля печатной площади отводилась бульварной журналистике и развлекательным сюжетам [1, с. 177]. Причем «Советская молодежь» одной из первых среди комсомольских изданий еще в 1990 г. добилась независимости. В 1996 г. ее тираж составлял 36 тыс. экз., что свидетельствовало о доверии массового читателя. Однако под влиянием экономических трудностей руководство газеты решается на объединение в 1997 г. с другой независимой иркутской газетой «Номер один». Это событие стало местной сенсацией. Слишком уж разными были издания. «Номер один» – универсальный городской таблоид с определенным налетом «низкопробности» [3]. «Советская молодежь» – старейшее и авторитетнейшее молодежное издание с давними традициями [4, с. 78]. Результатом объединения стал выпуск новой газеты «СМ Номер один», свидетельствующий об изменении характера совместного издания.

Спустя десятилетие, к 2006 г., группа компаний «Номер один» превратилась в крупный медиа-холдинг с 3 млн дол. США годового оборота и двумя сотнями сотрудников, который издает газеты и журналы различной тематики в трех регионах Восточной Сибири. Пять иркутских газет холдинга достигли тиражей в 20–40 тыс. экз., среди них и универсальная массово-таблоидная газета «СМ Номер один» (тираж около 15 тыс. экз., территория распространения – Иркутская область) [3]. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в 2010 г., «СМ Номер один» заняла ведущие позиции в Иркутской области по рейтингу доверия к информации, опубликованной в газете, и по оценке качества газетных материалов самими читателями. Реальный охват читательской аудитории оценивался в 100–115 тыс.⁴

В целом типологический спектр региональных изданий усложнился, диверсифицировался в соответствии с велением времени и запросами жителей региона. Некоторые из газет сумели не только удержать читательскую аудиторию, но и в определенных случаях даже ее приумножить, изменив (сократив либо увеличив) в зависимости от обстоятельств формальные параметры печатного издания: периодичность (ежедневно, 2–3 раза в неделю, еженедельно), время выхода (утренние, дневные, вечерние), способ распространения (подписка, продажа, комбинированный) или тираж. Те

¹ Гринько А. История сахалинской газеты «Молодая гвардия», перспективы развития молодежной прессы на Сахалине // Tabula: открытый электронный журнал-конференция для творчески мыслящих студентов [Электронный ресурс]. URL: <http://tabula.snosakhgu.ru/17> (дата обращения 10.12.2011).

² Вечно бурлящая «Молодость Сибири» // Континент Сибирь [Электронный ресурс]. URL: <http://com.sibpress.ru/> (дата обращения 06.09.2004).

³ О газете // Молодость Сибири [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molsib.info/> (дата обращения 20.10.2011).

⁴ СМ Номер один // irkipedia.ru. Все о Прибайкалье: Ирkipedia – главная энциклопедия об Иркутске и Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/wiki/content/sm_nomer_odin (дата обращения 19.09.2011).

же издания, которые не смогли перестроиться, либо канули в лету, либо существуют за счет финансовых вливаний местных властей, финансово-промышленных групп и частного бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Посадков А.Л. «Газеты влияния» в постсоветском информационном пространстве Сибири и Дальнего Востока (90-е гг. XX – первое десятилетие XXI в.) // Книга в медиaprостранстве: Тр. ГПНТБ СО РАН / отв. ред. И.В. Лизунова. Новосибирск, 2011. Вып. 2. С. 167.

2. Сахалинская область // Атлас муниципальной прессы Российской Федерации. М., 2006. С. 320–322.

3. Симиенко В. Газета «Номер один». Уроки объединения желтоватого таблоида и областной молодежной газеты // Журналистика и медиарынок. 2006. № 2/3.

4. Войлошников Е., Жербанова О. Газета «Советская молодежь» и перестройка // Уроки демократии. Становление прав личности, свободы слова и гласности в Иркутской области. Иркутск, 2002. С. 78–80.

Статья поступила
в редакцию 20.04.2012

УДК 94(470)''17/19''(093)

О.Н. КАТИОНОВ¹, Р.Ю. СМАГИН², А.А. ВОРОНИНА³

РУКОПИСНЫЕ КАРТЫ СИБИРИ XVIII – НАЧАЛА XX в. В АРХИВАХ, МУЗЕЯХ И БИБЛИОТЕКАХ РОССИИ*

¹ д-р ист. наук
¹⁻³ Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: iigso@mail.ru

В статье характеризуется содержание картографических материалов Сибири, выявленных в архивах, музеях и библиотеках страны. Показано состояние их изученности, использование в исследовательских практиках и возможность доведения редких источников до массового читателя.

Ключевые слова: Сибирь, карты, архивы, музеи, библиотеки, сводный каталог рукописных карт Сибири.

Без выявленных картографических материалов трудно конкретизировать и представить государственную политику по освоению Сибири XVII – начала XX в. [1, с. 217–226]. В исследованиях А.Ю. Огурцова, Н.В. Горбаня, А.Ф. Палашенкова картографические источники нашли свое применение для реконструкции истории возведения и значимости Тоболо-Ишимской, Иртышской и Ново-Кузнецкой пограничных линий [2, с. 19–35; 3, с. 40–67; 4, с. 206–227; 5, с. 25–29].

Чаще всего чертежи, карты и атласы использовались в исторической литературе для получения вспомогательных сведений. А между тем, как справедливо отмечено в работе Е.Н. Коноваловой, «выявление старых карт, сопоставление заложенной в них информации свидетельствует о складывании картографической культуры в Западной Сибири со времени присоединения до 1917 г. и значительно расширяет понимание историко-культурных процессов» [6, с. 47]. Ее работа посвящена истории создания древних карт и атласов Тобольской губернии XVII–XVIII вв., являющихся неопределимым источником при изучении различных вопросов географии, истории, этнографии и сельского хозяйства не только губернии, но и Западной Сибири

в целом. Автор анализирует и дает описание разнообразным по типам и темам картографическим материалам, которые хранятся в региональных и центральных архивах, библиотеках и музеях (РГИА, РО БРАН, Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник).

Стоит отметить востребованность использования картографических материалов в современных крупных обобщающих атласах [7; 8; 9]. С одной стороны, карты, рисунки и чертежи исследователи оценивают как шедевры картографической науки, представляющие определенный этап в ее развитии. С другой стороны, эти материалы являются непосредственным источником для изучения исторических процессов конкретной территории и конкретной эпохи. В настоящее время ни одна исследовательская работа, связанная с историей путей сообщения, не обходится без анализа картографических материалов, обнаруженных авторами в архивах и библиотеках страны (С.К. Канн, А.Ю. Ижэндеев, М.А. Вивдыч, И.А. Агеев). Используемые ими материалы являются не только иллюстративными, они помогают проследить процессы планирования, строительства частей транспортных сооружений, указать выбранные или отвергнутые проектные планы.

Говоря о тематике исследовательских практик использования картографических материалов, нельзя не отметить изучение становления и развития в XIX в.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-11-54-004 а/Т (2011–2012 гг.)

военно-топографической службы России в целом и Сибири в частности. Профессиональные топографы, подводя итоги своей многолетней деятельности, писали статьи, носившие отчетный характер. Таковы работы Н.Д. Павлова, С.Т. Мирошниченко, Э.А. Коверского, Ю.А. Шмидта [10; 11; 12; 13]. В советский период при описании процесса становления общероссийской военно-топографической службы картографические источники привлекались как иллюстративный материал, не подвергавшийся тщательному количественному и качественному анализу [14; 15; 16]. Иной взгляд на значимость картографических источников для воссоздания процесса становления военно-топографической службы нашел отражение в трудах А.В. Постникова [17; 18]. В общих работах по истории российской военно-топографической службы В.В. Глушкова, А.А. Шаравина, Е.И. Долгова, С.В. Сергеева картографические материалы рассматриваются как чисто технические произведения, являвшиеся лишь повседневными инструментами в нелегкой службе военного топографа [19; 20; 21; 22].

В современной литературе получил развитие новый методологический подход к изучению карт как к источнику не только материальной, но и духовной культуры. Карта как текстовый или графический источник, с одной стороны, используется для реконструкции прошлого, а с другой стороны, сама является продуктом, формирующим определенные мысли, ощущения и представления людей той или иной эпохи. Картографические материалы позволяют произвести идентификацию человека с окружающим миром. Проблемы социокультурного содержания карты рассматриваются в рамках изучения ментального пространства в ту или иную историческую эпоху. На основе этих выводов и родилось понятие «ментальная карта» (*mental map, cognitive Landkarte*), которое было впервые введено Е.С. Толманом в 1948 г. и понимается как «созданное человеком изображение части окружающего пространства, отражающее мир так, как его себе представляет человек, и может не быть верной» [23, с. 5]. В этом контексте Л. Вульф, Г.Ч. Гусейнов, Ф.Б. Шенк используют картографические источники для реконструкции в конкретный исторический период политических, экономических, национальных и различных социокультурных процессов той или иной территории [23; 24; 25].

Авторским коллективом из Новосибирского государственного педагогического университета создается база данных картографических материалов Урала, Сибири и Дальнего Востока, хранящихся в архивах и библиотеках России. Работа над ней началась в 1990-е гг., когда создавался указатель литературы по истории старой сибирской карты [26]. Группа исследователей, интересующихся этой темой, получила поддержку в виде грантов РГНФ (2007–2009 и 2011–2012 гг.) и грантов администрации Новосибирской области. Предварительные итоги поисков карт были опубликованы в статьях, двух выпусках материалов к сводному каталогу рукописных карт Сибири XVIII – начала XX в. [27]. В настоящее время база данных картографических материалов продолжает пополняться за счет включения

в нее печатных карт и вновь выявленных рукописных материалов. К концу 2012 г. планируется завершить в основном работу по выявлению рукописных карт Сибири и приступить к составлению окончательного варианта сводного каталога рукописных карт Сибири до 1917 г. Естественно, что не все рукописные материалы удастся к этому времени выявить и описать. Но в целом общее представление о местах хранения карт уже имеется, и поиск в заданном направлении будет продолжен.

За прошедшие годы нами выявлены сотни разных по содержанию и географическому размещению карт. Картографические коллекции в столичных городах более массивны, так как картосоставители со всех регионов страны обязаны были их предоставлять по отраслевому или ведомственному принципу. Например, военные или обзорные карты оставались в военных архивах, а часть карт морского содержания шла в морское архивное ведомство и т.д. Именно ведомственная принадлежность оказалась наиболее успешной с точки зрения сохранения картографического материала. Накопление карт вне ведомственной принадлежности осуществлялось стихийно и бессистемно.

В основу систематизации картографических материалов при их каталогизации нами положены территориальный и хронологический подходы. С этой целью пришлось обратить внимание на административно-территориальную историю Сибири, что оказалось непростым делом. Так, административное деление мелких административных единиц в различные периоды (их появление и исчезновение, границы и их изменение, переименование) значительно усложняет работу по составлению каталога.

В основу классификации картографического материала при его каталогизации был положен и тематический подход. В первую очередь систематизации подверглись карты, имевшие общероссийское значение с обозначением на них Сибири в целом, т.е. карты Российской империи, а также карты регионов и административных единиц Урала, Сибири и Дальнего Востока

Выявление картографических материалов производилось в отделе картографических изданий Российской государственной библиотеки. В ходе проведенных изысканий выявлено 60 рукописных карт Сибири и Урала XVIII – начала XX в. (из них описано 22). В фондах данного отдела обнаружен значительный объем печатных картографических изданий XVIII – начала XX в., отображающих территории Урала и Сибири. Примерное количество печатных карт составляет 1000 единиц. Научное описание и анализ данных материалов возможны в процессе последующих исследований, связанных с созданием каталога печатных картографических материалов Урала и Сибири.

Выявленные и описанные материалы представляют собой весьма разнообразную и богатую коллекцию рукописных картографических материалов Урала и Сибири. Изучаемые карты различны не только по времени создания, но и по тематике (экономические, хозяйственные, исторические, географические, военные), технике исполнения, авторскому стилю и т.д.

В Государственном историческом музее (Москва) выявлена папка «Сибирь», в которой хранится около 50 печатных европейских общегеографических карт XVII–XIX вв., на которых отображена территория Сибири. Обработаны все каталожные ящики на предмет выявления рукописных карт Сибири. Описано восемь рукописных карт Сибири XVIII – начала XX вв., выявленных в картографическом отделе. Таким образом, всего описано 23 рукописные карты Сибири.

В результате работы в Государственном архиве г. Тобольска в августе 2011 г. было выявлено 185 карт XVIII–XIX вв. Западной Сибири (Тобольской губернии, ее уездов, округов и волостей). В основном это отчетные землеустроительные и межевые карты, но имеются и рыбопромысловые, административные карты, карты дач рудников, рек и др. Полное библиографическое описание составлено на 41 карту: 34 рукописных и семь печатных.

Крупная коллекция картографических материалов имеется в Российском государственном архиве Военно-Морского флота. В основном они посвящены морским и речным системам, маршрутам путешествий, береговым линиям. Значительное количество карт содержит сведения о территории Урала, Сибири и Дальнего Востока. Выявлено более 500 карт, составлено научное описание 16 рукописных и 28 печатных карт.

В Российском государственном историческом архиве хранится уникальная коллекция картографических материалов, включающая рукописные и печатные карты Урала, Сибири и Дальнего Востока. Особо ценные и интересные в научном плане и разнообразные по тематике карты содержатся в нескольких фондах. В фонде № 1293 «Техническо-строительный комитет Министерства Внутренних Дел (дела за период 1776–1917 гг.)» представлены генеральные карты сибирских губерний начала XIX в. В фонде № 485 «Планы и чертежи Министерства Императорского Двора (коллекция)» собраны картографические материалы по истории горной промышленности и золотодобычи на территории Сибири. Особо стоит отметить обнаруженный в фонде № 485 атлас «Планов крепостей и форпостов между реками Бухтармой и Иртышем, 1765 года», представляющий собой уникальный комплекс картографических и текстовых документов по истории строительства Кольванской и Кузнецкой линии пограничных укреплений. Атлас состоит из 85 листов (3 листа представляют собой сводные карты пограничных территорий в районе рек Иртыша и Бухтармы), собранных в кожаном переплете. Научное описание этого атласа планируется включить в сводную базу карт в 2012 г.

Как отмечалось, исследователями выявлены в центральных и региональных архивохранилищах крупнейшие фонды, содержащие карты, чертежи и схемы крепостей, форпостов и редутов сибирских линий. Например, С.Р. Муратовой в Российском государственном военно-историческом архиве в фонде 418, описи 1 «Планы и профили крепостей и редутов» (карты расположения укрепленных линий, чертежи и планы крепостей, форпостов и редутов) обнаружены две карты. «Карта южной части Сибирской губернии,

части уездов Кузнецкого, Томского и Тарского, с указанием расположения крепостей, форпостов и редутов по пограничным линиям», подписанная в 1765 г. генералом Шпрингером, и «Карта линий укреплений, проходящих с юга на север от Усть-Каменогорской крепости до г. Кузнецка, построенной для защиты от набегов бухарцев и монгольцев». Картографический материал позволяет вместе с описаниями объектов составить весьма полное представление о Сибирских линиях XVIII в., «выявить разницу между планами и реализованными проектами» [28, с. 15]. Но архивы еще хранят свои тайны. Например, Российский государственный исторический архив в фонде 485 «Планы и чертежи Министерства Императорского Двора» содержит любопытный рукописный картографический источник, составленный в 1765 г., – «Планы крепостей и форпостов между реками Бухтармой и Иртышем»¹. В исторической литературе отсутствуют упоминания об этих «Планах», хотя в листке использования «Планов» стоят подписи исследователей, начиная с 1970-х гг. Исследуя этот уникальный сборник карт, чертежей и планов, можно ответить на ряд вопросов, связанных с постройкой и эксплуатацией укрепленных сооружений Иртышской и Кольвано-Кузнецкой пограничных линий.

Вполне логичным представляется использование картографических материалов, посвященных аграрному сектору. Анализ отчетных карт и планов, составлявшихся на протяжении нескольких веков, позволяет исследователям делать выводы не на предположениях, а опираясь на фактический материал, говорить о какой-либо тенденции. При изучении, к примеру, особенностей землепользования, аграрной политики, переселенческих процессов в регионе, применение информации, указанной на межевых, землеустроительных и иных картах, позволяет не только иллюстрировать утверждения, но и непосредственно извлекать фактические данные из самой карты. Важно отметить, что большинство карт XVIII – начала XX в. имеют экспликацию – вспомогательные тексты либо таблицы, где указывалось в зависимости от назначения карты количество земель, число жителей сел и деревень, качество земель, характер угодий, количество заготовленных для переселения участков, расстояние между станциями, история городов и проч.

Например, на Алтае анализ межевых карт позволяет более четко определить характер деятельности межевых служащих. Один из приоритетных и чаще встречаемых видов работ – выделение участков земель под оброчные статьи и лесных участков. Не менее значимым было разграничение спорных территорий и установление межевых границ и знаков. Этот процесс очень подробно отражен на межевых планах. Так «План спорному месту Алтайской волости деревни Петропавловской с форпостом Антоньевским Бийского уезда с обозначением граней»² позволяет определить участников процесса: автора работы, чертежника, освидетельствовавшего план и заверившего его.

¹ РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 477.

² ГААК. Ф. 50. Оп. 4. Д. 703. Л. 1.

Большой интерес представляют отчетные карты сибирских поземельно-устроительных партий и отрядов, которые содержат информацию о месте проведения землеотводных действий, штате землеустроительных организаций и объеме выполненных работ. Типичной является «Общая отчетная карта части Западной Сибири о межевых действиях чинов Сибирского казенных земель межевания, Министерства Государственных Имуществ, произведенных в 1836 по 1860 год, по Тобольской и Томской губерниям, в округах: Тобольском, Тюменском, Курганском, Туринском, Ялуторовском, Тарском, Ишимском, Омском, Каинском, Томском и Мариинском, в течение лета 1859 года»³. В ней содержатся сведения о нарезанных к указанному времени земельных участках и экспликация с указанием количества снятого пространства по волостям, округам и губерниям.

Использование широкого круга картографических материалов позволяет сегодня исследователям не только отвечать на вопросы, возникающие при анализе других видов письменных и графических источников, но и ставить новые, позволяющие более полно воспроизвести суть политических, социально-экономических и культурных процессов, происходивших в прошлом. Картографические материалы используются в значительно более широком контексте, чем это было принято лет десять назад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катюнов О.Н. Картографическое сопровождение государственной политики по освоению Сибири в XVII – начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII–XX века: сб. матер. регион. науч. конф. Новосибирск, 2007.
2. Огурцов А.Ю. Иртышская пограничная линия // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3.
3. Огурцов А.Ю. Кузнецкая линия // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2007. Вып. 9.
4. Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири // Вопр. географии. М., 1953. Сб. 31.
5. Палашенков А.Ф. Планы Омской крепости 1722 и 1755 гг. // Изв. Омск. отд. Геогр. о-ва СССР. Вып. 3 (10).
6. Коновалова Е.Н. Атласы Тобольской губернии XIX в. // Геодезия и картография. 2006. № 7.
7. Сибирь: Атлас Азиатской России. М.; Новосибирск, 2007.
8. Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас Алтайского края. Барнаул, 2006.
9. Атлас Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ханты-Мансийск; М. 2006. Т. 1.
10. Павлов Н.Д. Краткий очерк топографических, геодезических, астрономических, картографических и сейсмических работ в Западной Сибири // Изв. ЗСО ИРГО. Омск, 1915. Т. 3, вып. 1–2.
11. Мирошниченко С.Т. Астрономические определения, произведенные в Западной Сибири с 1869 по 1878 гг. // Записки ВТО. СПб., 1883. Ч. 38.
12. Коверский Э.А. Объяснительная записка к отчетным картам астрономических, геодезических и топографических работ, произведенных в России // Записки ВТО. СПб., 1893. Ч. 51.
13. Шмидт Ю.А. Определение астрономических пунктов в Ачинско-Минусинском горном округе в 1902 году // Записки ВТУ. СПб., 1905. Ч. 61.
14. Новокшианова-Соколовская З.К. Картографические и геодезические работы в России в XIX – нач. XX вв. М., 1967.
15. Папковский П.П. Из истории геодезии, топографии и картографии в России. М., 1983.
16. Шибанов Ф.А. Очерки по истории отечественной картографии. Л., 1971.
17. Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989.
18. Постников А.В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.). Роль историко-географических исследований и картографирования: монография в документах. М., 2007.
19. Глушков В.В. [и др.]. На карте Генерального штаба – Маньчжурия. М., 2000.
20. Глушков В.В. Корпус военных топографов российской армии в годы Первой мировой войны. М., 1999.
21. Глушков В.В. История военной картографии в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007.
22. Сергеев С.В. [и др.]. Военные топографы русской армии. М., 2001.
23. Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. 2001. № 4.
24. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
25. Гусейнов Г.Ч. Карта нашей родины: идеология между словом и телом. М., 2005. 214 с.
26. История научно-картографического изучения Сибири и Дальнего Востока XVII – начало XX в.: библиогр. указ. лит. (вторая пол. XVII в. – 1995 г.) / авт.-сост. О.Н. Катюнов. Новосибирск, 1998.
27. Материалы к сводному каталогу рукописных карт Сибири XVII–XIX вв. (итоги предварительного исследования) / под ред. О.Н. Катюнова. Новосибирск, 2007. 93 с.; Ч. 2., 2009. 94 с.
28. Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири: строительство Сибирских укрепленных линий. Тобольск, 2007.

Статья поступила
в редакцию 15.04.2012

³ ГА в г. Тобольске. Ф. И. 154. Оп. 13. Д. 80. Л. 1.

УДК 069

Н.Н. ПОКРОВСКИЙ

**НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СИБИРСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)**

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: pokrov@li.ru

Традиционные формы музейной коммуникации не способны сегодня удовлетворить возросшие требования посетительской аудитории. Необходимы новые, необычные способы организации экспозиционно-выставочного пространства, новые концепции взаимодействия и мотивационных ситуаций. Музей завтрашнего дня – не просто хранилище овеществленной культуры, он должен стать любимым местом проведения досуга населения. В настоящей статье обобщена теоретическая и практическая деятельность по организации Музея науки и техники СО РАН. Обобщение сделано в виде перспективной научной концепции применительно к создаваемому в Новосибирске музею политехнического типа.

Ключевые слова: музееведение, история науки и техники, культура, культурное наследие, воспитание молодежи, просвещение.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕХНИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ

Очевидно, что музеи могут сыграть заметную роль при решении задач повышения привлекательности тех или иных территорий как площадок для различного рода инвестиций, способствующих развитию и процветанию этих территорий. Но традиционные формы музейной коммуникации не способны сегодня удовлетворить возросшие требования посетителей. Необходимы новые, необычные способы организации экспозиционно-выставочного пространства, новые концепции взаимодействия и мотивационных ситуаций. Музей завтрашнего дня – не просто хранилище овеществленной культуры, он должен стать любимым местом проведения досуга населения. Необходимо создать «моду» на посещение музеев и выставок аналогично тому, как в настоящее время появилась «мода» на приобщение к театральной и концертной жизни. Музеи находятся в самом начале такого процесса своей социализации. Их востребованность непосредственно связана с выдвиганием на первый план рекреативной функции. Задача музейных работников – использовать потребность человека в культурном, активном отдыхе для формирования соответствующего стереотипа его поведения. Необходимо выработать инстинкт получения человеком удовольствия не только от удовлетворения его базовых потребностей, предоставляемых увеселительными, псевдоспортивными и торговыми структурами, но и от интеллектуальной деятельности. В отличие от всевозможных жанровых стилизаций (тематических парков, кафе, ресторанов и т. д.), имитирующих ту или иную среду бытования, музейная коммуникация должна отличаться достоверностью, опираться на научно-исторический подход. Кроме того, она обязана нести и серьезную информационную нагрузку.

Как уже отмечалось, решить поставленные задачи можно только с помощью особых методов

представления материала, основанных на активном участии посетителей в процессе познания. Одним из таких методов может быть представление музейной коммуникации как игры. Игровые методы широко применяются в медико-биологических, математических и иных исследованиях. Известны методики игрового обучения. Но учебный процесс в школе и вузе требует весьма значительных интеллектуальных и волевых усилий личности. Игра, на наш взгляд, не может быть надежной опорой в таких ситуациях, поскольку удовольствие от игрового момента блокируется необходимостью безусловного получения определенного, заранее заданного результата. Ведь интеллектуальные усилия, связанные с процессом познания, как правило, приносят удовольствие опосредованно, а именно своим результатом, проявляющимся впоследствии. Чтобы личность получала удовольствие от самого процесса познания, необходима интеллектуальная «прививка», формирование соответствующих привычек и рефлексов. В этом случае поможет музей, став своеобразным промежуточным звеном между развлекательными и учебными структурами. Кратко метод можно описать так: История + Игра + Творчество = Созидательная личность. Каждая из этих составляющих объединяется в своеобразный треугольник, перетекает одна в другую. Именно музей с его спецификой и возможностями способен в игровой форме научить людей получать удовольствие от творчества. Таким музеем и должен стать Сибирский политехнический музей (далее Музей).

ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ

1. Создание в г. Новосибирске места для такого активного досуга населения, который совмещал бы рекреативную и познавательную функции.

2. Повышение привлекательности г. Новосибирска как для его гостей так и инвесторов.

3. Содействие формированию кадрового резерва технического, естественнонаучного и гуманитарного профиля для науки, высокотехнологического производства и инновационного бизнеса путем осуществления «интеллектуальной прививки» побуждения молодежи к творчеству.

4. Создание методической базы для музеев технического профиля.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В середине 1990-х гг. по заданию Научного совета по музеям СО РАН в Институте истории СО РАН была начата собирательская работа с целью определения возможности создания музея историко-технической тематики. Сбор материала проводился тогда без строгой системы. На данном этапе ставилась задача определиться с принципиальной возможностью взаимодействия между музеем и держателями музейных предметов (институтами, конструкторскими бюро, частными лицами) по «некоммерческой», безденежной схеме, так как специальных средств на закупку, доставку и реставрацию музейных предметов не предусматривалось.

На основе собранного материала и при финансовой поддержке РГНФ в Музее истории СО РАН (в настоящее время – Музей СО РАН) была устроена «Выставка новых поступлений», которая, помимо коммуникативной функции, должна была выполнять функцию привлечения внимания общественности к вопросам сохранения наследия нашей технической культуры [1, с. 122] и вместе с тем пополнить фонды вновь создаваемого музея. В ее рамках проводились различные мероприятия, встречи, совещания. Наиболее активные дарители на одной из таких встреч в качестве морального поощрения были отмечены почетными грамотами Президиума СО РАН. Кроме того, на этикетках экспонатов указывались имена людей, сохранивших и передавших тот или иной предмет в дар будущему музею.

Все это послужило отправным моментом для более детального изучения возможности создания Музея. Так в 1997 г. Президиумом СО РАН¹ была образована Комиссия по инвентаризации предметов музейного значения. В нее вошли известные ученые, инженеры, представители научной общественности. На этом этапе перед участниками проекта возник новый комплекс задач, требующий иного подхода. Теперь уже необходимо было целенаправленно собирать материал, что без проработки теоретических основ, определения главных направлений воплощение замысла представлялось весьма затруднительным. С учетом предыдущего опыта была разработана научная концепция Музея, составлена примерная программа комплектования фонда, предложены критерии отбора материалов, некоторые другие мероприятия, что позволило поднять собирательскую работу на качественно новый уровень [2,

с. 80]. Согласно критериям отбора, рекомендованным Государственным политехническим музеем, были взяты на учет все встречавшиеся технические памятники с первой половины XX в. без ограничения, независимо от их тематического соответствия проблематике музея [3, с. 13].

Другим центром собирательской работы в конце 1990-х гг. стал Автомоботоклуб НГЦТУ «Юниор»², где была создана лаборатория по реставрации старинной автотехники. Ее сотрудники, а также примкнувшие к ним энтузиасты из общественной организации «Ретротехника» вели активную собирательскую, реставрационную и экспозиционно-выставочную деятельность, участвуя в смотрах и парадах старинной автотехники, привлекая внимание руководства и общественности к проблеме сохранения памяти о нашей технической культуре.

В 2000 г. эти центры собирательской деятельности объединили свои усилия и дальнейшую работу по созданию музея стали вести совместно. Тематика их интересов стала расширяться, включая в себя предметы бытовой техники, осветительные приборы, технику связи и т. д. Тогда-то и появилась идея создания музея политехнического типа, отражающего не только автомобильную или научную тематику.

Апробировать новые способы музейной коммуникации стало возможным только с начала 2006 г., когда для создаваемого Музея науки и техники СО РАН (как стал называться этот проект) Президиум СО РАН выделил помещение площадью около 150 м². А в 2010 г. музей получил и документальное оформление³. Обобщенный опыт по созданию Музея науки и техники СО РАН и представлен в настоящей статье.

ФУНКЦИИ МУЗЕЯ И СПОСОБЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

1. Функция документирования исторического процесса развития науки и техники.

1.1. Главная социальная функция музея – документирование – реализуется через создание и постоянное пополнение музейного собрания.

1.2. Музейное собрание формируется в результате проведения собирательской работы, осуществляемой музеем в соответствии с концепцией научного комплектования музейного собрания.

1.3. Музейное собрание состоит из фондов и экспозиционного комплекса.

2. Коммуникативная функция.

2.1. На основе научных концепций музей создает систему стационарных и сменных экспозиций, выставок, посвященных истории науки, техники и производства, а также актуальным проблемам развития научно-технического прогресса.

2.2. Ведет картотеки и создает базы данных с научным описанием музейного собрания и иной информацией, используемой при различных научно-исторических изысканиях, проводимых музеем, другими учреждениями, организациями и частными лицами.

¹ Постановление Президиума СО РАН «О состоянии и перспективах развития музеев СО РАН» № 62 от 03.03.97 и распоряжение Президиума СО РАН «О создании комиссии по инвентаризации предметов музейного значения» № 15000 - 54 от 18.03.97. Текущий архив Музея науки и техники СО РАН.

² В настоящее время – ГБОУ ДОД НСО «Автомоботцентр»

³ Приказ по ИИ СО РАН № 100-122 от 05.09.2010 г. Текущий архив отдела кадров ИИ СО РАН

2.3. Представляет музей и информацию о музейном собрании в локальной сети музея и в сети Internet.

2.4. Организует открытое хранение фондов.

3. Просветительская и образовательная функции.

3.1. На основе экспозиций, выставок и других публикаций, лекториев, курсов с широким привлечением научной общественности, с использованием технических средств музей проводит широкую пропаганду истории отечественной науки и техники, задач ускорения научно-технического прогресса, ведет научно-просветительскую работу, ориентированную на широкие слои населения и направленную на формирование у них научного мировоззрения, непрерывное образование, профориентацию, повышение квалификации и т.д.

4. Рекреативная функция.

4.1. С использованием имеющихся в музее средств музейной коммуникации организует полезный и интересный досуг населения.

5. Функция методического центра для музеев технического профиля.

6. Функция осуществления культурных связей с зарубежными музеями и участия в работе соответствующих международных организаций.

СОСТАВ МУЗЕЯ

1. Научно-фондовая группа:

1.1. Отдел учета музейного фонда;

1.2. Отдел хранения музейного фонда (собственно музейный фонд);

1.3. Отдел научных исследований и научно-фондовой работы;

1.4. Отдел реставрации и консервации музейного собрания.

2. Экспозиционно-выставочный комплекс:

2.1. Основная (постоянная) экспозиция;

2.2. Временная экспозиция (сменная выставка работ воспитанников лабораторий Отдела технического творчества (см. п. 4 настоящего документа);

2.3. Выставка (сменная) самодеятельного научно-технического творчества, а также работ победителей и участников конкурсов научно-технического творчества (преимущественно молодежи)

3. Научно-просветительский отдел:

3.1. Сектор лекционной работы;

3.2. Эксплораториум (занимательная наука);

3.3. Сектор симуляторов (имитаторов) и абонемной работы (ряд демонстрационных лабораторий и научно-производственных участков, симулирующих посредством ролевых игр те или иные реальные научные и производственные структуры, где производится «погружение» посетителей в соответствующую искусственно воссозданную предметно-пространственную среду).

4. Отдел технического творчества:

4.1. Ретролаборатория (кружок по освоению навыков обращения с музейными предметами, их изучению и реставрации, а также проектированию и изготовлению музейных макетов и учебных пособий);

4.2. Лаборатория робототехники;

4.3. Нанолaborатория.

5. Производственный отдел (разработка и изготовление сувенирной продукции, макетов и учебных пособий).

6. Отдел маркетинга и рекламы:

6.1. Сектор маркетинга и рекламы;

6.2. Редакционно-издательский сектор с типографией.

7. Историко-техническая библиотека.

8. Кафе.

9. Магазин.

10. Актные залы.

ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ НАУЧНОГО КОМПЛЕКТОВАНИЯ МУЗЕЙНОГО СОБРАНИЯ

Музейное собрание документирует историческое развитие отечественной науки, техники и производства. В него включаются и зарубежные памятники, представляющие значительную научно-техническую ценность, а также другие памятники, связанные с историей науки и техники в нашей стране и за рубежом. Собрание Музея не ограничивается какими-либо конкретными временными рамками и охватывает период от момента становления науки и техники до настоящего времени.

В Музее целесообразна трехступенчатая схема выявления объекта документирования. На первом этапе объекты документирования классифицируются по направлениям: «Наука», «Энергетика», «Транспорт» «Информационные технологии», «Материалы, технологии их получения и обработки». В рамках направлений происходит дальнейшая детализация по разделам.

1. Наука:

1.1. Механико-математические науки;

1.2. Физико-технические науки;

1.3. Науки о жизни;

1.4. Науки о Земле;

1.5. Общественные науки;

1.6. Прикладные исследования.

2. Энергетика:

2.1. Источники энергии;

2.2. Теплоэнергетика;

2.3. Электроэнергетика.

3. Транспорт:

3.1. Водный;

3.2. Железнодорожный;

3.3. Воздушный;

3.4. Наземный безрельсовый.

4. Информационные технологии:

4.1. Электроника, радио и связь;

4.2. Кино- фототехника;

4.3. Вычислительная техника;

4.4. Простейшие информационные технологии.

5. Материалы, технологии их получения и обработки:

5.1. Металлургия;

5.2. Химия;

5.3. Машиностроение;

5.4. Материалообработка.

Каждый раздел, в свою очередь, может быть представлен одной или несколькими темами. Так, в разделе «Наземный безрельсовый транспорт» могут

разрабатываться такие темы, как «Зарубежные автомобили», «Автомобили Страны Советов», «Мотоциклы, велосипеды и мопеды» и т. д. Таким образом, концептуальная основа деятельности музея реализуется как трехуровневая система, характеризующаяся принципом «от общего к частному», повторяя опыт других заведений подобного рода.

Музейное собрание формируется из вещевых, письменных, фото-, аудио- и видеисточников. К ним относятся:

- оригинальные научные разработки (комплексы, установки, стенды, приборы, отдельные узлы и блоки, программные продукты);
- серийные приборы для научных исследований, наиболее характерные для того или иного временного отрезка, применявшиеся в тех или иных разработках, принадлежавшие тем или иным деятелям науки;
- образцы сырья, изделий, иллюстрирующих возможности научных технологий;
- модели и макеты;
- книги, техническая документация, свидетельства, акты, фотографии;
- личные вещи, принадлежавшие известным ученым;
- сопутствующие предметы, отражающие среду бытования [3, с. 6].

В составе фонда формируются дублетный и обменный фонды.

ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ЭКСПОЗИЦИОННОЙ РАБОТЫ

Система экспозиций должна базироваться на имеющемся собрании музейных предметов с учетом перспективной программы его комплектования и может включать основную (постоянную) экспозицию, выставочную экспозицию и экспозицию систематических коллекций.

При построении экспозиций может использоваться как комплексно-тематический, так и ансамблевый методы, воссоздающие среду бытования предметов. Внутри разделов соблюдается хронологический принцип представления материала. Вся основная экспозиция делится на пять комплексов в соответствии с направлениями комплектования фонда музея.

1. **Наука.** Из всех природных ресурсов самый важный ресурс – человеческий интеллект. Организованный в систему научных знаний, он позволяет прогнозировать результат планируемых действий и развивать технику.

2. **Освоение материалов.** Весь окружающий человека мир состоит из тех или иных материалов. История развития способов их получения, обработки и использования – это история борьбы человека за выживание.

3. **Энергетика.** Освоение энергии солнца, ветра, воды, а затем и недр земли, атома позволили человеку занять определяющее положение в биосфере Земли.

4. **Транспорт.** Современная цивилизация невозможна без интенсивного перемещения в пространстве объектов материального мира, обеспечиваемого синтезом различных видов систем и технических средств.

5. **Информационные технологии.** Информация всегда играла решающую роль во взаимоотношениях между людьми, а также при решении всех научно-технических, бытовых и иных задач.

Основной особенностью научной концепции экспозиционного комплекса музея должна стать попытка реализации идеи «живой» экспозиции, максимально наполненной действующими музейными предметами, имеющими по сравнению с предметами созерцательного ряда большую аттрактивность. В совокупности с широким использованием ансамблевого метода построения экспозиции это позволит на документальной основе наиболее полно воссоздать подлинную среду бытования музейных предметов, оказывая на посетителей значительное эмоциональное воздействие. Многие экспонаты можно потрогать и испытать в действии, почувствовав себя физиком-исследователем или математиком-программистом недавнего прошлого, на собственном опыте познавая законы той или иной науки. Однако, в отличие от распространенных сегодня в мире «эксплораториумов» подобного типа, базирующихся на основе искусственно созданных демонстрационных установок (Чикагский музей науки и промышленности, музейно-технический комплекс в Хайфу и др.), наш способ интерактивной музейной коммуникации предусматривает привлечение в основном подлинных памятников истории материальной культуры, делая такое виртуальное «путешествие» во времени более убедительным, максимально наполняя его ощущением реальности.

Учитывая сказанное, кажется целесообразным, чтобы территория музея была представлена как пространственная карта г. Новосибирска. При этом музей должен размещаться в нескольких отдельно стоящих павильонах, имеющих индивидуальный дизайн по разделам и темам, представленным в них. Все павильоны (три-пять) могут быть соединены наземными галереями или надземными переходами. Например, раздел «Наука» – в павильоне в районе Академгородка, раздел «Энергетика» – на месте Новосибирской ГЭС, «Автотранспорт» – на месте планировавшегося после Великой Отечественной войны Новосибирского автомобильного завода, «Железнодорожный транспорт» – на месте и в стиле современного вокзала и т. д. Весь музейный комплекс можно охватить мини-аторной железной дорогой или микроавтомобильными поездами (как это было, например, на ВДНХ СССР). Таким образом, следуя приведенным в данной статье рекомендациям, представляется возможным превращение Музея науки и техники СО РАН в культурно-образовательный и развлекательный семейный центр регионального значения, главной целью которого является интеллектуальный досуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Покровский Н.Н. Приборы и техника научного эксперимента // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 2.
2. Покровский Н.Н. Научная концепция Музея науки и техники // Гуманитарный ежегодник. Новосибирск, 2001. Вып. 2.
3. Григорян Г.Г., Иванова Т.С. и др. Методические рекомендации по комплектованию фондов. М., 1992.

Статья поступила
в редакцию 12.03.2012

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 94(470)047/048

С.К. ИШМУЛКИН

ТЮМЕНСКИЙ ГОРОДНИЧИЙ ГРИГОРИЙ ДАВЫДОВ УТКА (ХРОНИКА ОДНОЙ СИБИРСКОЙ СЛУЖИЛОЙ КАРЬЕРЫ XVII в.)

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: ishmulkins@yandex.ru

В статье на материале сибирской биографии ссыльного дворового человека прослеживаются возможности для его карьерного роста в российском обществе второй половины XVII в. – в системе управления колонизируемого края.

Ключевые слова: Сибирь, XVII в., приказная система, город, пашенные крестьяне.

Биографии служилых людей представляют особый интерес для историков, изучающих феодальную Сибирь. Представители войска были, пожалуй, самыми активными из массовых действующих лиц сибирского региона в XVII в., в перипетиях их частных карьер как в фокусе отражались едва ли не все составляющие жизни местного общества. Жизнеописанию одного из них и посвящается настоящая статья.

Начало сибирской карьеры Григория Утки, как и многих других служилых людей, не было добровольным. 24 февраля 1665 г. его, дворового человека благовещенского протопопа, попавшегося в воровстве, отослали с женой и малолетней дочерью из Земского приказа в Сибирский со стандартным вердиктом: «велено ево сослать в Сибирь в ссылку». В Сибирском приказе конкретизировали их дальнейшую судьбу без привычной волокиты. Уже 8 марта того же года вся семья была выслана в Тюмень; ее главу было велено определить в пешие казаки¹. Еще до осени 1665 г. «протопопов человек» в компании двух задворных конюхов благополучно прибыл к месту ссылки и был немедленно поверстан в стандартный оклад рядового пешего казака (4,25 руб., 6,5 четверти ржи, 4 четверти овса, 2 пуда соли)².

Несколько лет новоиспеченный сибиряк осматривался на новом месте, заводил необходимые связи, дожидаясь случая упрочить свое положение. Такая возможность представилась в 1670/71 г. Один из тю-

менских городничих, Дмитрий Гурьев, тяжело заболел, «нога отвалилась прочь».

Заручившись челобитной «тюменских градских людей», Утка направился в Тобольск, где добился своего назначения на пост городничего вместо недееспособного Гурьева³. Кадровая ротация была произведена не без выгоды для казны: содержание Г. Утки, заступившего на должность городничего со своим прежним казачьим окладом, было значительно ниже жалованья его предшественника⁴.

Должностные обязанности городничих, вакансии которых имелись в течение XVII в. в наиболее крупных сибирских городах, заключались в наблюдении за состоянием, ремонтом и возведением казенных зданий в пределах городской черты; иногда к этому добавлялись полицейские функции – поддержание порядка внутри города и пресечение корчемства.

Новый городничий быстро наладил деловые связи с тюменской администрацией. Сразу же за поверстанием в городничие Г. Утка привлекается к ряду ответственных административных поручений, при выполнении которых ему удалось отличиться.

В 1671/72 и 1672/73 гг. Утка дважды выезжал «к Руси», закупал в Устюге, Вологде и Соли Камской запасы «для новых селидеб всяким людем на ссуду, на церковные потребы», приобрел около 100 пуд. хмеля на общую сумму в 1 437 руб.⁵ Обе поездки он

¹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 340. Л. 390, 392.

² Там же. Кн. 475. Л. 305–306.

³ Там же. Стб. 340. Л. 391, 393, 525.

⁴ Там же. Л. 395.

⁵ Там же. Кн. 1255. Л. 76; Стб. 340. Л. 389–390, 394, 525, 529–530.

совершил, по его собственным уверениям, с большой выгодой для казны и, видимо, с не меньшей для себя лично⁶.

В том же 1672/73 г. и в следующем 1673/74 г. Григорий Утка был занят и на фискальном фронте, «збирал в Тюменском уезде по всем деревням в казну великого государя с тюменских посацких людей и с пашенных и оброчных крестьян изо всяких людей, и с промышленных и з гулящих людей денежные годовые оброки»⁷.

На этом поприще Григорий сполна проявил характерную для него служебную расторопность. По подсчетам самого сборщика, за два года он отыскал в Тюменском уезде и включил в тягло 17 захребетников, 50 оброчных крестьян, 8 кузниц и 8 или 9 (здесь Утка путался сам) мельниц. Итогом его изысканий стало увеличение тюменского годового оклада на 152 р. 62 к.⁸

Такое блестящее начинание не помогло, однако, Г. Утке предотвратить в 1674/75 г. возвращения к своим прежним обязанностям городничего активизировавшегося Д. Гурьева. Согласно тюменской разборной книге 1669/70–1678/79 гг., в этом и двух последующих годах Утка не получал денежное жалование, «потому что он, Григорей, не служил, а служил Митька Гуров»⁹. Официально отлученный от должности, Г. Утка, видимо, продолжал исполнять прежние обязанности; во всяком случае, хлебное и соляное жалование выплачивалось ему и в эти годы¹⁰. Он, очевидно, пришел к мысли о необходимости как-то упрочить свое положение. Прежде всего Григорий подготавливает почву для личного появления в столице, добиваясь отмены статуса ссыльного¹¹.

С прибытием 5 февраля 1677 г. в Тюмень царской грамоты с формальным прощением Утке прежних вин руки последнего были развязаны. Выпросить столичную командировку для Григория, давно установившего необходимые контакты в тюменской приказной избе, оказалось делом несложным. Осенью того же года он уже в Москве, подробно перечисляет «прибыли», учиненные им для государя и вновь доносит до руководства Сибирского приказа сведения о недееспособности Д. Гурьева¹².

5 октября 1677 г. думный дьяк Аверкий Кирилов, предваряя приказную выписку, подписал на обороте челобитной резолюцию, удовлетворяющую прошение¹³. Результаты выписки, основанные на сведениях, которые представлены челобитчиком в документах (наказных памятх и платежных отписях) и его собственноручных показаниях «по святей Христове евангельской непорочной заповеди», легли в основу ноябрьского решения главы Сибирского приказа боярина Р.М. Стрешнева, оставившего в силе резолюцию дьяка¹⁴. Еще два месяца приказной волокиты, и 6 января 1678 г. на имя тюменского воеводы М.М. Квашнина, наконец, была подготовлена грамота, полностью соответствовавшая ожиданиям Г. Утки¹⁵.

В 1680-е гг. Г. Утка продолжал свою карьеру в качестве городничего: «был... у строенья тюменской приказной избы и на городском месте после пожара был в наряде у новые соборные церкви, и у острогов, и у анбаров»¹⁶. В этот период его обязанности расширяются: «семь лет беспеременно» он служит «объезжим для выимки не явленных питей», осуществив 185 «выимов», и «у раскольников в приставех»¹⁷.

Положение Г. Утки в это время очень прочное. Его денежное и хлебное жалование было повышено до 7 руб. и 14 четвертей ржи и овса¹⁸. Григорий, без сомнения, пользуется устойчивой поддержкой работников местной приказной избы. Его послужной список в тюменской разборной книге 1669/70–1678/79 гг. является одним из самых развернутых, а административные службы представлены в самом выгодном свете¹⁹. Не позднее 1693/94 г. Г. Утке удалось пристроить в приказную избу подьячим своего племянника²⁰.

В начале 1690-х гг. Утка задумывается о новом назначении. 30 декабря 1691 г. он повторно прибывает в столицу и появляется в Сибирском приказе с очередной челобитной. Его цель – должность приказчика тюменских пашенных крестьян, которую занимал тогда сын боярский Яков Воинов²¹. 14 января следующего года выписку по данному вопросу слушал судья Сибирского приказа боярин кн. И.Б. Репнин (в 1670–1673 гг. – тобольский воевода). Подробно перечисленные в выписке финансовые заслуги Г. Утки, началу карьерному росту которого положил в свое время кадровое распоряжение именно Репнина, произвели на последнего благоприятное впечатление. Ходатайство городничего было уважено. Еще через девять дней в Тюмень была отправлена грамота, сооб-

⁶ Служебные командировки в Европейскую Россию считались одними из наиболее доходных административных поручений у представителей войска. Предприимчивые служилые люди пользовались этими поездками для переброски в Сибирь русских товаров, вина, меда и табака, которыми после с большой прибылью расторгивались. Посылка «к Руси» являлась предметом острой борьбы и добывалась, как правило, посредством взятки или какой-то услуги воеводе. См., напр.: Там же. Стб. 211. Л. 208; Стб. 357. Л. 226–227.

⁷ Там же. Кн. 1255. Л. 76; Стб. 340. Л. 389–390, 394, 530.

⁸ Там же. Стб. 340. Л. 389–390, 525.

⁹ Судя по дальнейшим шагам Г. Утки, Д. Гурьев воспользовался отсутствием у соперника государевой грамоты, подтверждающей его назначение.

¹⁰ Там же. Кн. 1255. Л. 76 об.

¹¹ Ссылных было категорически запрещено посылать с людьми поручениями в столицу.

¹² Там же. Стб. 340. Л. 389–390.

¹³ Там же. Л. 389 об.

¹⁴ Там же. Л. 391–396.

¹⁵ Там же. Л. 396–397.

¹⁶ Там же. Л. 530–531.

¹⁷ Там же. Л. 526. В августе 1683 г. он заделывает подкоп из городской тюрьмы, прорытый двумя раскольниками. – ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. С. 12.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1255. Л. 76.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Кн. 1132. Л. 97, 232–232 об.; Кн. 1130. Л. 367 об.

²¹ Там же. Стб. 340. Л. 525–526, 526 об., 527.

щающая воеводе и подьячему с приписью имя нового приказчика пашенных крестьян²².

Подобно его предшественникам, Григорию Утке поручалось обеспечить обработку крестьянами десятинной пашни «без недопашки», прибирать новых тяглов и следить за тем, чтобы старые не сдавали тягло гуляющим людям и не сбежали. К этому времени должность приказчика пашенных крестьян в Сибири приобрела черты бессрочного поручения, так как перестала оплачиваться отдельной ставкой. Занимавший это место служилый человек получал свой прежний оклад. Г. Утка, в частности, сохранил за собой содержание и самый пост городничего, продолжая выполнять обязанности последнего²³.

На сей раз удача недолго улыбалась Григорию Утке. Его последнее назначение было открытым нарушением сложившейся к тому времени традиции, в соответствии с которой должность приказчика пашенных крестьян занимали почти исключительно дети боярские. Вдобавок, оказавшись на посту приказчика, Григорий Утка, чье денежное жалованье выплачивалось с огромными недодачами²⁴, начал целеустремленно поправлять свое финансовое положение за счет тюменских пашенных крестьян. Их реакция не заставила себя ждать: на приказчика была подана челобитная «в налогов и в обидах».

Не дремали и конкуренты. 1 января 1696 г. прибывший в столицу «с государевыми делами» тюменский сын боярский Федор Опрокиднев поставил в известность руководство Сибирского приказа о своем намерении вступить на должность приказчика пашенных крестьян Тюмени. Претензии к нынешнему приказчику сводились к двум пунктам: первое – «преж сего... у крестьян были в прикащиках дети боярские, а не присыльные люди», и второе – наличие «великой жалобы» на Утку со стороны пашенной общины²⁵.

Показания «у выписки» оказавшихся под рукой тюменских служилых (четыре детей боярских и конного казака), охотно подтвердивших информацию претендента («на него, де, Григорья, от пашенных крестьян в налогах и в обидах на Тюмени в приказной избе челобитье есть»), решили судьбу Г. Утки. Тот же кн. И.Б. Репнин с товарищами «приказали ему Федору

быть на Тюмени в пашенных крестьян в прикащиках на Григорьеве месте Утки с тем же ево окладом, а Григорью быть по-прежнему в городничих, и дать ему Федору великого государя грамоту»²⁶.

Энергичная натура Утки не смирилась с вердиктом. Очень скоро отставленный приказчик принимает контрмеры. Неясно, в каком качестве, но в течение ближайшего года он появляется в Москве с целым ворохом обвинений в адрес Ф. Опрокиднева. Новый приказчик «пьет и бражничает, и в твоих Великого государя делах раденья не имеет, и пашенных крестьян изгоняет, и от дела, у которого ему быть велено, отгуливает, и живет непрестанно в деревне своей». На этот раз Сибирский приказ переадресовал решение вопроса местной администрации, постановив осуществить выбор в пользу одного из двух претендентов по итогам общетюменского сыска²⁷. Сыск, однако, не понадобился. По дороге из Москвы на Верхотурье Григорий Утка умер. 9 июня 1697 г. на его место городничим был поверстан его племянник, подьячий тюменской приказной избы Иван Юрьев²⁸.

Заключительным аккордом, подводившим черту под многолетней карьерой Григория Давыдова Утки, стала отписка тюменских властей, из которой в Сибирском приказе стало известно о смерти городничего и отсутствии каких-либо оснований для снятия с должности приказчика Ф. Опрокиднева²⁹.

Как и тысячи других, заброшенный не своей волей в Сибирь, ссыльный дворовый человек сумел не потеряться на новой родине благодаря своей предприимчивости, упорству и возможностям, открывавшимся в мобильном сибирском обществе. Его наказание (сибирская ссылка) удивительным образом предоставило ему и стартовые условия для дальнейшей карьеры – личную свободу и официальный статус «государева человека». А дальше бывший крепостной Г. Утка продемонстрировал, чего способен добиться за счет личной выслуги неглупый, инициативный и не слишком разборчивый человек на восточной окраине Русского государства в XVII в., повторив судьбу многих других таких же вольных или невольных мигрантов «с Руси» «за Камень».

*Статья поступила
в редакцию 19.04.2012*

²² Там же. Л. 527–535.

²³ См., напр.: Там же. Кн. 1174. Л. 16 а – 16 а об.

²⁴ В 1692/93–1694/95 гг. Г. Утке не выплатили около 45 % из причитающегося ему денежного жалованья. – Там же. Кн. 1130. Л. 368.

²⁵ Там же. Стб. 340. Л. 449.

²⁶ Там же. Л. 449–455.

²⁷ Там же. Стб. 1312. Л. 330–331.

²⁸ Там же. Кн. 1132. Л. 95 об. – 96, 232–232 об.

²⁹ Там же. Стб. 1312. Л. 330–331.

УДК 93/94

В.Н. ХУДЯКОВ

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1960–1980-х гг.
ОБ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.**

д-р ист. наук
Омский государственный
педагогический университет
e-mail: vnh_ist@mail.ru

Статья посвящена истории советской исторической науки. Ключевое содержание составляют дискуссии 1960–1980-х гг. среди сибирских историков о сущности аграрной политики правительства в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Основным источником для создания статьи послужили работы сибиреведов об аграрном строе и аграрной политике. Выявлены спорные интерпретации роли аграрной политики, показаны достижения историков этого периода и ограниченность их воззрений, вызванная идеологической детерминированностью их методологии.

Ключевые слова: сибирская историография, аграрная политика правительства в Сибири, аграрные реформы.

Исследование аграрной политики правительства в Сибири второй половины XIX – начала XX в. в отечественной историографии имеет длительную сложную историю. Изучение этой проблемы носило прерывистый характер. В отдельные моменты она привлекала активное внимание исследователей – к примеру, в 1890-е гг. – первые десятилетия XX в. После долгого забвения она в 1980-х гг. вышла на передний план советского сибиреведения. И, наконец, в начале XXI в. вновь актуализировалась сибирскими исследователями. Для каждого из периодов характерны свои основные причины обращения к правительственной аграрной политике. В первом случае это было связано с подготовкой и проведением землеустроительных реформ в Сибири и острой дискуссией в правительственных кругах о судьбах сибирского землевладения. В советской историографии аграрная политика рассматривалась как важнейший фактор развития или сдерживания капиталистических отношений в сибирской деревне. И, наконец, в начале XXI в. она стала исследоваться в значительной степени в русле изучения имперской политики по отношению к сибирскому населению.

Данная статья посвящена исследованию аграрной политики в советской историографии 1960–1980-х гг. Цель автора заключается в том, чтобы выяснить, как эволюционировала концепция аграрной политики в Сибири, а также определить общее и особенное в интерпретации этой политики региональными историками.

Историографии аграрной политики посвящены отдельные статьи [1], историографические очерки в монографиях [2, с. 5–263; 3, с. 6–34; 4; 5], а также отдельные замечания в обобщающих историографических обзорах [6, с. 192–193, 195].

Сложность исследования истории изучения интересующей нас темы определяется тем, что во многих работах не существовало четкого определения самого предмета – аграрной политики. Иногда она исследовалась вкупе с правительственным курсом Центра по отношению к Сибири вообще, а некоторые считали ее частью переселенческой политики. С их точки зрения, отличной от переселенческой, самостоятельной аграрной политики не проводилось, поскольку именно необходимость развития колонизации и переселения жестко детерминировала аграрные реформы в Сибири.

По мнению большинства историков, аграрная политика представляла собой воздействие аппарата публичной власти не только на характер социальных отношений в аграрном строе (землевладении, землепользовании, системе хозяйства, налоговой структуре), но и на юридико-политическое состояние сельского населения – сословный строй, различные формы юридического и политического принуждения. Такое понимание предмета привело к тому, что историки советской эпохи разделились по данному вопросу на два направления.

Представители первого направления – И.Н. Новиков [7], Л.М. Горюшкин [8], В.Н. Худяков [2], М.Т. Когут [1], И.В. Островский [3] и другие, всячески подчеркивая неразрывное единство аграрного вопроса в центре страны и аграрной политики на окраинах, выявляли причины запоздалости аграрных преобразований в Сибири по сравнению с Европейской Россией, отмечали различия между целями и результатами аграрных реформ, обращали внимание на борьбу группировок в правящем лагере вокруг реформ, на характер земельной собственности сибирских крестьян, на размеры ренты.

Второе направление было представлено А.П. Бородавкиным [9], Л.Г. Сухотиной [10], Т.П. Прудниковой [11], А.Т. Топчим [5; 12], Г.П. Жидковым [4]. Они, анализируя аграрную политику, центр своих научных изысканий переносили на юридические и политические аспекты: юридическую неопределенность земельной собственности Сибири, сословную неполноправность сибирского крестьянства, остатки крепостничества в управлении крестьянами, средневековую систему налогообложения. Выводы их в значительной степени базировались на анализе аграрной политики правительства на землях Кабинета (в основном Алтайского и Нерчинский округов), где до реформы 1861 г. существовали особые социальные порядки и собственность короны переплеталась с государственной. Наблюдалось стремление привязать аграрные и административные мероприятия царизма в Сибири к содержанию реформы 1861 г. и попытки доказать, что аграрные преобразования в Сибири – это распространение на Сибирь крестьянских реформ 1861 и 1866 гг. Основной фактический материал и содержание аграрной политики укладывались в хронологические рамки XIX в., анализ завершался землеустроительными реформами 1896 и 1898 гг. Исключением стала работа Г.П. Жидкова, в которой анализ влияния реформ был доведен до 1917 г.

Поскольку основное внимание историков изучаемого периода сосредоточивалось на социально-экономическом развитии сибирской деревни, на уровнях развития капитализма и сохранения феодально-крепостнических пережитков, а отсюда на предпосылках Октябрьской революции [13], постольку в названных направлениях наблюдались существенные расхождения в оценке целей и результатов аграрной политики. Точку зрения представителей второго направления четко выразила Л.Г. Сухотина, которая писала, что в основе аграрной политики царизма лежало стремление законсервировать в Сибири полуфеодальные порядки в землевладении и землеустройстве. Эти порядки позволяли правительству по собственному произволу использовать земельные пространства Сибири [10, с. 67, 73]. Ее точку зрения в той или иной степени разделяли А.П. Бородавкин, А.Т. Топчий.

Большинство же историков (Л.М. Горюшкин, А.А. Храмов [14], В.Н. Худяков, И.В. Островский) отрицали наличие четко оформленной целенаправленной программы, жесткую взаимозависимость между реформами 1861–1866 гг. и аграрными преобразованиями в Сибири. Конечно, отдельные наработки вышеуказанных реформ использовались, например, при подготовке землеустроительных законов 1896 и 1898 гг., но в целом аграрные преобразования в Сибири означали реализацию новой аграрной программы.

Хотя аграрный курс самодержавного правительства включал элементы половинчатости, бессистемности и сохранял значительные пережитки старых феодальных отношений, он все-таки являлся уступкой капиталистическому развитию сибирской деревни второй половины XIX – начала XX в., содержал черты новых буржуазных отношений и способствовал модернизации сибирского сельского хозяйства. Исто-

рики второго направления сходились во мнении, что в 1860–1890-е гг., до начала разработки землеустроительных законов, у правительства вообще не было сколько-нибудь внятной программы. Более-менее целенаправленная аграрная политика стала разрабатываться с началом массового переселенческого движения, со строительством Транссибирской железной дороги и перемещением центра внешнеполитической ориентации на Дальний Восток.

Характерно, что имперские интересы, имперские амбиции (которым так много внимания уделяют современные историки) в 1960–1980-х гг. исследователями аграрной политики игнорировались. В качестве определяющего направления сущности, форм и методов аграрной политики они признавали переселенческий фактор и рассуждали о подчиненности ему аграрной политики Сибири. В свою очередь, переселенческий фактор зависел от аграрного кризиса в центре страны. При этом, как правило, приводилось высказывание В.И. Ленина о том, что «колониционный процесс в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны» [15, с. 70].

Имелись и другие спорные вопросы. Назовем их.

Что являлось базой изучаемой аграрной политики: социально-экономические процессы, происходившие в центре страны, потребности помещичьего землевладения в Европейской России, фискальные интересы казны, аграрное перенаселение в этом регионе или аграрные проблемы Сибири, сибирские «нужды»? Анализ литературы показывает, что большинство историков склонялось к мнению о преобладающем влиянии нужд обремененного феодально-крепостническими пережитками Центра на формирование аграрной политики в Сибири. Однако существовала и иная точка зрения. Так, Т.П. Прудникова отмечала, что «определяющее влияние на земельную политику казны и Кабинета в начале пореформенного периода оказывали сложившиеся в западносибирской деревне аграрные отношения» [16, с. 147]. А.П. Бородавкин писал о необходимости поиска самостоятельного регионального кризиса феодально-крепостнической системы, определившего необходимость аграрных реформ в Сибири.

Каков был характер аграрной политики царизма в Сибири в целом и отдельных правительственных акций? Большинство историков поддерживало тезис о крепостническом содержании аграрного курса царизма, но по-разному оценивало удельный вес буржуазных элементов. А.П. Бородавкин [9; 17], Л.Ф. Скляров [18], В.А. Степынин [19], Л.Г. Сухотина, А.Т. Топчий подчеркивали, прежде всего, крепостнические черты в аграрных преобразованиях. Л.М. Горюшкин [20], Г.П. Жидков, В.А. Степынин, В.Г. Тюкавкин [21; 22] считали, что в большинстве реформ в большей или меньшей степени содержались уступки буржуазному развитию сибирской деревни.

Какой оставалась степень сохранности феодально-крепостнических пережитков в сибирской деревне, характера земельной собственности и ренты. Л.Ф. Скляров, Л.Г. Сухотина утверждали, что ответственность государства на землю существенно не отли-

чалась от помещиц. Эта собственность определяла систему производственных отношений, и поскольку юридически она не изменилась вплоть до 1917 г., постольку система государственного феодализма сохранилась в Сибири до Февральской революции.

Л.М. Горюшкин, В.Г. Тюкавкин, Э.М. Шагин [23] и другие ученые, опираясь на исследование социально-экономических процессов в сибирской деревне, разделяли цели самодержавия и результаты проведения политики. Они показали, что в процессе капиталистического развития существенному изменению подверглись и собственность государства на землю, и характер ренты. Аграрная политика царизма консервировала не систему государственного феодализма, а лишь отдельные ее пережитки. «Попытки царского правительства, – писал Л.М. Горюшкин, – укрепить и расширить остатки феодализма, в конечном счете, опрокидывались всем ходом экономического развития и революционной борьбой трудящихся масс. В сибирской деревне возрастал удельный вес не феодальных, а капиталистических отношений» [20, с. 311].

Однако по данному вопросу следует отметить и общее во взглядах всех историков: признание того, что одной из важнейших задач правительства являлась унификация социального и юридического состояния крестьян европейской части России и Сибири.

Влияло ли отсутствие частной собственности крестьян на землю негативно на развитие капитализма в Сибири? Л.Ф. Склярлов положительно ответил на этот вопрос: «Капиталистическое сельское хозяйство Сибири, основанное на частной земельной собственности, при отсутствии помещичьего землевладения, очень скоро обогнало бы в своем развитии хозяйство помещиков Европейской России» [18, с. 344]. В.Г. Тюкавкин, напротив, утверждал, что отсутствие частной собственности на землю способствовало развитию капитализма. Несколько неожиданную точку зрения обосновала Т.П. Прудникова: она отвергала как основу капиталистического развития в Сибири и частную собственность на землю, и захватное землепользование, полагала наиболее прогрессивной формой землевладения – общинную, передельную [24, с. 227–228].

Причины запоздалости аграрных преобразований в Сибири. А.П. Бородавкин, Л.Ф. Склярлов, Л.Г. Сухотина видели их в более глубоких и широких, чем в Центре страны, пережитках феодализма в Сибири. В.А. Степнянин объяснял поздние сроки реформ общим курсом аграрной политики царизма, поскольку самодержавие обратило внимание на Сибирь лишь в конце XIX в. Л.М. Горюшкин и В.Г. Тюкавкин объясняли это тем, что в 1880-х гг. капитализм утверждается в Европейской России и начинается процесс его развития вширь, а это повлекло за собой активизацию аграрной политики царизма в Сибири лишь в рассматриваемое время. Кроме того, аграрные противоречия в Сибири обнажились позже, чем в центре страны.

Остановимся на результатах, достигнутых сибирской историографией. Работы советских историков 1960–1980-х гг., посвященные аграрной политике правительства конца XIX – начала XX в., обогатили историю сибиреведения. В научный оборот было введено

огромное количество источников [25], большинство из которых составляли законодательные акты, материалы официального делопроизводства (журналы заседаний высших и центральных органов власти Российской империи, пояснительные записки различных ведомств и отдельных чиновников, в том числе и сибирских, включая всеподданнейшие доклады, многочисленные отчеты, «обзоры», исторические обзоры), мемуары – дневники и воспоминания А.А. Половцева, С.Ю. Витте, П.А. Валуева и других, а также материалы периодической печати. На их основе была выявлена борьба правящей элиты вокруг содержания аграрной политики царизма и ее социальной направленности.

В работах указанного периода впервые оказались четко разграничены два основных направления правительственной крестьянской политики в Сибири: аграрное, ориентированное на регулирование общественных порядков в сибирской деревне, и переселенческое, имеющее целью переселение крестьян из европейской части России и колонизацию окраин Российской империи. Была прослежена эволюция политики правительства по отношению и к сибирским земельным просторам, и к населявшим их жителям: от оценки Сибири как резерва для реализации будущих аграрных и геополитических задач к активной законодательной, политической, административной деятельности, в том числе в аграрной сфере.

На таком солидном материале были изучены следующие направления аграрной политики: землеустроительная, налоговая, использование казенно-оборочного хозяйства, попытки насаждения помещичьего землевладения. Исследователи дали сравнительную характеристику социальных последствий политики, ее результативности для различных категорий крестьянства, определили главное звено аграрной программы царизма – землеустроительные законы и землеустроительные работы.

Было выявлено наличие значительного разрыва между юридическими нормами крестьянского землевладения и землепользования, устанавливаемыми аграрным законодательством, и фактическими земельными порядками в Сибири. Раскрыты серьезные расхождения среди правящей элиты, между центральными и сибирскими чиновниками, между различными ведомствами, каждое из которых понимало по-своему государственный интерес, формировало свои позиции также с учетом личных отношений. Выводы, сделанные исследователями по названным проблемам, не потеряли научного значения до сих пор.

К существенному недостатку научных исследований изучаемого периода можно отнести односторонность источниковой базы. В работах недостаточно полно использовались, а иногда и вообще не были использованы труды экспертов (в том числе и ссыльных), так или иначе участвовавших в разработке аграрных законов для Сибири, и их критиков – представителей общественности, публицистов, путешественников, военных специалистов. Поэтому исследователи в ряде случаев прошли мимо богатейших материалов из отчетов путешественников, газетных и журнальных статей, личной переписки. В дальнейшем эти материалы бу-

дуг широко использоваться при изучении сибирских сюжетов в рамках других подходов – империологии, имагологии, социальной истории и т. д. Их привлечение для возобновления изучения аграрной политики на современном этапе развития исторической науки стало бы весьма продуктивным.

Искусственное сужение предмета исследования, жесткая идеологическая заданность содержания и выводов исторических работ марксистским редуционизмом сводили программные установки и цели, формы, методы, результаты аграрной политики царизма в русло социально-экономической истории России, ограничивали рамки известной формационной триады «феодализм – капитализм – социализм». Это в значительной степени обедняло исследования, заставляло историков излагать концепции в виде кочующих из работы в работу штампов.

В трудах 1960–1980-х гг. преобладала критическая направленность в оценке практически всех аграрных преобразований в Сибири конца XIX – начала XX в. Каждое мероприятие самодержавия оценивалось как создание очередной предпосылки для революции в сибирской деревне. Поэтому при изучении землеустройства в центре внимания историков были факты изъятия земли у старожильского населения и другие мероприятия, создававшие почву для земельных конфликтов. При анализе лесной политики основное внимание уделялось ограничению пользования лесами крестьян и целых общин, замалчивались лесоустроительные и лесосберегающие акции государства. Фактически отрицалось культурное и хозяйственное влияние казенных сельскохозяйственных предприятий на модернизацию крестьянского хозяйства Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козут М.Т. Советские историки о землеустроительной политике царизма в Сибири // Историография аграрной истории дореволюционной России. Калининград, 1982. С. 69–82.
2. Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986.
3. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма. Новосибирск, 1991.
4. Жидков Г.П. Кабинетное землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973.
5. Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.). Томск, 1979.
6. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.
7. Новиков И.Н. Земельные отношения в Сибири в пореформенный период (60–90-е гг.) // Крестьянство России периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1978. С. 49–63.
8. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.
9. Бородавкин А.П. Крестьянская реформа 1861 г. в Западной Сибири (некоторые итоги и задачи изучения) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 8. С. 25–38.
10. Сухотина Л.Г. Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. (по материалам Томской губ.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 61–73.
11. Прудникова Т.П. Подготовка землеустроительного законодательства для Западной Сибири (60–90-е гг. XIX в.). Новосибирск, 1967.
12. Топчий А.Т. Крестьянская реформа на государственных землях Западной Сибири. Томск, 1976.
13. Худяков В.Н. Становление сибирской исторической науки: дискуссии 1950–1970-х гг. об аграрном строе сибирской деревни второй половины XIX – начала XX в. // Вестн. Ом. гос. ун-та. 2012. № 1. С. 122–128.
14. Храмов А.А. К вопросу об итогах поземельно-устроительной реформы в Сибири (1896–1916 гг.) // Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 52–67.
15. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 17. С. 57–137.
16. Прудникова Т.П. Земельная политика казны и Кабинета в Западной Сибири в 60–90-х гг. XIX в. // Сибирь периода капитализма: материалы по истории Сибири. Новосибирск, 1967. Вып. 3. С. 146–156.
17. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.
18. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.
19. Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.
20. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.
21. Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
22. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября: (к вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966.
23. Щагин Э.М. Правовое положение и социальная мобильность крестьянства колонизируемых восточных окраин России в конце XIX – начале XX в. // Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии. М., 1980. Ч. 1. С. 91–95.
24. Прудникова Т.П. Влияние идей уравнительности на общинные порядки пореформенной западносибирской деревни (60–90-е гг. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 199–228.
25. Худяков В.Н. Источники для изучения аграрной политики царизма в Сибири в пореформенный период // Аграрная политика царизма в Сибири. Омск, 1989. С. 48–61.

Статья поступила
в редакцию 12.04.2012

УДК 94(57)+314.46

Е.И. КРАСИЛЬНИКОВА

**КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ ОКТЯБРЬСКИХ ТОРЖЕСТВ
В ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ГОРОДАХ 1920-х гг.**

канд. ист. наук
Новосибирский государственный
технический университет
e-mail: katrina97@yandex.ru

В статье рассматриваются коммеморативные особенности празднования годовщин Октябрьской революции в административных центрах Западной Сибири 1920-х гг. Автор выявляет исторические корни октябрьских праздничных практик, характеризует их значение для репрезентации определенных форм коллективной памяти и выражения политической солидарности. Прослеживается 10-летняя историческая эволюция коммеморативной составляющей торжеств в Новосибирске, Томске, Омске и Барнауле.

Ключевые слова: октябрьские торжества, коммеморация, политика памяти, места памяти, городские праздники.

Советские массовые праздники 1920–1930-х гг. все чаще становятся объектом внимания как отечественных, так и зарубежных ученых [1; 2; и др.]. В частности, предметом исследования немецкого историка М. Ральфа стало идеологическое и культурное значение советских праздников для общества. Он попытался показать контекстуальную и эстетическую взаимосвязь торжеств 1920–1930-х гг. (в том числе проходивших в Новосибирске) с российскими праздниками имперского периода, советскими праздниками послевоенного времени, а также с торжествами тоталитарных Германии и Италии. Однако тема советских праздников и их смысла может быть рассмотрена и под другим углом зрения. По нашему мнению, продуктивные результаты могут дать выявление и интерпретация коммеморативной составляющей массовых торжеств.

Коммеморация – это сознательный акт передачи мировоззренчески значимой информации о прошлом путем увековечения определенных лиц и событий [3, с. 1]. В сценариях советских официальных праздников 1920-х гг. коммеморации использовались прежде всего для определенных репрезентаций коллективной памяти и выражения политической солидарности. Однако смысл октябрьских торжеств и выражающие его практики заметно менялись под влиянием политики государства и социально-экономических условий в стране. Цель настоящей статьи – охарактеризовать коммеморативные особенности октябрьских торжеств 1920-х гг. в основных административных центрах Западной Сибири – Новосибирске, Томске, Омске и Барнауле.

Еще до Октябрьской революции в городах Российской империи сложился стереотип празднования «высокторожественных и викториальных дней»: военный парад, крестный ход, торжественная литургия или молебен, торжественное заседание городской думы, собрания в клубах, народные чтения и бесплатные те-

атральные постановки на исторические, политические и религиозные темы. В 1920-е гг. преемственность с имперским периодом в организации праздников сохранилась. Октябрьские торжества также предполагали военный парад, демонстрация заменила крестный ход, митинг – молебен. Кроме того, проводились торжественные заседания администрации города и различных учреждений, устраивались бесплатные зрелища. Каждый структурный элемент праздника и до, и после революции актуализировал коллективную память, укреплял идентичность социально-политических групп, расширял их границы.

В начале 1920-х гг. официальный нарратив Октябрьской революции и Гражданской войны только складывался, перед партийными отделами агитации и пропаганды встала непростая задача формирования и трансляции в массы советской версии революционных событий в столице и на местах. Но революционные события еще жили в социальной памяти различных групп городского населения, имевших на эти события собственный взгляд. Представители власти должны были обобщить, унифицировать и дополнить живую память горожан элементами, которых не хватало для построения логичной и относительно полной картины революции в данном регионе. Грубое навязывание обществу придуманной версии революции могло обернуться ее неприятием. Поэтому власть не только прямолинейно излагала в печати и на массовых собраниях собственное видение революции, но и стремилась активно использовать участие очевидцев событий 1917 г. в формировании официального «октябрьского» нарратива, который должен был стать основой коллективной памяти сибиряков.

Так, уже 6 ноября в городских клубах, на предприятиях, в советских учреждениях и учреждениях культуры устраивались массовые вечера воспоминаний. Такие мероприятия в обязательном порядке орга-

низовывались во всех губернских и уездных городах Сибири¹. Их организация опиралась на традиционную практику дореволюционных праздничных тематических народных чтений в гимназиях, библиотеках и клубах. До революции также существовала традиция записи и широкого распространения с идеологическими целями воспоминаний участников и героев войн. Политическая роль подобных практик усилилась в 1920-е гг. Официально цель таких вечеров состояла в изложении «правдивой» версии революционных событий их очевидцами для фиксации истории революции «по горячим следам». Докладчики, представлявшие свои воспоминания на этих вечерах, позиционировались как свидетели и участники величайших событий мировой истории, обладатели практически сакрального знания и опыта. Казалось бы, уникальные и сугубо индивидуальные воспоминания на самом деле предварительно тщательно обрабатывались организаторами октябрьских торжеств. Видимо, докладчики не сомневались в правомерности такого метода «проработки памяти» в деталях, ведь в целом они доверяли представителям власти и опытным организаторам выступлений, «помогавшим» им построить речь. Такие рассказы, будучи транслированы в массы, расширяли коллективную память собравшихся за счет сюжетов, полезных для легитимации власти большевиков, укрепления революционной идентичности и привлечения в партию новых членов.

Важно то, что уже в начале 1920-х гг. на вечерах, посвященных революционным воспоминаниям, звучали и рассказы о «первой советской власти» в Сибири, о «колчаковщине» и ее свержении. Обсуждение этих тем на «октябрьских» вечерах было необходимо для формирования массовых унифицированных представлений о результатах революции, ее значении и цене победы революционных идеалов. Темы и программы докладов планировались заранее. Выступая, мемуаристы использовали выверенные пропагандистами доклады. Иногда организаторы вечера заранее решали не допускать того, чтобы участники этих мероприятий начинали «делиться воспоминаниями» (не согласованными заранее)². Несомненно, «в кулуарах» революционеры и подпольщики свободно говорили о пережитом. Но такие беседы не становились достоянием массового слушателя, который приобщался к революционному опыту героев через публично озвученные, но не совсем достоверные воспоминания. Обычно организаторы вечеров сами выступали с краткими обобщающими докладами о причинах революции, ее завоеваниях, всемирном значении и т. п. Эта информация должна была формировать у масс вполне определенные оценки и заполнять лакуны в коллективной памяти, которая без «проработки» неизбежно оставалась бы противоречивой, фрагментарной и нелогичной.

В начале 1920-х гг., когда «октторжества» еще не приобрели застывший, официально-формализованный

вид, вечера воспоминаний проходили в обстановке, накаленной эмоциями: здесь было место и восхищению, и гневу, и слезам³. Завершались вечера концертами с исполнением революционных песен, декламацией революционной литературной прозы и стихов, демонстрацией живых картин («отдельные моменты жизни Красной армии, капитала и труда и т. п.»⁴). К концу вечера эмоциональный накал достигал апогея, в восприятии участников вечера происходило смешение личных воспоминаний с воспоминаниями других выступавших и официальной трактовкой событий, художественного и документального, вымышленного и пережитого. Беспартийных участников вечеров изначально привлекал именно этот момент⁵. Воспоминания воспринимались собравшимися, включая рассказчика и организаторов вечера, на веру, а значит, без особых препятствий соединялись с бытовавшей живой коллективной памятью, вытесняя ее отдельные, идущие вразрез с официальным нарративом элементы. Заметно, что в конце 1920-х гг. выступления очевидцев революционных событий приобрели «репертуарную» предсказуемость, а общий тон всем рассказам задавал какой-нибудь официальный доклад на актуальную для того времени политическую тему.

Признавая большое значение вечеров воспоминаний с точки зрения агитации и пропаганды, партия требовала максимального привлечения к этим мероприятиям и «беспартийных товарищей». Такие вечера воспоминаний становились более массовыми. Они выполняли функцию формирования коммеморативного нарратива, а также способствовали созданию необходимой для следующего праздничного дня эмоциональной атмосферы.

Утром 7 ноября начинались массовые торжества на улицах. К главному политическому празднику нередко приурочивали закладку и открытие новых революционных памятников, а также мемориальных досок, занимавших иногда старые места памяти. До революции городские власти также стремились приурочить к официальным государственным праздникам и памятным датам культурной жизни основание или открытие церквей, часовен, памятников и различных социальных учреждений.

7 ноября 1921 г. в Барнауле заложили памятник на могиле жертв революции (так началось формирование мемориальной аллеи на проспекте Ленина). Во время закладки все духовые оркестры и певцы исполняли похоронный марш и «Вечную память». Музыкальный фон сближал эти действия с «красным» похоронно-поминальным обрядом. 7 ноября 1922 г. в Новониколаевске произошло торжественное открытие памятника на братской могиле (так началось создание сквера Героев Революции). В 11 утра на Красной площади выстроились воинские части, рабочие и партийные организации. Выступил с торжественной речью председатель Сибисполкома. Речь сопровож-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1359. Л. 4.

² Центр документации новейшей истории Томской обл. (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 99.

³ ГАО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1341. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 1338. Л. 56.

⁵ Там же.

далась похоронным маршем, а после ее окончания заиграла жизнеутверждающая музыка, было снято покрывало, скрывавшее памятник, символически соединивший, как иконописный образ, прошлое, настоящее и будущее. Скорбное поминовение героев перерастало в торжество. Такое соединение скорби и радости ассоциативно связано с религиозной традицией почитания мучеников. Известно также, что 7 ноября 1925 г. в Томске заложили памятник В.И. Ленину⁶. В конце десятилетия перед октябрьскими торжествами приводили в порядок братские могилы; на зданиях, связанных с революционными событиями, размещали соотвествующие таблички⁷.

Изначально поминовение павших борцов за идеалы Октябрьской революции являлось смысловой доминантой плана торжеств⁸. Места памяти о революции – здания, где заседал Совдеп, где была провозглашена Советская власть, и т. п. – украшались временными мемориальными досками и алыми флагами; братские могилы павших бойцов маркировали торжественным караулом и красной материей. Братским могилам наибольшее внимание уделялось во время утренних массовых торжеств⁹. Маршрут движения демонстраций пролегал по центральным улицам, обычно уже переименованным, к главным площадям с революционными названиями. Конечной целью демонстрантов обычно становились братские могилы – новые сакральные места.

Посещения могил в праздники и празднования на могилах восходили к еще языческим традициям. У братских могил разыгрывались элементы «красного» похоронного обряда: участники действия традиционно укладывали на могилы новые венки, снимали шапки с голов, опускали знамена; в духе новой традиции исполняли «Интернационал» и похоронный марш, клялись продолжать дело, начатое погибшими героями. Такие действия, как и открытие памятников, разрушали в сознании их участников обычные временные границы между прошлым, настоящим и будущим, условно оживляя павших героев.

В начале 1920-х гг. обязательно устраивались митинги у братских могил, на которые традиционно возлагались цветы. Но с 1923 г. торжества в западно-сибирских городах становились все более массовыми, зрелищными и оптимистичными. Коммеморативные действия у братских могил практически прекратились в 1924 г. По плану демонстрации 1928 г. в Новосибирске колонны ее участников проходили лишь мимо братских могил на пути к Гостеатру, где завершалось шествие¹⁰. Типичной для официальных планов «окторжеств» стала формулировка: «Можно, если будет время, вспомнить участников великого переворота»¹¹. Заметно, что серьезные и драматичные коммемора-

тивные практики начала 1920-х гг. сменялись театрализованными и карнавальными элементами шествия демонстрантов, живыми картинами, выражавшими актуальные политические идеи. Так, новосибирское карнавальное шествие 1929 г. должно было продемонстрировать темы: «События на КВЖД», «Пятилетка» и пр.¹²

Дореволюционные торжественные заседания городских дум зачастую предварялись панихидой или божественной литургией. В начале 1920-х гг. торжественные заседания горсоветов и других организаций также начинались с минуты молчания в память о борцах, павших за идеалы революции. Далее зачитывались доклады, посвященные жертвам революционной борьбы и последним достижениям советской власти. Со временем памяти «погибших героев» на торжественных заседаниях уделялось все меньше внимания. В этой связи стоит упомянуть Омск, где в начале торжественного заседания горсовета в 1926 г. почтили память В.И. Ленина и Ф.Э. Дзержинского вставанием под звуки похоронного марша¹³. Однако более тенденциозным является следующий факт: 7 ноября 1927 г. на торжественном заседании научных работников томских вузов ректор Томского государственного университета и ректор Сибирского технологического института «осветили» лишь «достижения советской власти в деле высшего образования» и тему «Индустриализация и вуз», не углубляясь в историю, и уж тем более не драматизируя ее¹⁴.

В городах Западной Сибири на примере октябрьских торжеств четко прослеживается политика государства относительно коллективной памяти. В начале 1920-х гг. торжества являлись напоминанием обстоятельств и цены установления советской власти. После ареста А.В. Колчака в Сибири началась активная мемориализация жертв героев революции и Гражданской войны, важнейших сражений. Показательно, что в Сибири до 1922 г. октябрьские торжества совмещали с празднованием победы над Колчаком. Позже эту памятную дату стали отмечать 14 декабря. Омичи ежегодно праздновали и годовщину «освобождения» своего города (14 ноября). С приходом к власти И.В. Сталина утратила актуальность идеологически обусловленная жертвенность революционного поколения. Лишь во время октябрьских торжеств 1924 г. особенно акцентировалась роль В.И. Ленина в революции¹⁵. 7 ноября стало поводом для того, чтобы не только еще раз вспомнить вождя и выразить скорбь по поводу его утраты, но и во всеуслышание повторить, что дело его живо и никогда не умрет. Историками уже замечено, что до 1927 г. празднования были ориентированы прежде всего на формы воспоминаний важнейших октябрьских и послеоктябрьских событий. Празднества последующего времени были направлены

⁶ ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1115. Л. 2.

⁷ ГАНО. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 1449. Л. 48.

⁸ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1156. Л. 2.

⁹ ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 307. Л. 29.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 1449. Л. 2.

¹¹ ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1115. Л. 2.

¹² ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1156. Л. 2.

¹³ Торжественное заседание в Гортеатре // Рабочий путь. 1926. 8 нояб.

¹⁴ Государственный архив Томской обл. (ГАТО). Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1449. Л. 48 об.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-13. Оп. 1. Д. 962. Л. 56.

уже на современность [3, с. 13], на легитимацию действовавшего режима.

К середине 1920-х гг. для партийного руководства стала очевидной «шаблонность» октябрьских торжеств, повторявшихся из года в год. К десятилетнему юбилею революции было решено разнообразить содержание торжеств: привлечь сведения о революционных событиях на местах, актуализировать значение революционных памятников. Это решение было подготовлено активным сбором в 1925–1926 гг. сведений о конспиративных квартирах революционеров, местах маевки и пр. Но заметно, что основная идеологическая задача торжеств состояла уже не в поминовении жертв революции, а в формировании у населения убеждения в прогрессивном развитии страны после революции. Начиная с 6 ноября по клубам зачитывались доклады об успехах экономического развития страны за последние десять лет. Для лучшего восприятия этих идей на улицах развешивались изображения графиков и диаграмм, отражавших экономический рост. Новая идеологическая доминанта становилась также основой лозунгов, содержания праздничных речей и тематики театрализованных представлений. Важно подчеркнуть, что во второй половине 1920-х гг. Октябрьская революция именовалась «Октябрьским переворотом». Торжества были ориентированы на популяризацию идеи «Октябрьского переворота как первого этапа диктатуры пролетариата в борьбе пролетариата всех стран»¹⁶.

Заметно и влияние контекстов социально-экономической жизни страны на «окторжества». Разруха начала 1920-х гг. не позволяла пышно отмечать праздники. В 1920 г. ЦК РКП(б) постановил не устраивать 7 ноября демонстраций, шествий и парадов из-за материальных проблем. Но Сиббюро добилось разрешения на торжества в сибирских городах и на их украшение. Однако в этом и в следующем годах не было демонстраций, празднества 7 ноября ограничивались митингами, торжественными собраниями в клубах, концертами и бесплатными революционными спектаклями. В 1920 г. в Новониколаевске произошло хищение дорогостоящей красной материи, предназначавшейся для украшения города¹⁷. В 1921 г. западносибирские города вовсе не получили средств на декорирование

зданий и братских могил, организаторам праздника предложили воспользоваться прошлогодним декором. Зато уже в 1923 г. праздничное декорирование стало гораздо разнообразнее: появилась иллюминация, многочисленные лозунги, зелень и цветы. В 1924 г. Новониколаевск получил для декорирования 2 тыс. м только красной материи¹⁸. В 1926 г. в Томске братскую могилу к 7 ноября украсили флагами, зеленью, красной материей, желтым песком, красными звездами и цветными лампочками¹⁹. Вероятно, и это многоцветье уводило мысли горожан от скорби по жертвам революции, канувшей в прошлое, к праздничному ликованию гораздо более благополучного этапа середины и второй половины 1920-х гг.

Итак, в 1920-х гг. в административных центрах Сибири октябрьские торжества по сценариям и по функциям были очень похожи на дореволюционные государственные праздники. Как отмечалось: разработчики сценариев советских праздников, с одной стороны, стремились использовать сильно действующую на эмоции человека эстетику христианских ритуалов, с другой – не были способны ее преодолеть [1, с. 87]. На традиционной культурной основе власть внедряла отдельные коммеморативные практики для формирования выгодного ей метанарратива революции. К середине 1920-х гг. из дня памяти и скорби 7 ноября превращается в день торжества успехов современного развития экономики, социальных достижений. Репрезентации коллективной памяти в октябрьских торжествах становятся унифицированными и схематичными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005.
2. Ральф М. Советские массовые праздники. М., 2009.
3. Святославский А.В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурол. М., 2012.

Статья поступила
в редакцию 20.02.2012

¹⁶ Там же. Л. 70.

¹⁷ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1156. Л. 9а.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1115. Л. 237–238.

УДК: 913.1/913.8

Л.Н. МАЗУР

РОЛЬ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ В ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛЬСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В 1930–1980-е гг. (по материалам Урала)

д-р ист. наук
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург
e-mail: Lmaz@mail.ru

В статье раскрываются методологические проблемы оценки уровня урбанизации сельской местности. Показателем глубины урбанизации является формирование сельско-урбанизированного образа жизни. Он складывается под влиянием комплекса факторов, в том числе системы образования, миграции. В статье прослеживается влияние на трансформацию сельского образа жизни медиакоммуникаций – кино, телевидения, периодической печати, а также учреждений, которые с ними связаны – библиотек и клубов.

Ключевые слова: сельская урбанизация, образ жизни, социокультурная среда, трансформации, модернизационная перестройка.

События, захлестнувшие сельский мир в XX в., казалось, поставили под угрозу само существование деревенского сообщества. «Иною кажется мне Русь, Иными – кладбища и хаты», – писал С. Есенин еще в 1923 г., чутьем поэта отмечая происходящие в деревенской жизни изменения, которые не только носили политико-идеологический характер, но свидетельствовали о глубинных сдвигах в традиционном образе жизни.

Одним из основных факторов трансформации образа жизни в XX в. выступает урбанизация, ее сущность как социального процесса состоит в комплексной перестройке условий и *образа жизни* населения на городских началах. В связи с этим возникает потребность уточнить данное понятие и выделить те базовые параметры, которые позволят оценить качественный уровень и глубину модернизационной перестройки.

Среди сложившихся в науке подходов к определению понятия «образ жизни» можно выделить два основных:

– социологический, в рамках которого прослеживается стремление структурировать, измерить и оценить базовые характеристики образа жизни: уровень и качество жизни; формы жизнедеятельности. Все эти параметры статистически измеряемы и позволяют с достаточно высокой степенью точности провести диагностику изучаемого явления. В дополнение к ним нередко вводится категория «общественное сознание», позволяющая выделить ментальные характеристики образа жизни сельских и городских жителей, но она не может быть оценена количественно, поэтому возникают проблемы с ее верификацией¹;

– психологический подход связан с попыткой конструирования особых типов ментальности, свойственных городскому и сельскому социуму. В этом случае город или село рассматриваются как социокультурное явление, носитель особых психических свойств (Э.В. Сайко, Т.И. Алексеева, В.Л. Глазычев), которые порождают специфический стиль жизни, социальные нормы и, в конечном счете, формируют особый тип ментальности. Для его изучения используются методы социальной психологии [1].

Представленные выше методологические подходы не учитывают эволюционный характер образа жизни и те изменения, которые связаны с формированием его современных вариантов. Точкой отсчета в этом случае может служить понятие традиционного образа жизни, которое практически не разработано в социологической науке, но стало объектом исследования в философии, культурологии, этнологии, где его соотносят с понятием «традиционной культуры».

При изучении проблем модернизации образа жизни возникает потребность разграничить его в вертикальном (временном) и горизонтальном планах, что в свою очередь влияет на уточнение социального аспекта понятия «урбанизация». Последнюю необходимо рассматривать как процесс модернизации собственно городского образа жизни от его традиционного варианта к современному (с учетом всех промежуточных стадий эволюции) и создание некоторого общего стандарта, который реализуется и в городской, и в сельской среде, но не одновременно и с определенными вариациями. Урбанизацию сельского образа жизни можно охарактеризовать как вторичный процесс, поскольку ее тренд и характер определяются влиянием не только факторов макроуровня, но и контактной городской среды. Отличительными особенностями эволюции (урбанизации) сельского образа жизни являются ее запаздывающий характер, низкие темпы перестройки и сохранение в течение длительного времени традиционных черт, в

¹ См. определение сельского и городского образа жизни: Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко, 2003 г. [электронный ресурс] режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/gorodskoi-obraz-zhizni> (дата обращения 17.05.2012).

том числе более тесной связи с окружающей природной средой, определяющей жизненные циклы сельской повседневности.

Основное содержание трансформации сельского образа жизни можно обозначить термином «раскрестьянивание». Это закономерный, объективный процесс, суть которого состоит в постепенной утрате социальной группой (крестьянством) своих социально-экономических и культурологических признаков (свойств). Начало раскрестьяниванию положили промышленная революция, а также реформы 1860–1870-х гг., способствовавшие социально-экономической дифференциации деревни. Но наиболее ярко это проявилось в 1930–1980-е гг.

Раскрестьянивание имеет две стороны: внешнюю и внутреннюю. Внешне раскрестьянивание проявляется в физическом сокращении численности крестьянства, которое стало следствием, во-первых, индустриализации и развития сельской миграции и, во-вторых, изменения типа демографического поведения, связанного с переходом к малодетной семье и регулированием рождаемости. Спецификой советской модели раскрестьянивания явилось физическое уничтожение значительной части сельского населения в ходе раскулачивания и коллективизации, голода 1932–1933 и 1946–1947 гг. Эти факторы наряду с обусловленными историей демографическими катастрофами XX в. (войны, революции) привели к резкому сокращению численности сельского населения как в России в целом, так и на Урале. Если в 1897 г. на Урале насчитывалось 6 791,1 тыс. чел. (в том числе в Пермской губ. – 2 994,3 тыс.), к 1989 г. общая численность населения составила 20 279,3 чел., т. е. выросла почти в 3 раза [2, с. 136, 143]. Причем городское население за этот период увеличилось в 34,5 раза, а сельское, напротив, сократилось в 1,2 раза.

В послевоенный период внешнее раскрестьянивание дополнилось внутренним, под которым понимается изменение форм жизнедеятельности крестьянства, трансформация традиционного образа жизни. Внутреннее раскрестьянивание постепенно охватывает быт, культурные традиции, досуг, мировоззрение сельских жителей, преобразуя их жизнь таким образом, что утрачиваются родовые черты и особенности крестьянства как социальной группы. Результаты внутреннего раскрестьянивания становятся очевидными уже в послевоенный период, а к 1960-м гг. приводят к заметной дифференциации крестьянства по образу жизни. В частности, анализ бюджетов колхозников Свердловской области за 1963 г. позволил выделить три основных типа сельских семей, различавшихся по своему образу жизни: традиционно-крестьянский, колхозно-крестьянский и село-урбанистический [3]. В основу типологии были положены такие параметры, как демографический тип семьи, источники формирования бюджета, формы и направленность трудовой деятельности, система потребностей и запросов сельского населения, а также структура личного подсобного хозяйства².

I тип – *традиционно-крестьянский*. Для него характерна ориентация на внутрисемейную деятельность, т. е. на развитие личного хозяйства. Данному типу семей свойственны традиционные черты образа жизни, основанные на ведении многоотраслевого полунатурального хозяйства, которое играло решающую роль в формировании благосостояния семьи и определяло быт и досуг крестьян. В данную группу семей в середине 1960-х гг. входили преимущественно семьи пожилые и неполные, а также одинокие, удельный вес которых составлял примерно 12 %.

II тип – *колхозно-крестьянский*. К данной категории в первой половине 1960-х гг. на Среднем Урале относилось примерно 70 % хозяйств, в бюджете которых удельный вес доходов от личного подсобного и общественного производства примерно уравновесивался, что соответственно отражалось на структуре рабочего времени семьи. Приусадебное хозяйство оставалось многоотраслевым с обязательным содержанием на своем подворье крупного рогатого скота, свиней и овец. В целом оно наряду с работой в колхозе или совхозе выступало наиболее значимым фактором, определявшим весь жизненный уклад крестьянской семьи. На структуру потребления и быт данной категории семей большое влияние оказывают стандарты городской культуры.

III тип – *село-урбанистический* (18 % семей) характеризуется преобладанием внесемейных экономических интересов, не связанных с личным хозяйством и ориентирующихся на общественное производство. Данная категория хозяйств наиболее подвержена влиянию процессов урбанизации и раскрестьяниванию, которые охватывают не только быт, досуг, но и производственную сферу жизнедеятельности семьи.

Изучение бюджетов колхозников первой половины 1960-х гг. дает нам четкое представление о расслоении сельского населения по образу жизни, что свидетельствует о проникновении элементов и стандартов городской культуры (урбанизации) в жизнь сельчан и их ценностные ориентации, о смене традиционных форм жизнедеятельности на новые. Эта тенденция может быть экстраполирована на предшествующий и последующий периоды с учетом основных стадий урбанизации сельской местности. Для начального этапа сельской урбанизации в России (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.) свойственно преобладание традиционно-крестьянского типа с единичными вариантами III типа; для второго этапа (1930–1980-е гг.) характерно стремительное сокращение доли I типа (до 10–15 %) и преобладание удельного веса II типа – в этом специфика советского варианта урбанизации; на современном этапе (1990–2000-е гг.) резко возрастает доля III типа, который постепенно становится преобладающим.

Необходимо учесть, что представленные выше распределение сельских семей по образу жизни отражает ситуацию, сложившуюся в Свердловской области – регионе с высоким индустриальным потенциалом, вступившем в стадию урбанизационного перехода еще в 1930-е гг., что влияет на интенсивность и глубину перестройки. Изменения в сельском образе жизни протекали постепенно под влиянием городской цивили-

² Подсчитано на основе годовых бюджетов колхозников Свердловской области за 1963 г. – Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3578–3585.

лизации. Основу механизма урбанизации составляли личностные контакты и общественные информационные каналы, в наибольшей степени воздействующие на весь культурный комплекс: материальный, поведенческий, личностный, трудовой, культурно-бытовой. Чем выше интенсивность обмена информацией, тем быстрее и глубже социокультурные изменения [4, с. 84–85].

Среди информационных каналов формирования урбанизированного образа жизни на селе следует выделить, прежде всего, такие, как миграция, культура и образование, средства массовой информации и коммуникации, торговля и сфера бытового обслуживания. Каждый из них вносит свою лепту, причем их нагрузка с течением времени меняется. Если на ранних этапах урбанизации основную роль играли личностные каналы (миграция), а также система образования, библиотеки, клубы, то в 1930–1980-е гг. возрастает значение средств массовой информации (особенно радио, кино и телевидения).

Все эти механизмы (факторы) сельской урбанизации непосредственно связаны с политикой государства, которая определяла их содержание и направленность, а значит социально-культурные последствия и издержки урбанизации. В политических решениях в полную силу проявились идеологические и мифологические штампы, присущие власти и обществу в целом, в контексте которых российская деревня рассматривалась как оплот «хозяйственной и культурной отсталости» [5, с. 123]. В результате город становится образцом и моделью, на которую ориентировалась сельская местность. И в этом, пожалуй, состоит основная проблема российской деревни, за которой не хотели признавать права на самостоятельное существование и развитие.

Среди обозначенных факторов трансформации образа жизни российской деревни особое место занимают медиакоммуникации, поскольку через них происходило формирование новой мифологии, транслировались политические и идеологические заказы власти, дополненные социокультурными образцами. К наиболее важным медиаканалам можно отнести печатные периодические издания и литературу, радио, кино, с конца 1960-х гг. – телевидение. Степень влияния медиаканалов непосредственно зависела от уровня развития инфраструктуры села (школы, библиотеки, культурно-бытовые учреждения), а также от состояния коммуникационной среды.

Предпосылки для трансформации сельского образа жизни начинают складываться в первой половине XIX в. вместе с появлением первых сельских школ и библиотек. А в пореформенный период они приобретают системный характер, превращаясь в значимые каналы влияния: создается система почтовых и транспортных коммуникаций, земских школ, библиотек, народных домов, изб-читален, которые принимают на себя функции инновационных культурных центров традиционного деревенского мира. С установлением советской власти роль этих культурно-просветительных учреждений еще более возрастает, поскольку меняются организационные основы библиотечного и клубного обслуживания, они приобретают централизованную структуру и попадают под жесткий контроль

государства, обеспечивая реализацию его идеологических заказов.

Вплоть до 1930-х гг. основным культурным центром на селе была изба-читальня. Так, к 1920 г. на Урале действовало 3 640 изб-читален, в среднем на одну избу приходилось 39 книг [6, с. 16]. Здесь проводились громкие читки, доклады, лекции, беседы о прочитанной литературе. При избах-читальнях открывались школы ликбеза, различные кружки, устраивались концерты, спектакли. Помимо библиотечных учреждений культурная жизнь села в 1920-е гг. характеризовалась появлением клубов, которые занимались преимущественно пропагандистской и театрально-эстрадной деятельностью. В конце 1920 г. на Урале было открыто 718 учреждений культуры этого типа.

К концу 1937 г. в Свердловской и Челябинской областях насчитывалось более уже 2,5 тыс. изб-читален и 915 колхозных клубов [7, с. 40]. Главная задача культурно-просветительных учреждений определялась как идеологическое воспитание колхозников. Основными мероприятиями были беседы, доклады, лекции, получила развитие кружковая деятельность, среди последних преобладали политические, общеобразовательные, агротехнические, антирелигиозные, но встречались спортивные, хоровые, танцевальные кружки.

В 1930-е гг. в культурную жизнь уральской деревни входят радио и кино. К 1937 г. колхозы и МТС Свердловской области имели 25 радиоузлов и 2,4 тыс. радиоточек [8, с. 43]. Начинает формироваться киносеть. В 1930–1933 гг. количество киноустановок в уральской деревне увеличилось до 1 027, большинство их было передвижными [7, с. 43]. К 1940 г. общее количество киноустановок достигло в Свердловской области 518, однако в сельской местности их было не более 25 %³.

Оценивая комплексное влияние на сельскую среду всех новых форм информационного и культурного воздействия, которые появились в 1930-е гг., следует подчеркнуть, что они были ориентированы на «строительство» новой социалистической деревни. Кинематограф 1930-х гг., как и послевоенного периода, выполнял функцию мифотворца и был призван оправдать политику коллективизации, сформировать позитивное отношение к колхозному строю. Вместе с этим появление кино, клубов способствовало становлению новых форм досуга, праздничной культуры, меняло представления о стандартах жизни, расширяя кругозор сельских жителей. Эффективность этого информационного канала определялась доступностью кино для сельских жителей.

В послевоенный период начинается новый этап эволюции сельского образа жизни, связанный с превращением радио, кино и телевидения в элементы повседневности. В 1949 г. Свердловским обкомом ВКП(б) было принято постановление о «сплошной» радиофикации колхозов области. К 1951 г. радио уже имелось в 1 131 сельском населенном пункте. Благодаря электрификации расширилась и сеть киноустановок. В целом на Урале количество сельских киноустановок

³ ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1162. Л. 43, 44.

достигло к концу пятой пятилетки 3 219, а в 1958 г. выросло до 4 043 [8, с. 94–95].

Приведенные показатели развития радио- и киносети свидетельствуют о том, что уже к началу 1960-х гг. были созданы необходимые предпосылки для формирования принципиально новой социокультурной среды, так как была преодолена информационная изолированность сельской местности. Следует учесть и изменение характера медиакommunikаций, связанное с «оттепелью». Тематическое, жанровое разнообразие фильмов, радиопередач, постепенная переориентация газет из агитационно-пропагандистских изданий в информационные – все это усиливало эмоциональную составляющую информационных потоков, делало их более понятными для сознания сельского жителя.

В 1960–1980-е гг. происходит дальнейшее сокращение и укрупнение школьной, клубной и библиотечной сети, появление новых организационных форм (спортивно-культурных комплексов), ориентированных на комплексное культурное обслуживание населения. Но наиболее значимую роль в раскрестьянивании деревни сыграло телевидение, которое в 1960-е гг. вошло в повседневную жизнь села, завершив длительный процесс трансформации образа жизни сельского населения. На Урале в конце 1960-х гг. телевизионные программы принимали 66,7 % сельских населенных пунктов, в том числе в Курганской области – 91,4 %, в Оренбургской – 49,1 %. По данным социологического обследования, проведенного в 1970-х гг., в Оренбургской области телевизоры имели 83,6 % семей, в Челябинской – 84,3, в Свердловской области – 78,6 % [9, с. 121].

Наряду с позитивными моментами вторжение телевидения в жизнь людей, по наблюдениям социологов, способствовало формированию пассивного восприятия культурных ценностей. Опрос жителей ряда сел Челябинской области показал, что 44,4 %

из них предпочитали проводить свободное время у телевизора, а не принимать участие в клубных мероприятиях. Таким образом, в условиях новой информационной среды вырабатываются новые стандарты культурного поведения и культурного потребления. Однако сложившаяся в сельской местности система культурно-бытового обслуживания не могла в достаточной степени удовлетворить те потребности, которые формировались средствами массовой информации. Противоречие между потребностями и возможностями их удовлетворения оставалось одной из основных причин оттока сельского населения в города и деградации сельского образа жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Т.В. Социально-психологические проблемы городской ментальности: дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2004.
2. Население Урала. XX век. Екатеринбург, 1996.
3. Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979.
4. Клакхон К.К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1963. Т. 38.
6. Третьяков В.В. Повышение культурного уровня уральского крестьянства в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // Развитие культуры уральской советской деревни. 1917–1987 гг. Свердловск, 1990.
7. Налобина С.В. Культурное развитие уральской советской деревни в 1929–1937 гг. // Развитие культуры уральской советской деревни. 1917–1987 гг. Свердловск, 1990.
8. Толмачева Р.П. Деятельность сельских культурно-просветительных учреждений Урала (1946–1958 гг.) // Развитие культуры уральской советской деревни. 1917–1987 гг. Свердловск, 1990.
9. Рафикова Н.Д. Культурный уровень колхозного крестьянства Урала в 1976–1985 гг. // Развитие культуры уральской советской деревни. 1917–1987 гг. Свердловск, 1990.

Статья поступила
в редакцию 28.12.2011

УДК 94(470+571)“19”

С.С. БУКИН¹, В.И. ИСАЕВ²

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В XX СТОЛЕТИИ*

д-р ист. наук

¹ Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: serbukin@mail.ru

д-р ист. наук

² Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: history49@mail.ru

В статье исследуются основные тенденции и особенности перехода от традиционно-аграрного к индустриально-урбанистическому обществу в Сибири. Особое внимание уделяется проблемам взаимодействия социально-демографических и модернизационных процессов на различных этапах развития в XX в. Отмечена специфика формирования индустриально-урбанистического общества в районах нового промышленного освоения.

Ключевые слова: Сибирь, социально-экономическая политика, модернизация, социально-демографическое развитие, урбанизация, социум.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-01-00296 а.

В течение XX в. в Сибирском регионе происходили интенсивные процессы социально-экономических преобразований, которые с современных позиций исторической науки принято рассматривать как модернизацию в ее особом, российском варианте. Под модернизацией в самом общем виде мы понимаем процесс перехода от традиционно-аграрного общества, основанного на сельскохозяйственном производстве и крестьянском образе жизни, к индустриально-урбанистическому обществу, в котором жизнедеятельность населения связана с промышленным производством и городским образом жизни. При этом новые нормы и ценности начинают определять жизнь не только горожан, но и сельских жителей.

Гносеологическое и инструментальное значение концепции модернизации для исследования истории Сибири заключается в том, что наряду с пониманием глобального вектора развития она позволяет также адекватно раскрыть смысл и направления государственной социально-экономической политики освоения региона, выявить цели и специфику ее реализации на различных этапах XX в. Особенно важно использование концепции модернизации для изучения советского периода. Несмотря на то, что сам термин «модернизация» не встречается в документах советского времени, можно уловить его смысл во многих неологизмах советской эпохи: индустриализация, культурная революция, создание нового человека, социалистические преобразования. Утверждение большевистской партии у власти и насаждение коммунистического мировоззрения приводили к тому, что модернизационные по сути процессы в советском обществе облекались в специфическую идеологическую упаковку.

Индустриально-урбанистическое общество на территории Азиатской России начало формироваться в процессе промышленного освоения во второй половине XIX – начале XX в. Его основные черты и принципы, как и в других странах Европы, определялись условиями и требованиями промышленного производства. Среди них ведущими являлись разделение в пространстве и времени сфер производства и быта; жесткая производственная дисциплина, задающая свой ритм и требования не только трудовой деятельности населения, но и формам использования свободного времени; вытеснение большой патриархальной семьи малой, нуклеарной, вовлечение в производственный процесс женщин; формирование в городах рабочих кварталов и типичных для них жилищ: многоместных общежитий и домов с коммунальными квартирами.

Наметившиеся тенденции формирования индустриально-урбанистического общества в России обусловили постепенное распространение соответствующего образа жизни людей и в Сибирском регионе. Вместе с тем к середине 1920-х гг. Сибирь по-прежнему представляла собой аграрную провинцию российского государства, где население вело в основном традиционный крестьянский образ жизни. Только с переходом к форсированной индустриализации процесс трансформации общества пошел ускоренными темпами [1, с. 141–159].

При этом черты нового образа жизни стали проявляться не только в городах, но и в сельской местности.

Влияние индустриализации на сельское население проявлялось, в частности, в постепенных изменениях ценностных ориентаций, наиболее заметных у крестьянской молодежи. Выдавливание крестьянского населения из деревни, массовое переселение, а во многих случаях даже бегство в город можно оценить как специфическое проявление форсированной и в определенном смысле насильственной урбанизации Сибири. Правда, в той или иной мере отмеченные тенденции были характерны и для других регионов СССР.

Одним из главных результатов довоенных пятилеток можно считать то, что значительная часть сибирского населения переместилась в города, влилась в ряды рабочего класса и служащих, перешла от традиционного крестьянского образа жизни к индустриально-урбанистическому. В предвоенные десятилетия интенсивно происходил процесс переплавки многочисленных переселенцев из деревни и прежних городских жителей в новые социальные группы индустриально-урбанистического общества [2, с. 5–9].

Социально-демографические изменения под влиянием модернизационных преобразований особенно активизировались и углубились в 1930–1940-е гг. в связи с созданием Урало-Кузнецкого комбината, который своим прямым и опосредованным влиянием охватил большую часть Азиатской России. В процессе разработки Урало-Кузбасской программы была создана специфическая модернизационная модель комплексного производственного развития, которая затем использовалась в той или иной степени и в других регионах на протяжении всего советского периода. Главным механизмом действия данной модели стало централизованное государственное управление, основывающееся на всеобщем планировании и государственной собственности на средства и ресурсы производства. Менялись во времени только степень директивного администрирования, жесткости управленческих подходов, материально-техническое и научное обеспечение. Неизменной оставалась определяющая и мобилизующая роль государства, которая реализовывалась через всю систему государственного и общественного управления.

В результате реализации Урало-Кузбасского мегапроекта на карте СССР появился мощный индустриальный комплекс, располагавшийся на огромной территории и обладавший собственной топливно-энергетической базой, предприятиями тяжелого машиностроения, металлургической и химической промышленности. Это не только привело к масштабным структурным сдвигам в народном хозяйстве страны, но и имело крупные социальные последствия, выразившиеся прежде всего в интенсификации процесса формирования индустриально-урбанистического общества [3].

Вторая мировая война подтвердила правильность стратегического курса государства на формирование индустриального и, прежде всего, военно-промышленного комплекса в Азиатской России, оправданным оказалось строительство здесь предприятий тяжелой промышленности и оборонных заводов. После нападения фашистской Германии на Советский Союз началась эвакуация населения, производственных

мощностей и культурных ценностей из угрожаемых районов европейской части страны, что не только привело к существенному укреплению промышленного потенциала Сибири, но и непосредственно проявилось в интенсификации процесса формирования индустриально-урбанистического общества.

Многие перебазированные на восток предприятия занимали ведущие позиции в экономике СССР, располагали передовыми для того времени технологиями. В результате ввода их в эксплуатацию в сибирских городах многократно выросли объемы производства и одновременно произошли глубокие качественные изменения в материально-технической базе оборонного комплекса, связанные с использованием достижений научно-технического прогресса. Развернулась своеобразная промышленная революция военного времени, которая не только определила форсированное развитие оборонных отраслей, но и оказала воздействие на становление индустриально-урбанистического общества в обширном азиатском ареале России.

Вместе с эвакуированными предприятиями и научно-исследовательскими учреждениями прибывали квалифицированные рабочие, инженеры, управленцы, ученые, обладавшие высокими стандартами производственной и бытовой культуры. Они составляли кадровое ядро формирующихся трудовых коллективов, в которые добровольно и на мобилизационной основе вливались школьники, студенты, домохозяйки, пенсионеры. С 1942 г. основным источником комплектования кадров стала сельская молодежь, которая в большинстве своем уже имела навыки тяжелого физического труда в колхозах и домашнем хозяйстве. Трудовая закалка, полученная в раннем детстве, помогла этим подросткам адаптироваться к жесточайшему ритму и обстановке оборонного производства, они образовали широкий и своеобразный слой в индустриально-урбанистическом социуме [4, с. 24–28].

Одновременно в формирующемся социуме отчетливо проявились новые интернациональные и социокультурные аспекты. Прибывшие в Сибирь ленинградцы, москвичи, жители Украины, Белоруссии и других регионов страны вместе с коренным населением сливались по сути в единое человеческое сообщество, совместными усилиями решали производственные задачи, формировали подлинно добрососедские отношения.

Своеобразие социокультурных процессов в военные годы состояло в том, что Сибирь стала опорной базой сохранения культурных ценностей и традиций страны. Наряду с промышленными предприятиями и их кадрами на восток перемещались произведения искусства, крупные и высокопрофессиональные творческие коллективы из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов. Они оказали большое и неповторимое воздействие на развитие культурной жизни в регионе. Социокультурные процессы, деформированные войной, получили новые прогрессивные импульсы. При резком обострении демографических и материально-бытовых проблем культурное развитие тыловых районов сохранило позитивную динамику, возросла его роль в формировании индустриально-урбанистического общества в целом [5, с. 75–80].

После завершения Великой Отечественной войны ликвидация разрушительных последствий фашистского нашествия потребовала огромных материальных и финансовых ресурсов, напряженного труда миллионов людей во всех регионах страны. Восстановление и подъем народного хозяйства способствовали улучшению повседневной жизни населения. Укрепление взаимодействия экономического и социального прогресса стало одним из ключевых направлений формирования индустриально-урбанистического общества.

Уже к концу первого послевоенного пятилетия в Сибирском регионе был достигнут предвоенный уровень материальной обеспеченности городских жителей, имевший, правда, крайне невысокие показатели. В рамках государственной социальной политики во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. были осуществлены мероприятия, которые, несмотря на их противоречивость и ограниченность, имели существенное значение для повседневной жизни людей. Развитию индустриально-урбанистического общества способствовали проведение денежной реформы и отмена карточной системы, последовательное снижение государственных розничных цен, централизованное повышение оплаты труда рабочих, ИТР и служащих, уменьшение налогообложения населения, создание новой пенсионной системы, сокращение продолжительности рабочего времени.

В контексте становления индустриально-урбанистического общества важно отметить наметившийся в 1950-е гг. и постоянно расширявшийся в последующие десятилетия переход от удовлетворения первостепенных нужд (в продуктах питания, одежде, обуви) к обеспечению широкой гаммы потребностей городского населения. Вместе с тем и они существенно изменились. Потребительский спрос начал ориентироваться не столько на объем, сколько на структуру предложения, повысились требования людей к качеству и ассортименту изделий. Если в первое послевоенное десятилетие трудящиеся зачастую не могли приобрести обычные товары повседневного назначения, то с конца 1950-х гг. стал особенно заметен дефицит качественных изделий с высокими потребительскими свойствами.

Сбалансированность доходов и их товарного обеспечения уже не могла достигаться путем соответствия общей массы товаров и денежных средств, которыми располагало население. На повестку дня со всей остротой выдвигалась проблема учета потребностей людей, соответствия структур спроса и предложения, что свидетельствовало о приближении к границам общества массового потребления.

Противоречивые тенденции проявились в развитии жилищно-коммунального хозяйства сибирских городов. В первое послевоенное десятилетие в этой сфере произошло лишь некоторое смягчение накапливавшихся десятилетиями проблем. Но для второй половины 1950-х и начала 1960-х гг. характерен реальный сдвиг в обеспечении жилищно-бытовых потребностей горожан. Ощутимо продвинулось вперед решение жилищной проблемы, чему способствовали индустриализация строительства, расширение индивидуальной застройки, внедрение хозяйственного

способа возведения домов, развертывание жилищной кооперации. Впервые в ходе социалистической модернизации и урбанизационных процессов увеличился средний размер жилплощади, приходящейся на одного жителя. Повысился удельный вес капитальных зданий в составе жилого фонда, возрос уровень его благоустройства.

В сибирских городах на месте землянок, неказистых частных домов и обветшавших бараков вырастали кварталы кирпичных и панельных пятиэтажек с малогабаритными квартирами, позднее получившими наименование «хрущевки». Но для своего времени по сравнению с предшествующим жилым фондом они являлись огромным социальным завоеванием, существенным фактором становления индустриально-урбанистического общества [6, с. 300–324].

Развитие народного хозяйства СССР в 1970–1980-е гг., сдвиг индустрии на восток обусловили крупные демографические и социокультурные трансформации, отражавшие новые тенденции в формировании индустриально-урбанистического общества. Основной прирост городского населения в этот период отмечался в районах нового промышленного освоения Сибири. Одна из главных задач государственной миграционной политики заключалась в перераспределении трудовых ресурсов страны в пользу восточных районов, где активно осваивались природные ресурсы, развертывалось строительство крупных предприятий и формировались территориально-производственные комплексы. Другой важной задачей являлось закрепление населения, особенно в новых промышленных центрах Сибири, по возможности снижение его обратного оттока за пределы региона.

Конкретно-историческая практика наглядно показала, что если первая задача решалась более или менее успешно, то вторая – крайне неравномерно и противоречиво. Пропагандистские кампании, введение дополнительных льгот и выплат привлекали людей в Сибирь. Вместе с тем приживаемость приехавших на новостройки оставалась очень слабой, что преимущественно определялось нехваткой жилья и объектов социально-бытовой инфраструктуры, в целом ощутимым отставанием в развитии социальной сферы по сравнению с положением в центральной и западной частях страны.

В районах нового промышленного освоения Сибири социально-демографические трансформации тесно переплетались с проблемами адаптации населения, которые имели сложный и многовариантный характер. Исторический опыт показал, что они зависят как от места, так и от времени своего возникновения и их необходимо решать комплексно, одновременно и в производственной, и в непроизводственной сферах. Если в первой из них приоритет следовало отдавать условиям и оплате труда, карьерному и профессиональному росту, отношениям и микроклимату в трудовом коллективе, то во второй ведущее место принадлежало созданию благоприятных жилищно-бытовых и социокультурных условий, возможностей для духовного развития и проведения досуга.

В контексте современных миграционных проблем и массового привлечения иностранной рабочей силы в Российскую Федерацию необходимо подчеркнуть, что существенное воздействие на заселение районов нового освоения Сибири в 1960–1980-е гг. оказали этносоциальные процессы, обусловленные притоком трудовых ресурсов, в том числе высокой квалификации, из национальных районов и республик СССР. В повседневную жизнь новых городов Сибири представители разных народов приносили характерные для них этнические традиции. Одновременно появлялись инновации, порожденные уже в новых условиях жизнедеятельности. В результате этих взаимодействий формировалась уникальная социокультурная среда, вобравшая в себя многие национально-культурные ценности народов СССР [7, с. 197–206].

В целом в процессе модернизации Сибирского региона происходило ускоренное формирование нового социального облика населения. Люди в условиях новой для себя практической деятельности приспосабливались к быстро меняющимся условиям труда и быта, формам и способам общественной жизни, преобразованиям ее под воздействием объективных и субъективных факторов. С одной стороны, отдельные личности или социальные сообщества изменяли свою жизнь и отношение к ней под давлением внешних обстоятельств, а с другой – они сами являлись преобразующим началом для окружающей социокультурной среды, изменяя ее в соответствии со своими личными и общественными потребностями.

Таким образом, в течение XX столетия начиная со строительства Транссибирской магистрали, резко активизировавшей индустриально-урбанистические процессы, и до 1990-х гг., несмотря на жесточайшие политические и социально-демографические потрясения, развертывалось формирование индустриально-урбанистического общества в его советском варианте, отражавшем особенности социалистической модернизации. Это формирование в своих основных чертах завершилось к началу рыночных реформ в конце XX в., кардинально изменивших вектор политического, социально-экономического и духовного развития России.

Тенденции модернизации и социальных трансформаций в Сибирском регионе показывают, что в ходе их развития происходило движение в направлении тех перемен, которые наблюдались и в других странах, совершавших переход к индустриально-урбанистическому обществу. Рассматривая трансформацию социально-экономических отношений и культурной среды в регионе на фоне общемировых тенденций, можно сделать вывод, что по главным направлениям формирования индустриально-урбанистического общества социальные последствия модернизационных процессов в Сибири в основном совпадают с изменениями жизни людей, происходившими и в других странах Европы.

В годы социалистической индустриализации под лозунгами строительства социализма по существу разворачивался процесс модернизации страны, осуществлялся переход от традиционно-аграрного к индустриально-урбанистическому обществу. Несмот-

ря на существенные негативные моменты, связанные с формированием специфического политического устройства советского общества, накапливался значительный экономический и социальный потенциал, позволивший СССР (России) стать одной из ведущих держав мира.

Существенным достижением в освоении восточных регионов страны стало формирование крупных территориально-производственных комплексов, что явилось результатом огромных государственных инвестиций и самоотверженного труда миллионов людей, ярким проявлением особенностей советской модернизации. И в современных условиях ТПК восточных регионов продолжают обеспечивать экономическую устойчивость и конкурентоспособность Российской Федерации в системе мировой экономики и геополитического равновесия.

ЛИТЕРАТУРА

1. История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1982.
2. Букин С.С., Исаев В.И. Тенденции социокультурного развития городского населения Сибири в XX веке // Социокультурные трансформации населения Сибири в XX веке : сб. науч. тр. Новосибирск, 2011.
3. Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: сб. стат. и док. Екатеринбург, 2010.
4. Букин С.С. Сибирский тыл: промышленная революция и адаптация кадров (1941–1945 гг.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России : Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2008.
5. Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2011. № 3.
6. История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период упорочения и развития социализма. Новосибирск, 1984.
7. Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Социокультурная адаптация населения Сибири в условиях урбанизации (1930–1980 гг.) // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI в. : сб. науч. тр. Новосибирск, 2008.

*Статья поступила
в редакцию 19.01.2012*

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

УДК 94(470)''16''(093)

В.Н. ДОБЖАНСКИЙ

«НАКАЗНЫЕ ПАМЯТИ» СТРОИТЕЛЯМ МЕЛЕССКОГО ОСТРОГА М. ЛАВРОВУ и О. КОКОРЕВУ

канд. ист. наук
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово
e-mail: kafoi@history.kemsu.ru

О времени и обстоятельствах строительства Мелесского острога в историографии имеются разные мнения. Это объясняется в первую очередь слабой источниковой базой. В РГАДА хранятся наказные памяти строителям Мелесского острога М. Лаврову и О. Кокореву, которые до сих пор не введены в научный оборот. Эти памяти существенно корректирует наши представления о времени и обстоятельствах построения Мелесского острога.

Ключевые слова: Мелесская волость, Мелесский острог, р. Чулым, р. Июс.

В октябре 1734 г., находясь в Томске, Г.Ф. Миллер составил историко-географическое «Описание Томского уезда». О Мелесском остроге он сделал следующую запись: «Первыми из Сургута и Нарыма были приведены к повиновению остяки. Вслед за этим было совершено путешествие к чулымским татарам, по желанию которых вверх по Чулыму был основан маленький острог против киргизов, который от того татарского рода, что живет в районе острога и называется мелесскими татарами, получил название Мелесского острога. Этот острог был заселен из Сургута приказчиком и жителями; ясак со всех тамошних мест вначале также доставлялся в Сургут» [1, с. 67]. Однако в последующем он отказался от ранее написанного, отметив, что Мелесский острог – «небольшое укрепленное место в Мелесской волости на реке Чулыме, постройка которого происходила в 7129 (1621) г. под смотрением присланного из Томска казачьего головы Молчана Лаврова. Об этом имеются различные письменные свидетельства. Таким образом, устные предания томских жителей, утверждающих, что Мелесский острог построен раньше Томска, неосновательны» [2, с. 55–56].

Косвенно эта дата была подтверждена Н.Н. Оглоблиным, который в своем «Обзрении» отметил ценность наказных памятей служилым людям, посылавшихся для постройки новых острогов. В качестве примера таких памятей Н.Н. Оглоблин указал на «память томских воевод кн. Ив. Федор. Шаховского и Максима Радилова казачьему голове Молчану Лаврову, посланному с отрядом в 98 человек “вверх Чулыму

реки в Мелеские волости и в Басагары и в Кизилы”, для постройки острога на р. Миусе, 130 г.» и «память тех же томских воевод “татарскому голове” Осипу Кокореву с товарищи, посланным в те же Мелесские волости для постройки острога на р. Ньюсе, 130 г.» [3, с. 42–43].

Предложенная Г.Ф. Миллером дата построения Мелесского острога опиралась на документы, которые он собрал в Томске и которые затем были опубликованы в Приложении к его «Истории Сибири». Серьезных возражений она не вызвала и в целом утвердилась в сибирской историографии [4, с. 199; 5, с. 111; 6, с. 71; 7, с. 40; 8, с. 205]. Только Л.П. Потапов, ссылаясь на работу Н.Н. Оглоблина, высказал предположение, что острог «был выстроен не в 1621 г., как пишет Миллер, а, видимо, в 1622 г., ибо в делах Сибирского приказа имеются наказные памятки томских воевод строителям этого острога [9, с. 143–144].

А.И. Андреев принял 1621 г. как год основания острога, однако в своем примечании к § 30 гл. 7 «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера опровергает точку зрения сибирского историографа об обстоятельствах его построения. Опираясь на материалы шестой книги фонда Сибирского приказа ЦГАДА, он отметил: «Построение Мелесского острога происходило в более сложной обстановке. По отписке из Тобольска, томские воеводы кн. Шеховской и Максим Радиллов отправили в 1621 г. в “Мелесскую землю” атамана Бурнаша Никонова и с ним “в судех” 30 человек служилых, чтобы поставить там острог. Но ясачный князец Туталко и другие чулымские ясачные люди сообщили Бурнашу, что киргизы в союзе с басагарами, тубинцами, маторами

собираются идти в Мелесскую землю и требуют от чулымцев не пропускать русских в Мелесскую землю и не давать ставить острог. Когда томские воеводы услышали от самого Туталки те же вести про киргизов, то для оберегания Бурнаша Никонова и его людей от киргизов они послали 120 служилых конных казаков с головою казачьим Молчаном Лавровым и 100 томских татар с головою Осипом Кокоревым. Головы Молчан Лавров и Осип Кокорев «сошлись с киргизскими людьми со князьком с Карою, и киргизы... наших людей хотели побить и в Мелесскую землицу пропустить и острогу ставити дати не хотели; и наши... люди с теми киргизы в Басагарской земле на походе бились и их побили и самого князька Кару з женою и з детьми (сам шест) взяли в полон; да на том же бою имали у киргизцов в кочевье томские служилые люди кочевных людей и их жен и детей; и которые... старые мужики, а ясак с них мочно взяти, и они тех мужиков ясачных людей, приветчи к шерти, отпускали з женами и з детьми и... ясак с них имали; а которые киргизские были служилые люди, и они у тех служилых людей имали в полон жены и дети и в Томской город привезли». Побив киргизов, а остальных киргизов и басагарских людей приведя к шерти, чтобы они давали ясак по 10 соболей с человека, и собрав с них ясак в 12 сороков соболей, служилые пришли в Мелесскую землю и поставили в ней острог». [10, с. 670–671]. Не вызывает сомнений, что А.И. Андреев знал о хранящихся в этом фонде наказных памятях М. Лаврову и О. Кокореву, но почему-то их не использовал.

Еще одну точку зрения по этому вопросу высказали Л.Р. Кызласов и К.Г. Копкоев. Узнав о намерении правителя Северо-Западной Монголии Алтын-хана послать на киргизов отряд численностью в 300 чел., киргизские князья откочевали за р. Чулым. Одновременно, чтобы «оберечь» их от «алтыновых людей», киргизы отправили в Томск своего представителя князя Сенжу с предложением поставить русский острог на «Киргизской землице» между реками Урюпом и Чулымом. Однако томские воеводы И. Шаховской и М. Радилов посадили Сенжу в тюрьму. Данное обстоятельство обострило отношения между киргизами и русскими властями. «В такой обстановке в 1621 г. из Томска был отправлен отряд казаков во главе с Молчаном Лавровым, чтобы на земле хакасов, на Чулыме, поставить острог. Однако обиженные князья теперь воспротивились этому и хотели силой выгнать казаков из своей земли, но потерпели поражение. Острог на берегу р. Чулым был все же построен и назван Мелецким. Князь Кара с женой и двумя сыновьями, племянники князя Ишея и несколько улусных людей попали в плен» и отправлены в Томск [11, с. 175]. Л.Р. Кызласов и К.Г. Копкоев также обошли вниманием наказные памятя М. Лаврову и О. Кокореву.

Таким образом, очень важные для понимания вопроса о строительстве Мелесского острога наказные памятя его строителям так и не были введены в научный оборот. Исследователи о содержании этих памятней судят только по работе Н.Н. Оглоблина, который, вероятно, их полностью тоже не читал, а лишь бегло просмотрел. Такое предположение вытекает из того, что в обеих памятях четко и ясно сказано, что

М. Лавров и О. Кокорев посылались в одну волость строить вместе один острог, а не два, как это предполагал Н.Н. Оглоблин. Д.Я. Резун, например, опираясь на приводимые Н.Н. Оглоблиным сведения о посылке отрядов на реки Миус и Ньюсу, пишет: «сам текст наказных грамот не оставляет сомнений, что посланные русские отряды должны были *поставить остроги* намного южнее Мелеского и даже современного нам Ачинска» [7, с. 40]. Говоря о построении острогов южнее Мелеского и Ачинского, Д.Я. Резун имел в виду р. Белый Июс, с которой исследователи долгое время ассоциировали р. Миус из документов того времени. Относительно же р. Ньюсы не высказывалось никаких предположений. Между тем речь идет только об одной реке – Июс, Н.Н. Оглоблин неверно прочел начальную букву И, приняв ее за Н. Так в документах XVII–XVIII вв. назывался участок р. Чулым от слияния Белого и Черного Июсов и до устья р. Урюп [12, с. 81; 13, с. 139–140]. Ни Июс, ни Белый Июс никакого отношения к Мелесской волости не имеют.

Чтобы как-то разрешить это противоречие, Д.Я. Резун предположил, что «по всей видимости, противодействие киргизских князцов было настолько сильным, что служилые были вынуждены отойти по Чулыму на север и поставить острог в том месте, где и существовал весь XVII в. Мелеский острог. Так появился первый опорный пункт в Причулымье – Мелеский острог, который в административном плане подчинялся г. Томску» [7, с. 40–41].

Источников по истории первых десятилетий г. Томска сохранилось крайне мало, в основном это копии, которые сделаны Г.Ф. Миллером и положены в значительной степени им в основание его труда. Подлинных документов дошло до нас еще меньше. Поэтому указание Н.Н. Оглоблина на наказные памятя строителям Мелесского острога, хранящиеся в фонде Сибирского приказа должны были привлечь к ним пристальное внимание. Этого, однако, не произошло. Наказные памятя до настоящего времени не только не опубликованы, но даже не приведено ни одного слова из них (о чем уже говорилось выше).

Что дают нового эти наказные памятя для решения вопроса о строительстве Мелесского острога? Во-первых, уточняется дата его построения. Памятя датируются 13 сентября 1621 г., поэтому, принимая во внимание время на дорогу в Басагарскую волость – не менее двух недель и примерно неделю до Мелесских волостей, острог был построен во второй половине октября. Во-вторых, речь в них идет действительно о р. Июс¹. Хотя в памятях и упоминается Мелесская волость, однако из их текста отнюдь не следует, что томские служилые люди были отправлены именно в эту волость для строительства там острога. Наказ давал широкие полномочия М. Лаврову и О. Кокореву для выбора места для острога: «...ехати казачьей голове Молчану Лаврову в верх Чулыму реки в Мелеские волости и в Басагары и в Кызылы... А приехав Молчану в те волости и съехатися з Бурнашом Никоновым и стати ему в Басагарах на угожем месте где б мочно поставити острог на Миусе реке в верх. А став, велети учинить

¹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1257. Л. 11; Стб. 1669. Л. 1.

караулы крепкие на конех и проежные станицы и поставит ему в Мелесцах или в Басагарах или в Кизылах или выше по Миюсу острог на угожем месте, где б к пашням и к рыбным ловлям и к санным покосом»².

О том, что острог все же должен быть поставлен в Мелесской волости, мы узнаем из заключительной части памятей: «Да ему жа, Молчану, оставить конных казаков в астрешке тритцать человек и велеть им быти дакуды снеги укинут гаразда и дакуды есак с мелеских людей государев возмут весь сполна, для того, чтобы пришедчи киргиские или иные люди над острошкам какова дурна не учинили и ясачных государевых людей не извоевали. А будет учнут приходити какие воинские люди в Мелесские волости на ясачных людей и им приказати на тех людей хадити с пешими казаки из астрешка по сей наказной памяти»³ (выделено мной. – В. Д.). Много места в памятях занимают указы томских воевод о сборе ясака с киргизов, тубинцев, матаров и других ясачных волостей, а также о недопущении грабежей ясачных людей со стороны служивых.

Грамоты публикуются по «Правилам публикации исторических документов в СССР» (М., 1990).

№ 1. 1621 г. сентября 13. — Наказная память томских воевод И.Ф. Шаховского и М.И. Радилова томскому казачьему голове М. Лаврову о поездке в Мелесские волости, в Басагары и в Кизылы и строительстве на р. Июс острога и взятии ясака с киргизов, тубинцев, матаров и других волостей.

(Л. 11) Лета 7130 году сентября в 13 день по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии указу воеводы князь Иван Федорович Шеховской, Максим Иванович Радилов велели ехати казачьей голове Молчану Лаврову в верх Чулыму реки в Мелесские волости и в Басагары и в Кизылы, а с ним послано томских служивых людей, конных литвы и казаков, девяносто восемь человек, а кому имянем с ним, с Молчаном, служивым ехати и Молчану дан имянной список. А приехав Молчану в те волости и съехати-ся з Бурнашом Никоновым и стати ему в Басагарах на угожем месте, где б мочно поставити острог на Миюсе реке вверх. А став, велети учинить караулы крепкие на конех и проежные станицы и поставит ему в Мелесцах или в Басагарах или в Кизылах или выше по Миюсу острог на угожем месте, где б к пашням и к рыбным ловлям и к санным покосом // (Л. 12) и ко всяким угожьям. Да с ними Бурнаш Никонов с служивыми людьми с пешими казаки.

Какова же даст бог острог поставити и совсем укрепя, и Молчану с служивыми людьми с конными казаки ехати в Киргизы. А приехав в Киргизы, взяти с киргиских людей государев ясак по государеву указу по десяти соболей с человека и велети киргиских ясачных людей переписать имяны. А взяв государев ясак с киргиских людей, ехати в Тубу и в Матары и в ыные волости и приводити тех волостей людей под государеву царскую высокую руку. А будет тех волостей которые люди под государеву царскую высокую рукою быти не похотят и учинятца не в послушанье и Молчану с Осипом Кокоревым над теми непослушники промышляти всякими промыслами, смотря по тамошнему делу, и посылати на тех непослушников томских служивых людей и татар

сколько человек пригож и велети тех волостей людей воевать и жен их и детей в полон имать, а лутчих людей велети имати и приводити в Томской город для закладов. Да и самому Молчану потому ж на тех ослушников с служивыми людьми ходити и над ними всякими мерами промышляти и государев ясак с них собрать. А будет тех // (Л. 13) волостей люди под государеву царскую высокую рукою быти похотят и Молчану тех волостей людей приводити под государеву царскую высокую руку ласкою, а не жесточью. А приветчи Молчану с Осипом тех волостей людей под государеву царскую высокую руку, и утвердя всех ясачных людей накрепко, ехати Молчану с томскими конными казаки в Томской город.

А ехати Молчану с служивыми людьми в Басагары и в Кизылы и в Тубу и в Матары и в ыные волости и назад в Томской город дорогою⁴ и на местех стоячи бережно и усторожливо с великим береженьем, и по сторонам велети ехати по крыляном, и перед войском велети ехати наперед неподалеку добрым служивым людем на добрых конех, розведывая накрепко, и на станех ставитца в крепких местех, и сторожей около всего войска и отъезжие караулы со всех сторон ставити крепкие и усторожливы, чтоб на дороге и на станех искрадом какие люди не пришли и дурна б над ними которого не учинили. Да и то б Молчану беречи и смотреть над служивыми людьми накрепко, чтоб томские служивые люди никаким дородством, дорогою едучи, не воровали и мелеских и кизыльских и басагарских и иных волостей // (Л. 14) государевых ясачных людей не грабили и насильство и обид некоторых ясачным людем не чинили и даром бы у них ничего не имали. А будет томские служивые люди учнут каким дородством воровати и ясачным людем обиды и насильства чинити и даром что у них имати и Молчану тех служивых людей ото всякого дородства унимати и, смотря по их винам, бить их батоги. А будет Молчан по сему наказу промышляти не учнет, или острогу не поставит, или какая поруха государеве службе учинитца, и Молчану за то от государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии быти в великой опале и в смертной казни. Да ему жа, Молчану, оставить конных казаков в астрешке тритцать человек и велеть им быти дакуды снеги укинут гаразда и дакуды есак с мелеских людей государев возмут весь сполна, для того, чтобы пришедчи киргиские или иные люди над острошкам какова дурна не учинили и ясачных государевых людей не извоевали. А будет учнут приходити какие воинские люди в Мелесские волости на ясачных людей и им приказати на тех людей хадити с пешими казаки из астрешка по⁵ сей наказной памяти. Воеводы князь Иван Федорович Шеховской и Максим Иванович Радилов печати свои приложили⁶.

№ 2. 1621 г. сентября 13. — Наказная память томских воевод И.Ф. Шаховского и М.И. Радилова томскому татарскому голове О. Кокореву о поездке в Мелесские волости, в Басагары и в Кизылы, строительстве на р. Июс острога и взятии ясака с киргизов, тубинцев, матаров и других волостей.

(Л. 1) Лета 7130 году сентября в 13 день по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии указу воеводы князь Иван Федорович Шеховской, Максим Иванович Радилов велели ехати татарской голове Осипу Кокореву вверх Чулым[у] реки в Мелесские волости и в Басагары и в Кизылы, а с ним послано чатцких и тулуманс-

⁴ а исправлено по смыслу, в тексте дорою;

⁵ б исправлено, в тексте к;

⁶ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1257. Л. 11–14.

² Там же.

³ Там же. Стб. 1257. Л. 14.

ких мурз и томских татар сто пятьдесят человек. А приехав Осипу в те волости и съехаться з Бурнашом Никоновым и стати ему в Басагарах или в Кызылах на угожем месте, где б мочно поставити острог на Июсе реке. А став, велети учинить караулы крепкие на конех и проежжие станицы и поставити ему в Мелесцах или в Басагарах или в Кызылах или выше по Июсу с казачьим головою с Молчаном Лавровым острог на угожем месте, где б к пашням и к рыбным ловлям и к санным покосом и ко всяким угожьям. Да с ними Бурнаш Никонов с служивыми людьми, с пешими казаки.

Кокова же даст бог острог поставят и совсем укрепят, и Осипу с мурзами и с тотары ехати в Киргизы, а, приехав в Киргизы, взяти с киргизких // (Л. 2) людей государев ясак по государеву указу по десяти соболей с человека, и велети киргизких ясачных людей переписать имена. А взяв государев ясак с киргизких людей, ехати в Тубу и в Матары и в ыные волости и приводить тех волостей людей под государеву царскую высокую руку. А будет тех волостей которые люди под государеву царскую высокую руку быти не похотят и учинятца не в послушанье, и Осипу с Молчаном Лавровым над теми непослушники промышляти всякими промыслы, смотря по тамошнему делу, и посылати на тех ослушников чатцких мурз и томских татар сколько человек пригож. И велети тех волостей людей воевати и жен их и детей в полон имати и лутчих людей велети имати и приводити в Томской город для закладов. Да и самому Осипу по тому ж на тех ослушников с мурзами и с тотарами ходити и над ними всякими мерами промышляти и государев ясак с них взяти. А будет тех волостей люди под государеву царскую высокую рукою // (Л. 3) быти похотят и тех волостей людей приводить под государеву царскую высокую руку ласкою, а не жесточью. А приведчи Осипу с Молчаном тех волостей людей под государеву царскую высокую руку и утвердя всех ясачных людей накрепко, ехати Осипу с чатцкими мурзы и с томскими тотары в Томской город.

А ехати Осипу с мурзами и с тотары в Мелесцы и в Басагары и в Кызылы и в Тубу и в Матары и в ыные волости и назад в Томской город дорогою и на местех стояти бережно и усторожливо, с великим береженьем, и по сторонам велети ехати по крыляном, и перед войском велети ехати наперед непо неподалеку добрым служивым людем на добрых конех, разведывая накрепко, и на станех ставитца в крепких местех, и сторожей около всего войска и отъежжие караулы со всех сторон ставити крепкие и усторожливы, чтоб на дороге и на станех искрадом какие люди не пришли и дурна б над ними которого не учинили.

Да и того Осипу беречь и смотреть над мурзами и над тотарами накрепко, чтоб мурзы и тотаровя никаким дородством, дорогою едучи, не воровали, и мелеских, и кизыльских, и басагарских и иных волостей государевых

ясачных людей не грабили, и насильств и обид никоторых не чинили, и даром бы у них ничего не имали. // (Л.4) А будет чатцкие мурзы и томские тотаровя учнут каким дородством воровати и ясачным людем обиды и насильства чинити и даром что у них учнут имати и Осипу тех тотар ото всякого дородства унимати.

А будет Осип по сему наказу промышляти не учнет или острогу не поставит или какая поруха государеве службе учинитца и Осипу за то от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии быти в великой опале и в смертной казни.

Да ему ж, Осипу, оставить татар в острошке тридцать человек и велеть им быти докуды снеги укинут гаразда и дакуды есак с мелеских людей государев возмут весь сполна, для того, чтоб пришед киргизские или иные люди над острошком какова дурна не учинили и государевых ясачных людей не извоевали. А будет учнут приходити какие воинские люди в Мелеские волости на ясачных людей и им приказати на тех людей хадити с пешими казаки из астрошка по⁷ сему наказу. Воеводы князь Иван Федорович Шеховской, Максим Иванович Радилов печати свои приложили⁸.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Элерт А.Х.* Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири до-советского периода. Новосибирск, 1988.
2. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 2000. Т. 2.
3. *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1895. Ч. 1.
4. *Бахрушин С.В.* Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3., ч. 2.
5. *Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды ТГУ. Томск, 1950. Т. 112.
6. *Абдыкалыков А.* Енисейские киргизы в XVII в. (исторический очерк). Фрунзе, 1968.
7. *Резун Д.Я.* Русские в Среднем Причудлырье в XVII–XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск, 1984.
8. *Резун Д.Я., Васильевский П.С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.
9. *Потапов Л.П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.
10. *Андреев А.И.* Примечания // Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 670–671.
11. *Кызласов Л.Р., Котков К.Г.* Хакасия в XVII – начале XVIII в. // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.
12. *Элерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.
13. *Добжанский В.Н.* Время и обстоятельства строительства Мелесского острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008.

Статья поступила
в редакцию 12.01.2012

⁷ *исправлено, в тексте к.*

⁸ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1669. Л. 1–4.

УДК 94(47).084.3

А.А. НИКОЛАЕВ

ПРОБЛЕМЫ КООПЕРАТИВНОЙ ТОРГОВЛИ И ЭКСПОРТА ЛЬНА В УСЛОВИЯХ НЭПА*

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: agricol@gmail.com

В научный оборот вводится стенограмма доклада члена правления Центросоюза К.Г. Петунина, в котором раскрываются экспортный потенциал российской кооперации в условиях нэпа, методы и способы продвижения льна на зарубежные рынки, система взаиморасчетов и ответственности различных уровней кооперативного управления и их взаимодействия с государственными и хозяйственными органами, а также излагается позиция автора по вопросу изъятия кооперативных средств на осуществление программы индустриализации.

Ключевые слова: Центросоюз, нэп, экспорт льна, кооперативная торговля и заготовки.

К.Г. Петунин относится к плеяде талантливых организаторов кооперативной торговли, он являлся одним из основателей крупнейшего кооперативного союза России – Закупсбыта, учрежденного в 1916 г. в Новониколаевске. Его многолетний опыт кооперативной работы в Сибири был связан с успехами в работе регионального кооперативного союза и послужил надежным трамплином для продвижения по служебной лестнице. После окончания Гражданской войны, когда многие кооперативные работники эмигрировали, а оставшиеся были репрессированы, К.Г. Петунин не подвергся преследованиям за принадлежность к Закупсбиту. Массовые аресты грозили полной дезорганизацией торгово-заготовительной деятельности. Поэтому после вмешательства центрального руководства аресты прекратились. В 1920–1921 гг. Петунин являлся членом коллегии распорядителей Сибирского отделения Центросоюза, в 1922 г. был выдвинут на руководящую кооперативную работу в Москву и до 1930 г. состоял членом правления Центросоюза, заведовал финансовым отделом. Как работник с дореволюционным стажем, он прекрасно владел рыночными методами хозяйствования и пытался в условиях нэпа в полном формате восстановить место потребительской кооперации в системе товарного обращения. В конце 1920-х гг. Петунин выступал в защиту финансовых интересов Центросоюза и противодействовал изъятию оборотных средств в государственный бюджет. Выдвигал и защищал идею создания самостоятельного финансово-кредитного центра потребительской кооперации – Покобанка. По его мнению, Госбанк мог быть только экзекутором по отношению к потребительской системе.

Позиция главного кооперативного финансиста всецело определялась стремлением защитить экономи-

ческие интересы Центросоюза и оградить его от банкротства в связи с предстоящим в 1929/30 г. изъятием из оборотных средств потребительской кооперации по решению правительства 500 млн руб. на нужды индустриализации. Намеченные размеры изъятий, по мнению Петунина, были невыполнимы. В письме, разосланном на места 24 октября 1929 г., он сообщал, что в случае выполнения намеченной правительственной программы Центросоюз потеряет как по линии кредита, так и вследствие дополнительных отчислений в бюджет нескольких сотен миллионов рублей. В своем докладе на заседании правления Госбанка 5 марта 1930 г. он поставил вопрос о переоценке возможностей потребительской кооперации, которая сама нуждалась в финансовой помощи, потому что уже в марте 1930 г. неплатежи потребительской системы государственной промышленности и Госбанку составляли 275 млн руб. [1, с. 47, 48].

Но эти соображения высказывались уже на излете кооперативной карьеры в советском Центросоюзе. В середине 1920-х гг. развилка между рыночными и административными методами управления не приобрела еще жестких очертаний, и кооператоры старой школы надеялись на полномасштабное восстановление рыночных отношений. Переход к нэпу сопровождался постепенным восстановлением внешнеэкономических связей России и активизацией кооперативной торговли со странами Западной Европы, куда до начала Первой мировой войны шли значительные потоки сельскохозяйственной продукции и сырья в обмен на промышленные товары.

В начальный период нэпа экономическая самостоятельность кооперации все еще существенно ограничивалась. Если в годы Гражданской войны у кооперации была отсечена функция заготовки и закупки сельскохозяйственной продукции, отошедшая к Наркомпроду, то в 1921–1923 гг. в условиях монополии внешней торговли значительная часть полномочий по импорту товаров для государственной промышленности была

* Публикация подготовлена в рамках проекта Президиума РАН № 33.2.2.

отдана советским внешнеторговым организациям. Они закупали промышленное оборудование и сырье на заработанную кооперацией валюту. Эта схема товарообменных отношений, ограничившая кооперацию в закупках зарубежных товаров, не могла не усилить монополистических тенденций государственных трестов и синдикатов, диктовавших цены на свою продукцию. Изоляция кооперации от прямых закупок промышленных товаров и сырья стала одной из важных причин образования «ценовых ножниц» на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, а также кризиса сбыта промышленных изделий в 1923 г. внутри страны. На этот момент в историографии практически не обращалось внимание.

Одну из важнейших позиций в номенклатуре кооперативного экспорта занимал лен. 1 августа 1924 г. К.Г. Петунин выступил на совещании по льну перед кооперативным активом с докладом «Методы работы

и план заготовок волокна на 1924/25 г.». В нем он раскрыл многие тонкости и приемы кооперативной работы, которые не утратили своей практической значимости до сегодняшнего дня. Анализ используемых кооператорами технологий организации торговли и выстраивания внутрикооперативных отношений помогает глубже понять сложности перехода от военно-коммунистических методов хозяйствования к рыночным и по достоинству оценить накопленный дореволюционный опыт.

Документ публикуется по следующим правилам: сохранены орфография и стилевые особенности текста, без оговорок исправлены явные опечатки машинописного текста. Многоточия в квадратных скобках ставятся в местах нечитаемых фрагментов источника. Дописанный автором публикации текст (раскрытие неприятых сокращений) приведен в квадратных скобках. Воспроизведено зафиксированное в источнике выделение текста (заглавные буквы и подчеркивание).

Доклад К.Г. Петунина по вопросу организации кооперативной торговли и экспорта льна

г. Москва

1 августа 1924 г.

ДОКЛАД ЧЛЕНА ПРАВЛЕНИЯ К.Г. ПЕТУНИНА НА СОВЕЩАНИИ ПО ЛЬНУ

1-го августа 1924 г.

«Методы работы и план заготовок волокна в 1924/[2]5 г.г.»
(стенографический отчет)

История, в особенности история хозяйственного быта, нас учит, что в каждый отдельный исторический момент в существующей форме хозяйства можно всегда найти три звена: одно, основное, относящееся к данному историческому моменту и составляющее настоящую историю. Рядом с этим звеном в виде как бы конца встречаются всегда пережитки прошлого периода, прошлой истории, и одновременно наверху нарастает уже новое звено – будущая история. Получается как бы одна непрерывная цепь, у которой нет конца, непрерывное движение истории. Однако историки все же делят историю народов на отдельные эпохи и делят правильно, ибо каждая эпоха имеет свои настолько характерные особенности, что они позволяют выделить ее от других периодов. То же самое можно сказать и про нашу теперешнюю работу по сбыту сельскохозяйственных продуктов. В ней имеются элементы и недавнего прошлого наряду с основными элементами настоящего, характерная особенность которых заключается в том, что они по существу являются формой переходной, и, наконец, нарастает и форма будущего.

Мне кажется, на нашем настоящем совещании и к предстоящему новому сезону вообще мы подходим к некоторой грани, с которой должна будет начаться в н[ашей] работе по сбыту с[ельско]х[оз]яйственных продуктов новая эпоха. Наше предложение, которое мы имеем вам сделать и которое должно будет воплотиться в жизнь, если вы его одобрите, до известной степени будет знаменовать собой поворот в н[ашей] работе. Это не есть обратный поворот или поворот [на] 90 градусов, а естественный поворот, который хозяйство вообще допускает возможным сделать. Путем сравнения того, что было с тем, что предлагаем теперь, попытаемся уяснить сущность предлагаемых изменений.

Что же было в прошлом до сегодняшнего дня. Начатая нами работа по сбыту с[ельско]х[оз]яйственных продуктов и, в частности, по сбыту волокна на внешнем рынке в 1921 г. была обусловлена и возникла вследствие нашей потребности в иностранной валюте, и эта потребность была не только со стороны кооперации, но и со стороны всего государства, вызывавшаяся тем, что хозяйственные условия требовали импорта. К этой основной причине прибавлялась и другая, вытекавшая из необходимости налаживания вообще хозяйственной и торговой жизни страны. Между прочим, этот период характерен тем, что мы должны были работать и оперировать падающей валютой. Здесь перед нами вставал вопрос об устойчивости вообще н[ашей] работы и необходимости страхования от риска убытков. Сбыт с[ельско]х[оз]яйственных продуктов, казалось нам, давал такое страхование.

Далее товарообменная форма торговли, в начале единственно возможная, обуславливала необходимость работы одновременно и по товароснабжению, и по сбыту с[ельско]х[оз]яйственных продуктов. Достаточно вспомнить [19]22/23 г., когда госпромышленность должна была нас снабжать фабрикатами русского производства против передачи ей иностранной валюты для покупки нужного промышленности заграничного сырья. Ясно, что в тот период характер нашей работы определялся этими причинами. Методы работы соответствовали задачам. Теперь картина несколько изменилась. Уже нет той потребности в иностранной валюте, какая была раньше. Вернее, эта потребность имеется, но она удовлетворяется нормальным путем через кредитные учреждения. Благодаря денежной реформе элемент необходимости страхования операции от риска

вследствие обесценения денег в настоящий момент отпал. Таким образом, у нас остается то, что было и раньше как само собой разумеется, но что теперь является доминирующим и единственно должествующим направлять н[ашу] работу – это потребности хозяйства, которое мы кооперировали и будем еще кооперировать. Этого требуют интересы крестьян и бюджеты кооперативов. Наряду с товароснабжением нужно вести и работу по сбыту с[ельско]х[озийственных] продуктов. Но метод работы через кооперацию в связи с причинами, обуславливающими сбыт с[ельско]х[озийственных] продуктов, должен быть изменен. Какой же это должен быть метод. Метод не новый – принц[ип] комиссионно-посреднического сбыва, и этот метод должен быть нами принят и установлен как незыблемое начало. Мы должны сказать, что взаимоотношения Ц[ентросою]за с союзной периферией с этого наступающего сезона могут совершаться только этим методом; этот же принцип должен проводиться и союзами по отношению к сдатчикам сырья. Новый метод обуславливает и те изменения, которые должны быть сделаны в самом подходе к н[ашей] работе. Если раньше н[аша] работа по сбыту с[ельско]х[озийственных] продуктов покоилась на инициативе центра, и в соответствии с этим и средства специальные и целевые исходили сверху, что как раз и характеризовало н[ашу] работу прежнего периода, то теперь должно быть обратное. Инициатива должна идти из первоисточника, и здесь уже служебная роль будет принадлежать не периферии, как это было раньше, а верхам, и чем крупнее кооперативный орган, тем больше должна быть его служебная роль. Комиссионный принцип должен превратить кооперативные центры в служебно-исполнительные органы. Отсюда вытекает и то, что если не будет общегосударственного лимитирования цен, то не будет и нашего лимитирования. Вся инициатива в отношении установления цен будет принадлежать вам. Мы же возьмем на себя лишь роль ваших советчиков и информаторов, используя для этого материалы более широкие, чем доступные вам. Соответственно с этим перекладывается, конечно, и ответственность сверху на низы. И если теперь некоторые места выражают недовольство на лимитирование цен, то в будущем этому недовольству не должно быть места, так как инициатива станет принадлежать периферии, но одновременно и ответственность за ошибки и увлечения будет также ложиться на периферию.

Таким образом, весь страх и риск будет лежать на тех, кто в каждый данный момент будет хозяином положения. Если комиссионный принцип будет доведен до первоисточника – крестьянина, это будет означать, что хозяином, а стало быть, и получателем возможных результатов станет крестьянин-сдатчик волокна. Таким образом, наряду с преимуществами, с правом всяческой инициативы на положении хозяина и хозяйская ответственность переходит от центра к низу. Но, разумеется, и все выгоды, которые могут проистекать из хозяйского положения первичной сети или самого сдатчика, идут к хозяину. Всякий договор, который мы будем заключать, целиком пойдет в пользу хозяина. Наше положение – служебное, комиссионно-посредническое, и таковая должна быть роль союзной системы, когда она осуществит принцип своих взаимоотношений с низовой сетью. В соответствии с таким конкретным изменением наших прав и обязанностей, с изменением характера наших взаимоотношений, очевидно, и наши функции по сравнению с прежними несколько изменятся. Мы полагаем, что наша функция – организация сбыва на рынках внутреннем и вне-

шнем, организация финансирования заготовки всей системы; организация контроля над техникой обработки товара. Вот основное, что должно составить наши обязанности наряду со всегда необходимым условием постоянной отчетности и информации. Задача организации самой заготовки, техника заготовки и руководство коммерческое по преимуществу падает на союзную систему. Приведение товара в стандартное состояние потребует от вас большей ответственности, чем прежде, ибо мы никакого риска не несем. Все недостатки, тем более недобросовестность будут на счету того, кто недоглядел или сознательно искажал некоторые коммерческие истины. Так характеризуются наши права и обязанности в предстоящий сезон, если, конечно, вы согласитесь с нашим положением.

Я уже указывал, что все, что мы предлагаем, должно быть пограничным столбом на грани старой и новой эпохи наших взаимоотношений, но все-таки это не есть крутой поворот, и кое-что от старого мы должны привнести в новое – как элемент, обеспечивающий успешность нашей работы на новых началах. В числе таких существенных мер, которые мы можем из старого периода перенести в новый, является то, что мы принимаем на себя обязанность будучи только комиссионерами, не заинтересованными в коммерческих результатах, все-таки финансировать вас за свой счет из своих собственных средств, в виде некоторого аванса, рассчитанного на успешное проведение кампании. Далее мы берем на себя организацию финансирования не в договоре, который мы с каждым из вас в отдельности подписываем и заключаем, мы принимаем на себя обязательство достаточным образом финансировать все операции, поддерживая их непрерывностью. Но ввиду этого мы сохраняем на ближайший переходный период другие два момента, относящиеся к нашим правам и вашим обязанностям. Это прежде всего право нашего свободного маневрирования с товаром, в отношении которого вы дадите нам обязательство в виде договора, что даете нам этот товар на комиссионную продажу в определенном количестве. Это необходимо для того, чтобы мы могли создать необходимые условия для финансирования. Это значит, что в пределах количества, которое вы нам заявите обязательным к сдаче через нас, мы будем иметь право продавать его, как найдем нужным. И второе наше право или, скорее, ваша обязанность состоит в том, что исполнение обязательств, которые вы на себя принимаете, мы будем считать более жестким, чем в прошлом сезоне, ибо, очевидно, работая на принципе комиссионном, мы не будем иметь никаких своих товарных резервов и, не имея их, не сможем какие-либо прорехи, допущенные кем-то, чем-то восполнить. Мы жестко должны будем требовать все заявленное количество до последнего фунта. И если в прошлом, когда наряду с работой по смешанной форме мы практиковали закупки за твердый счет и даже в небольшом количестве у частных лиц, если в прошлом мы должны были пойти на некоторый скандал, свидетелями которого мы все были, в виде протеста на нашем адресу со стороны Старо-Русского союза, чтобы выполнить заграничные обязательства, то если мы не будем иметь от вас полного количества заявленного товара, судите сами, в какое скандальное положение мы попадем, работая на новых условиях. Между тем, у нас будет стоять дилемма: или оскандалиться за границей, где мы в целях привлечения средств должны выполнить наши обязательства, или мы должны будем дезорганизовать кооперативную работу внутри страны. В прошлом мы пред-

почитали оскандалиться здесь, а за границей выполнили свои обязательства. Но сейчас, как комиссионеры, мы требуем от вас самого категорического неуклонного исполнения обязательств, которые вы сами добровольно заявите.

Как же конкретно мы мыслим себе осуществить это финансирование? Я изложу вам это в схеме, как это нам рисуется на основании данных, которыми мы сейчас располагаем. Мы полагаем, что всю работу мы должны будем базировать на тех средствах, которые менее всего нас свяжут и которые по своей природе наиболее выгодны для нас. Первое – собственные средства, второе – банковский кредит. Эти средства отличаются тем, что не связывают нас продажей во времени или продажей кому-либо определенно. Мы полагаем, что мы могли бы выделить примерно около 10 % всей стоимости, предположенной к заготовке волокна, или, говоря конкретно, выделить на эту операцию около полутора миллионов рублей в течение известного промежутка времени. Мы представляем себе возможным взять такого рода ассигнование из собственных средств в качестве оборотных средств для нашей периферии в два срока: половина – до 10 октября с момента подписания договора и половина – до 10 ноября. Далее на основании имеющегося опыта, который позволяет нам в этом отношении надеяться на продолжение его и дальше, мы надеемся привлечь заграничный банковский кредит в форме кредита, который мы реализуем по отправочным документам, – кредит наиболее дешевый и менее всего связывающий нас в маневрировании с товарными массами на рынке.

Наконец, мы думаем, что наша работа, а также усиление льноводства в общей системе хозяйства республики дадут нам возможность поставить в надлежащих кредитных учреждениях и вообще в госучреждениях вопрос о представлении нам на известное время хотя бы краткосрочного, месяцев до 4-х, целевого кредита. Мы полагаем, что такое право имеем, и вы должны будете обсудить этот вопрос и высказаться по нему и, таким образом, достаточно энергично подкрепить нас в этом решении. Далее мы полагаем, что если всех этих ресурсов все же будет недостаточно, надо будет пойти по тому пути, который ныне нами был пройден, т.е. пойти на сделки с заграничными, по преимуществу с торговыми фирмами на предварительную запродажу и на поставку на срок. В прошлом мы практиковали формулу с продажей на срок при обязательной цене на весь период времени. Во-вторых, мы практиковали сделки с правом преимущественной покупки контрагентом, который нас финансировал. Мы предполагаем, что, когда наших ресурсов будет недостаточно, мы пойдем на такое обязательство, которое может нас немного и связать и может быть урезать в возможных результатах. Само собой разумеется, что все эти ресурсы финансовые, которые мы обещаем вам изыскивать и вложить в операции имеют свои границы в тех договорах, которые мы будем заключать. Переходя теперь к общей сумме ресурсов, которые поддаются нашему учету и которые возможно привлечь, необходимо прибавить к ним как неперемное условие ресурсы местной кооперации – ваши союзные ресурсы в таком же размере, как наши собственные. Мы считаем это условие минимальным. Каждая организация, которая получит от нас по заключенному договору в виде нашей финансовой помощи первоначальный аванс, должна будет вложить в данную операцию такую же суммы на тот же период времени, который авансируем и мы. Мы думаем, что наши авансы мы будем держать в операциях неподвижно до 15 января, и только после 15 января этот аванс будет удерживаться в соответствии с остающимся

к поставке количеством товара. Следующий существенный вопрос, который и в нашей нынешней практике стоял остро и который подвергся некоторому обсуждению и трактовке по предыдущим докладам, является вопрос о том, как сделать так, чтобы все организации правильно и равномерно в соответствии с особенностями своего района участвовали в экспорте и в поставках для внутренней промышленности. Правильное разрешение этого вопроса важно потому, что рыночные цены там и здесь в прошлом были очень различные. Мы, Центросоюз, полагаем, что мы должны взять на себя такое обязательство: в органах, где будет составляться общий план относительно количества, подлежащего поставке госпромышленности и вывозу за границу, мы должны отстаивать сохранение реальной пропорции, во-первых, в отношении ассортимента товара в том соответствии, которое требуется промышленностью и, во-вторых, в соответствии с теми заготовками, которые мы, система потребкооперации, будем производить.

Таким образом, давая свою часть, которая на нас будет возложена, мы должны ее отдать далее так, чтобы все наши отдельные районы имели бы в соответствии с общей разверткой правильное количество волокна для экспорта. И уже на основании проведенного в таком порядке в общегосударственном масштабе плана мы обязуемся в отношении каждого отдельного района давать назначение определенного количества на экспорт и определенного количества на промышленность. Вот как мы полагаем ныне уже более организованно подойти к разрешению вопроса. Мне кажется, сейчас нам легче осуществить это, так как разговор об этом сейчас мы ведем заблаговременно, а в прошлом году разговор этот начался в середине сезона, и нам было значительно труднее правильно планировать.

В предлагаемой нами схеме общей работы и наших дальнейших взаимоотношений с вами что мы возлагаем на вас в смысле получения вознаграждения за нашу работу? Мы возлагаем на вас возмещение всех действительно понесенных нами расходов по финансированию. За все средства мы возьмем с вас известный процент, тот же процент, что берет Всекобанк. За средства, привлеченные откуда-нибудь извне, мы поставим вам точную стоимость их, т.е. столько, сколько мы платим – будь то на внутреннем или на внешнем рынке. В каждом случае будет ставка, которую мы сами платим. Затем вы покрываете все расходы, связанные с передвижением, хранением и продажей и, наконец, условная по договору комиссионная плата в возмещение наших организационных расходов. Я сейчас не могу назвать вам размера комиссии, которую мы возьмем за работу, потому что этот вопрос особняком стоит на совещании заграничных работников. Мы там будем торговаться и в зависимости от результатов этой торговли установим нашу комиссию. Что касается информации и отчетности, то в первой части мы полагаем, поскольку мы не будем связывать вас, и вы не обязаны нас слушаться в вопросах цен и коммерческих расчетов, постольку мы будем считать себя обязанными лишь усовершенствовать постановку информации в коммерческой части. Наш двухнедельный бюллетень мы сделаем более частым и усовершенствуем его таким образом, что вопросам работы на рынках уделим должное внимание. В вопросах об отчетности, точнее говоря, о расчетах, мы должны принять на себя обязательство в противоположность настоящему, когда мы производили оплату по вычислению прибыли в конце сезона, доплачивать не доплаченную в предварительном порядке стоимость во-

локна по мере продажи. Таким образом, рассчитываться с вами мы будем по известной системе не менее раза в месяц по продажам, которые за предыдущий месяц произведены за границей. Доплачиваемая нами сумма будет составлять всю разницу между ценой, полученной вами ранее и настоящей продажной заграничной ценой.

После этих объяснительных замечаний к нашему предложению я хотел бы перейти к изложению вам того плана, который теперь может рассматриваться нами лишь как ориентировочный. Этот план построен на тех предположениях, о

которых уже вскользь упоминал в своих ответах на вопросы тов. Митюшин. Он построен на благоприятных условиях нашей предполагаемой суммы валового сбора около 11 миллионов и выхода на рынок волокна около 7 миллионов пудов. Из этих предположений, сохраняя или желая сохранить в предстоящем сезоне наше положение, мы проектируем заготовить миллион четыреста пятьдесят тысяч пудов волокна, причем из них льна 1 080 000 пудов и кудели 370 000 пудов. По районам это намечается таким образом:

ПЛАН ЗАГОТОВКИ ЛЬНА И КУДЕЛИ В СЕЗОН 1924–25 г.

Район или контрагент	Лен, в пудах	Кудель, в пудах	ВСЕГО, в пудах
И.С.П.О.	150000	–	150000
Союзы Вятской губ.	40000	250000	290000
Сев[еро]-Двинск[ий] губ[союз]	5000	–	5000
Бежецкий райсоюз	70000	–	70000
Верхне-Волжск[ий] р[айсоюз]	40000	–	40000
Весьегонский [райсоюз]	40000	5000	45000
Рыбинский [райсоюз]	60000	5000	65000
Ярославский г[убсоюз]	30000	3000	33000
Вологодский [райсоюз]	30000	3000	33000
Костромской [райсоюз]	3000	2000	5000
Нижегородск[ая] к[онто]ра	15000	–	15000
Тверск[ой] р[айсоюз] с Осташк[...]	30000	7000	37000
Ржевский райсоюз	80000	–	80000
Сычевский [райсоюз]	60000	–	60000
Вяземский [райсоюз]	35000	–	35000
Смоленский [райсоюз]	15000	5000	20000
Бельский [райсоюз]	12000	5000	17000
Витебский г[убсоюз]	75000	5000	80000
Союзы С[еверо]-З[ападной] обл.:			
сланцы	10000	15000	25000
моченцы	170000	5000	175000
Трудсоюз 1 гр. моченцы	30000	–	30000
Пермско-Камск[ий] район	5000	35000	40000
Калужский райсоюз	50000	–	50000
Сибирь и разн[ые]	25000	25000	50000
ИТОГО	1080000	370000	1450000

Вот как проектируется нами план общей работы и работы по районам. Товарищи, работающие на местах, на основании их опыта в своих районах должны будут сделать ему должную оценку и критику, но во всяком случае отнести к нему как к плану перспективному. Касаясь вопроса о работе с посевным семенем, мы вам ни плана перспективного, ни тем более плана рабочего не представляем, потому что ныне эту работу мы полагаем повести лишь в пределах твердых нам поручений со стороны районов, которые будут нуждаться во ввозе посевного семени. Если такие заказы поступят к нам своевременно, мы обязуемся семя заготовить и отсортировать.

Касаясь финансового плана, который возможен в наших условиях, я должен сказать, что он представляется нам в следующем виде: по опыту нашей работы, сырьевой вообще и работы по волокну в частности, мы можем установить, что средняя продолжительность нахождения в обороте затраченных нами средств от момента первоначальной заброски их в работу до полного возврата их с рынка продажи, относящаяся как к работе на внутреннем рынке, так и на внешнем, занимает примерно 4 месяца. Стало быть, затраченные кооперацией в период льняного сезона средства в течение восьми месяцев могут обернуться два раза. Исходя из этого соображения и оценивая нашу перспективную программу заготовок волокна

в полтора миллиона пудов, общая сумма средств, постоянно находящаяся в обороте, должна равняться примерно 7 миллионам рублей. Я уже говорил, что около 1 1/2 миллионов будет вложено нами. Это средства из наших источников. Вторую такую же сумму мы требуем от мест и, таким образом, считаем 3 миллиона собственных кооперативных средств. 2 миллиона в качестве постоянно находящихся в обороте средств мы привлечем путем получения аванса и аккредитивов из-за границы – на это мы рассчитываем на основании опыта настоящего года. Таким образом, в перспективе имеем 5 миллионов рублей. Наконец, авансы по поставкам внутренней промышленности тоже что-нибудь дадут, но эти авансы в этом сезоне составляли в лучшем случае 50 % стоимости месячных поставок, так что в лучшем случае они могут дать 300[000]–400 000 рублей. Значит, от полутора до двух миллионов рублей нам все-таки будет не хватать для того, чтобы осуществлять нашу работу, с точки зрения прошлого опыта и организационно-технических возможностей, вполне реальную. Я думаю, что вы скажете, что такой целевой кредит должен быть нам отпущен и что правление Центросоюза должно принять исчерпывающие меры к изысканию недостающей суммы внутри страны.

ДЪЯКОНОВ. Ввиду того, что доклад имеет серьезное значение, разрешите попросить всех товарищей представить свои вопросы докладчику в письменном виде через несколько минут (принимается).

ПЕТУНИН. (Читает). «В каком размере были привлечены наши кредиты в этом сезоне и на какой срок». Нужно сказать, что условия осеннего кризиса поставили Центросоюз в особый финансовый режим, и за весь этот период времени мы не пользовались внутри страны никакими целевыми кредитами и даже больше того: вообще кредит был приостановлен для нас. За весь этот период времени до июля включительно в смысле кредитного режима мы стояли перед необходимостью уменьшать нашу прежнюю задолженность. Таким образом, никаких сезонного характера целевых кредитов для операций по льну со стороны кредитных учреждений нам отпущено не было.

(2 вопрос). Тут ко мне поступил целый ряд записок относительно того, как местная кооперация, если она бедна, иногда в богатых волоконном районах может изыскать необходимые средства, чтобы вложить их в оборот, как я указывал. Я думаю, товарищи, что как бы беден в том или ином районе кооператив ни был, все-таки некоторая сумма ресурсов своих или чужих у него есть, и если в таких районах волокон действительно является одной из основных баз экономического благосостояния населения и к работе с ним население побуждает кооперацию, ясно, что из небольших хотя бы ресурсов своих или привлеченных наряду с выдвинутыми средствами на товароснабжение какая-то часть может быть выделена. Ясно, что привлечение средств из более глубокой периферии, а тем более от самого населения потребует проявления максимальной активности, и к этой активности сам по себе наш метод и призывает. Даже больше того – возможность его осуществления до конца имеется только при этой активности. Мы в кооперативной работе подошли к той грани, когда мы свою основную работу должны базировать и фактически уже базируем на активности наших членов. И если этой активности в силу неподготовленности населения или по другим причинам проявлено не будет и не будут изысканы источники для налаживания хотя бы в минимальной степени нужной работы, то, очевидно, придется подождать

и сказать: «Еще нужно время для данного района и данной работы, чтобы она организовалась».

Надеемся сейчас на насаждение работы сверху, как это было раньше, не приходится. Мы зимой уже были поставлены в известные рамки, и как ни велико желание государства, чтобы кооперация гигантскими шагами шла вперед, этому желанию все-таки имеются границы материального характера. Здесь вывод жесткий, но его надо иметь в виду: если нельзя начать дело, то и не надо; тогда надо сначала начать работу по подготовке.

(3 вопрос): «Дайте разъяснение постановления собрания уполномоченных и совета Центросоюза»... Ответ: Я, к сожалению, не имею под рукой материалов и текстуально процитировать соответствующие постановления не могу, но общий смысл вам передам. Общий смысл таков: собрание уполномоченных и совет возлагают на правление обязанность переменить методы его работы, применявшиеся в прошлом, на метод комиссионно-посреднический. Центросоюз, согласно решения правления, применял этот метод в текущем сезоне в отношении волокна. Но вообще я не утверждаю, что реальное осуществление этого плана или этого принципа может совершиться по шучьему велению. Напротив, экономика не знает таких путей, по которым можно было бы по шучьему велению делать повороты. Очевидно, в зависимости от подготовки населения к общей работе, от уровня его благосостояния потребуется различное время для осуществления этого принципа, к которому мы должны идти.

(4 вопрос): «Считаете ли вы для данных условий заготовки достаточно подготовленным население к комиссионной работе»... (Ответ). В предыдущих ответах отчасти было отвечено и на этот вопрос. Я могу еще добавить, что отсутствие совершенного аппарата в идеальном смысле, отсутствие полного сознания у крестьян или, вернее, правильного сознания своих собственных коммерческих интересов никогда не было поводом для кооперации отказаться от работы по кооперированию. Эта задача есть оправдание нашего существования и отличие его от всяких других организаций, которые оперируют, имея другие, им свойственные цели, но не наши. Несмотря на возможные сомнения в этом случае, мы работу по кооперированию населения должны вести, и только в направлении этой работы мы должны сосредоточить свое внимание, ибо если бы мы этого не делали, нам не надо иметь вывеску «кооперация», а надо просто превратиться в торговый аппарат, который осуществляет распределение товаров во времени и пространстве.

(5 вопрос): «Что побуждает вводить это начало – причины денежного порядка или необходимость кооперирования». (Ответ): Это продолжение того же вопроса. Причины – необходимость для кооперации вести эту работу и влить в нее надлежащее содержание.

(6 вопрос): «На кого будут отнесены убытки по операциям, если всю прибыль передавать населению». (Ответ): Совершенно правильно; в значительной степени из соображений того же порядка мы в прошлом оставляли за собой некоторое количество прибылей, как резерв для покрытия возможных убытков и даже не только по этим убыткам, но и по другим. Нам необходимо нащупать время, когда можно будет полностью осуществить этот принцип без риска подорвать благополучие самой организации, без риска ее погубить. Это одна сторона вопроса, но есть и другая сторона: завоевание должного доверия кооперированного населения, которое не гналось бы за теперешней ценой, а получало бы

известную ссуду, гарантирующую организацию от убытка и позволяющую крестьянину получить полную сумму потом. Это – песня будущего, но мы все в будущем.

(7 вопрос): «Есть ли гарантия аккуратной выплаты по дубликатам за волокно в предстоящем операционном году». На одной моей мысли вы могли уже заметить, что работу свою мы собираемся базировать, во-первых, на этой целевой стороне, т. е. чтобы эта работа вполне отвечала задачам кооперации. Другая сторона, которая непременно будет осуществляться Центросоюзом по теперь составленным планам на предстоящее полугодие, – это, предусматривается, состоит в том, что мы будем строить работу, посильную для нас, и при заключении договора мы выдадим вам обязательство такое, которое мы в состоянии при условии внутреннего и внешнего кредита выполнить. Это линия, которую мы жестко в этом сезоне будем проводить.

(8 вопрос). ГОЛОС С МЕСТА. У Вас в тезисах указано, что аккредитивы вы оплачиваете по внутренним операциям на 100 %, а по заграничным – на 60 %. Есть ли гарантия, что эти 60 % заграничных будут равняться 100 % стоимости на внутреннем рынке, или они могут быть ниже.

ПЕТУНИН. Я заключил свое слово и изложение схемы финансирования указанием на то, что пределы финансирования лежат в тех договорах, которые мы заключаем. Но мы считаем для себя обязательным организовать привлечение средств для оплаты полной стоимости на внутреннем рынке.

Что касается заграничные, то более 60 % мы не получим. Во-вторых, в условиях теперешних соотношений это есть более чем 100 % заготовительной цены, ибо помимо этих 60 % имеются еще некоторые слагаемые, т.е. 10 % задатка – это уже 70 % и 15 % расходов по экспорту и продажа, которую мы будем производить, – это уже 85 % рыночной стоимости. Таким образом, работая при условии 60 %, мы имеем к возможной доплате только 15 %.

(9 вопрос): «С какого времени вы начинаете авансировать». С момента подписания договора. Я думаю, что договора мы будем заключать, когда у союзов явится возможность произвести учет урожая и сделать более или менее твердые предложения, за которые союзы смогут вполне ручаться в смысле количества. Наконец, я должен отметить, что значительная доля союзов этот аванс уже имеет в виде средств, которые задержались у них от прошлогодних заготовок.

РГАЭ. Ф. 484. Оп. 7. Д. 485. Л. 1–17.
Машинописная стенограмма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев А.А. Чистка руководящего состава Центросоюза в 1930 г.: цели и способы осуществления // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2.

Статья поступила
в редакцию 02.03.2012

УДК 94(47).084.6

В.А. ИЛЬИНЫХ

1932-Й ГОД: «ЛЕВАЦКИЕ ПЕРЕГИБЫ» В ПОЛТАВСКОМ РАЙОНЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: agro_iwa@mail.ru

В научный оборот вводится документ с информацией о результатах проверки деятельности партийно-советского руководства Полтавского района Западно-Сибирского края в 1932 г., в ходе которой были зафиксированы многочисленные «левацкие перегибы»: издевательство над крестьянами, раскулачивание колхозников, «принудительное» обобществление скота, незаконные аресты, обыски, штрафы, конфискации имущества, «командование» колхозами. Проверяющие также выявили факты присвоения функционерами колхозного имущества, очковтирательства. Изображенная в документе картина является типичной и репрезентативной, представляя сложившуюся в деревне социально-экономическую и политическую ситуацию.

Ключевые слова: аграрная политика, коллективизация, раскулачивание, колхозы, партийная номенклатура, Сибирь.

Начавшаяся в 1930 г. массовая коллективизация в стране должна была решить задачу замены мелко-товарного уклада крупным. Уже в 1931 г. аграрная экономика Западной Сибири перестала быть крестьянской. Организационно-производственной основой новых аграрных отношений стали колхозы, которые представляли собой базовый инструмент сверхнормативного отчуждения сельхозпродукции. Ее изъятие, а также так называемое организационно-хозяйственное укрепление колхозов обеспечивались внеэкономическим принуждением и массовыми репрессиями.

Летом 1931 г. юго-западные районы Западно-Сибирского края поразила сильная засуха. Валовой сбор зерна, по официальным данным, снизился по сравнению с предыдущим годом на 40 %¹. Несмотря на это, тяжесть налогово-податного обложения деревни возросла. Хлебозаготовки превратились в настоящие грабеж колхозов. Некоторые из них под давлением властей сдавали практически все выращенное зерно.

¹ Сельское хозяйство СССР: Ежегодник 1935 г. М., 1936. С. 270.

Многие колхозники остались без хлеба. На уровень их продовольственного обеспечения негативно повлияла проводившаяся в крае осенью 1931 г. кампания по принудительному «обобществлению» скота, находящегося в собственности членов колхозов². Крестьяне вынуждены были сдавать государству в счет мясопоставок значительное количество принадлежавших им животных. В результате в южных районах Сибири, наиболее пострадавших от неурожая и действий властей, уже осенью 1931 г. начался голод.

Нехватка семян, изъятых в ходе хлебозаготовки, могла сорвать весеннюю посевную кампанию. Руководители Западно-Сибирского края возложили дело «спасения утопающих на самих утопающих». 22 января 1932 г. бюро крайкома ВКП(б) решило организовать заготовку семян зерновых культур для недородных районов в районах более урожайных. Все расходы по заготовке и доставке семенного зерна возлагались на нуждающиеся колхозы. Районные власти обязывались разверстать на них «контрольные цифры» по сбору необходимых средств³. Поскольку денег в колхозах было мало, основная тяжесть по покупке семян в конечном итоге пришлась на колхозников. На местах сбор средств, который должен был быть добровольным, превратился в принудительный. При этом местные функционеры использовали в качестве мер «убеждения» угрозы, несанкционированные аресты, превращающиеся в издевательство психологическое давление. Полностью или частично отказавшихся от сдачи денег колхозников исключали из колхозов и подвергали раскулачиванию.

Для того чтобы разрядить резко обострившуюся в деревне социально-политическую обстановку, лидеры большевистского режима весной 1932 г. заявили о своем стремлении улучшить материальное положение крестьянства. 26 марта 1932 г. ЦК ВКП(б) осудил

практику принудительного обобществления скота колхозников [1, с. 406]. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 6 мая 1932 г. было обещано сокращение хлебозаготовительного плана на 1932 г.⁴

Летом 1932 г. Центр осудил приобретшие широкий размах самочинные антикрестьянские репрессии со стороны сельских функционеров. ЦИК и СНК СССР в постановлении от 25 июня 1932 г. констатировали «наличие все еще значительного числа нарушений» революционной законности со стороны должностных лиц «и искривлений на практике ее проведения, особенно в деревне», и потребовали «скорейшей» проверки заявлений о фактах нарушений законодательства должностными лицами, отмены незаконного раскулачивания колхозников, привлечения к «строжайшей» ответственности виновных в проводимых вне законодательных рамок арестах, обысках и конфискациях имущества, а также в применении «недопустимых приемов командования в отношении колхозов»⁵.

Заявления о сокращении задания по хлебодаче и о снижении масштабов репрессий оказались лишь декларацией. Хлебозаготовительная кампания 1932/33 г. стала самой драконовской за всю советскую историю и вызвала массовый голод, в ряде регионов страны переходящий в голодомор.

Документ публикуется по следующим правилам: сохранены орфография и стилиевые особенности текста; без оговорок исправлены явные опечатки машинописного текста; дописанный автором публикации текст (раскрытие непринятых сокращений, предполагаемое прочтение пропущенного текста) приведен в квадратных скобках. Аббревиатуры в случае повторения расшифровываются один раз. Многоотчие в угловых скобках означает пропуск текста документа при публикации. Воспроизведено авторское выделение текста (заглавные буквы и подчеркивание).

Из докладной записки бригады Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) об итогах проверки Полтавского района

г. Новосибирск

[Конец декабря] 1932 г.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

ОБ ОБСЛЕДОВАНИИ ЛЕВАЦКИХ ПЕРЕГИБОВ, ДОПУЩЕННЫХ ПОЛТАВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ В 1932 г.

1. РАСКУЛАЧИВАНИЕ КОЛХОЗНИКОВ.

Бригада по заданию секретариата крайкома прибыла в район 22/ХІ и пробыла на месте до 3/ХІІ-32 года. За это время установила следующее:

1. По заданию края Полтавский район должен был мобилизовать средства на семенную ссуду в размере 150 000 рубл[ей]. Фактически же собрано, по данным райбанка, 159 тыс. 146 рубл[ей], однако эта сумма является недостаточно обоснованной, т. к. есть колхозы, которые полностью собранные средства не сдавали банку (колхоз «Украинец» Полтавского с[ель]совета, собрано 4 000 рубл[ей], а зачислено на тек[ущий] счет колхоза 2 490 рубл[ей]).

Несмотря на то, что сбор этих средств должен был быть произведен на основе широкой массовой работы среди колхозников и на добровольных началах, однако же местное партийное руководство во главе с бывшим секретарем Р[ай]К[ома ВКП(б)] тов. БАЛМАСОВЫМ провели эту работу следующим порядком:

а) после обсуждения и принятия контрольных цифр по колхозам приступили к распределению данной цифры по колхозникам (примерно 100–200–300–400 рубл[ей] на семью).

Причем порядок дачи контрольных цифр колхозникам производился уполномоченным путем вызова в сельский

² Сов. Сибирь. 1931. 12 сент.

³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 262. Л. 10.

⁴ СЗ СССР. 1932. № 31. Ст. 190.

⁵ Сов. Сибирь. 1932. 28 июня.

совет, правление колхоза или в друг[ие] помещения. И если последнему примерно давалась сумма в 100 рубл[ей], и он просил снижения этой суммы, то ему удваивалось или сам секретарь РК Балмасов в ответ на просьбы о снижении сумм тут же при них повышал в 100 и 200 %.

б) В отношении отказавшихся полностью или частично от взносов этих сумм были приняты следующие меры воздействия:

1) исключение из колхоза без постановления общего собрания колхозников путем дачи директив уполномоченными РК и Р[ай]И[спол]К[ом]а;

2) дача всем твердого задания без обсуждения на заседании с[ель]с[овета] и актива, за невыполнение которых подвергались раскулачиванию;

3) причем имущество забиралось решительно все: коровы, дом, мебель, капуста, картофель, отруби, кружки, часы и т. д., абсолютно не соблюдая 271 статьи Г[ражданского] П[роцессуального] К[одекса РСФСР]⁶;

4) когда сумма изъятого имущества несколько раз превышала задолженности, то остаток сумм, как правило, не возвращался колхозникам и обращался в бюджет;

5) просмотрев списки всех раскулаченных колхозников в количестве пока выявленных 59 хозяйств, бригада совместно с комиссией бюро Полтавского района не нашла ни одного кулацкого хозяйства;

б) таким образом, главная тяжесть названных репрессий пала на бедняцко-средняцкую часть колхозников, например:

а) ПЕДАН Иван – Барленовского сельсовета, в 1928 году имел 9 1/2 га посева, 6 едоков, 4 бычка, 1 корову, 1 молодняк, 2 овцы, всего дохода 424 рубл[я], с[ель]хозналогу 41 рубл[ь]. В 1929 г. – 10 га посева, 6 едоков, 2 лошади и 2 быка, 2 коровы и 2 овцы, доход имел 425 руб., налог – 41 рубл[ь]. В 1930 году – 6 1/2 га посева, 5 едоков, 1 корова, 2 овцы, доход 487 рубл[ей]. В колхоз вступил в 1930 году, обобществил: 1 лошадь, телку, лобогрейку, 1 букер, и за невзнос денег в сумме 400 рубл[ей] у него изъято: 1 корова, 1 ягненок, 14 пудов муки, 2 пуда пшеницы, 1 ружье.

б) ЛИТВИНЕНКО Абрам – в колхозе «Червона зирка» Воронцовского с[ель]сов[ета], в 1929 году имел 12 га посева и 12 душ семьи, доход 117 рубл[ей], налог 1 р. 89 коп., обобществил в 1930 году: 3 лошади, 1 овцу. Было предложено внести семсуду 55 рубл[ей], которые Литвиненко уплатил. После уплаты этих денег ему предложили внести еще 400 рубл[ей] и за невзнос изъяли: диван, стол, сундук, часы, кровать и корову.

в) ДОРОШКО Ефросинья – Георгиевский с[ель]сов[ет], колхоз «Социализм», в 1927 г. – посев 8 га, едоков 5 чел., в 1928 г. – посев 9 га, едоков 5 чел., в 1929 году – посев 7 га, едоков 6 чел., в 1930 году – посев 3 га, едоков – 3 чел. В 1927 году – лошадей 2, быков 4, коров 2, в 1928 г. – лошадей 3, быков 2, коров 3, в 1929 году – лошадей 4, быков 4, коров

3, в 1930 году – лошадей 2, быков нет, коров 1, в 1927 году – молодняка 3, овец 8, в 1928 году – молодняка 1, овец 16, в 1929 году – молодняка 3, овец 12, в 1930 году – молодняка 3, овец 14, в 1927 г. – доходность 510 р[уб]., налог 72 рубл[я], в 1928 г. – доходность 465 р[уб]., налог 51 руб., в 1929 г. – доходность 474 р[уб]., налог 53 руб., в 1930 г. – доходность 442 р[уб]., налог 60 рубл[ей]. Дано ей задание внести на семсуду 300 рубл[ей], за невзнос изъято: 1 корова, 2 овцы, дом, 1 пуд пшеницы и 1 пуд муки.

г) ГЕДЕНКО Ольга – Воронцовский с[ель]сов[ет], колхоз «Червона зирка», имела в 1929 году 6 га посева, 5 едоков, 1 лошадь, 3 коровы, 1 молодняк, 2 овцы, доход 332 рубля. Налог 26 руб. В 1930 году – 6 га посева, едоков 4, 1 лошадь, 1 корова, 2 молодняка, доход 181 р[уб]., налог 6 руб. 25 коп. Обобществила в 1931 году 1 лошадь, 1 овцу. Дано задание семенную ссуду внести 400 рубл[ей] и за невзнос ее изъято: 1 диван, стол, сундук, часы, кровать (работу проводил уполномоченный Шевченко и Помыткин).

д) ХАРИТОНОВ Николай – колхоз «Новый мир» Бельцовского с[ель]сов[ета]. В 1928 г. имел посева 12 га и 9 едоков, 2 лошади, 2 быка, 1 корову, 1 молодняк, 10 овец. Доход 542 р[уб]., налог 62 руб. 59 коп. В 1929 году – едоков 10 чел., посев 0,25 га (был в колхозе). Одна лошадь, дохода 12 р[уб]., налог 1 р[уб]. 89 коп., подведено под твердое задание и изъято: вся мебель, одежда, куры и 22 пуда картофеля.

7) Интересно привести пример грубого издевательства над колхозником ВАСИЛЕНКО Василием – 74 лет, Воронцовского с[ель]совета и колхоза «Червона зирка», которого по распоряжению уполномоченного РИКа Шевченко (ныне учится в Омской В[ысшей] К[оммунистической] С[ельско-]Х[озяйственной] Ш[коле]) вызвали в 12 часов ночи в клуб и предложили внести остальные 45 рубл[ей], т. к. им 25 р[уб]. было внесено еще раньше, но т. к. у Василенко денег не было для уплаты, то они пригрозили исключить его из колхоза и тут же предложили за то внести еще 250 рубл[ей]. Затем предложили СПЕВАКУ Павлу (член ВКП(б)) вывести его через черный ход клуба, к дверям которого из снега была сделана тоннель, и посадить его, чтобы он подумал. Очутьившись в снегу в легком пиджаке, Василенко замерз и стал ломиться в дверь. Когда он вошел, то ШЕВЧЕНКО спрашивает: «Ну что, нашел деньги?» Видя безвыходное положение, Василенко обещал дать на другой день последнюю корову с теленком, после чего его отпустили домой. Василенко свое обещание выполнил.

Второй пример: ЛУПИЯ Ивана, отказавшегося от взноса денег, вывели через тот же ход на высокую снежную гору, на которую ему пришлось взбираться голыми руками, после того, когда Лупий с трудом взобрался на эту гору, Шевченко и Спевак начали хохотать: «Пусть подумает, где взять деньги». После чего зазвали его обратно с криком и площадной бранью говоря: «Подумал, где взять деньги, давай, [а] то еще хуже будет». После чего Лупий уехал на Украину.

Третий пример: в том же с[ель]сов[ете] во время взятия коровы у ДВОРКИНОЙ Марии тот же Шевченко предложил сельисполнителям бить ворота, т. к. они были закрыты ввиду вечернего времени. Ворота бил тот же Спевак железным ломом, а затем стали бить дверь в сарай, чтобы взять корову. Когда сельисполнители били дверь, то Шевченко командовал: «Раз, два, три, бей!» Причем сына Дворкиной, препятствовавшего взятию коровы, Шевченко командовал: «Достать жерди и прижать его к стене», – что и было выпол-

⁶ В соответствии с существующим законодательством (ст. 271 ГПК РСФСР и Положением о взыскании налогов и неналоговых платежей) у трудовых крестьянских хозяйств, в частности, запрещалось конфисковывать в счет погашения недоимок: «необходимые орудия» сельхозпроизводства (в том числе единственную корову), запасы корма для «необходимого» скота, жилье, «необходимые» предметы домашнего обихода, запасы продовольствия в размерах, требующихся до нового урожая (ГПК РСФСР. М., 1931. С. 69–72; СЗ СССР. 1932. № 69. Ст. 410 б).

нено, после чего корова была изъята.

8. После всех перечисленных издевательств над политикой партии на пленуме 12 июня быв[ший] секретарь РК Балмасов ориентировал парторганизацию о том, что они якобы очистились во время сбора средств под семенную ссуду от чуждого элемента в колхозах, а на самом деле в колхозах остались сидеть кулаки. Например, в колхозе «Новое поле» Полтавского с[ель]сов[ета] председатель совета Попов (член ВКП(б) с 1931 года) имел до 1928 года включительно нефтяной двигатель, локомобиль, молотилку и эксплуатировал батраков. В колхозе «10 лет Октября» Еремеевского с[ель]совета СЮМАК, завхоз колхоза, имел маслобойный завод, держал батрака до 1929 года. В том же колхозе Павленко Василий, зав[едующий] МТС, имел аренду земли, эксплуатировал батраков и ряд других. Во время сбора средств под семенную ссуду уполномоченные РИКа и райкома являлись зав. орг. РК Соляник, зав. райФ[ин]О[тдела] Гусаков, председатель [районной] К[онтрольной] К[омиссии ВКП(б)] [и отдела] Р[абоче-]К[рестьянской] И[нспекции при райисполкоме] Резниченко, заготзерно Савихин и друг[ие].

2. КОМАНДОВАНИЕ НАД КОЛХОЗАМИ.

1. Директор М[ашинно-]Т[ракторной]С[танции] КОРЧЕВНЫЙ, желая организовать М[олочно-]Т[оварную]Ф[ерму] при МТС, сделал распоряжение колхозам о доставке ему 40 шт. лучших коров. Доставлено же всего было 17 шт., причем оплата производилась по балансовой стоимости 50–60 рубл[ей]. Тогда пред[седатель] колхоза Кокановского с[ель]с[овета] СЕРЕДА обратился к директору МТС Корчевному об отпуске муки для трактористов, то последний наложил резолюцию: «Муки не выполнять впредь до выполнения моего распоряжения о доставке коров». На предложение районного прокурора Янковского о прекращении создания МТФ принудительным порядком Корчевный наложил резолюцию: «Прошу в мои дела не вмешиваться и меня не страшать». В июле 1932 года Корчевный дал письменное распоряжение правлению колхоза «Украинец» Платовского с[ель]сов[ета] отпустить председателю этого же колхоза т. ДЕМИНУ одну корову за 51 р., что и было выполнено. 10/VIII Корчевный из колхоза «Прогресс» Черноморского с[ель]совета взял взаимообразно 18 пуд. 10 фунт. пшеницы, которую он не возвратил, а уплатил деньгами 80 коп. за пуд. 30/X т[екущего] года по распоряжению председателя РИКа тов. Мартыненко в колхозе «10 годовщина Октября» Еремеевского с[ель]сов[ета] взято взаимообразно 100 центнеров пшеницы, которую перемололи и реализовали по 37 рубл[ей] за центнер в райпотребсоюзе для снабжения тарифицированного населения. В сентябре по распоряжению зам. пред[седателя] РИКа Калиниченко и зав. райснабом Белогубца в колхозе «Новый мир» взято 50 центнеров хлеба с обещанием зачислить в счет плана хлебозаготовки. 10/VIII-32 года за подписью 35 колхозников [так в тексте] 25/X-31 года укрупнили с колхозом «Наш ответ» при селе Ольгино за 6 километров. До этого времени, т. е. в течение 5 лет, они находились в колхозе им. Шевченко и в своем поселке Андрушевка и просили о разукрупнении, приводя целый ряд довольно основательных мотивов. Причем еще ранее они жаловались в райколхозсоюз. Председатель РИКа Мартыненко наложил резолюцию на жалобе колхозников: «Направить в райколхозсоюз для принятия мер». Однако никаких мер при-

нято не было до приезда нового секретаря РК тов. Полякова. Кроме того, в колхозе «10 лет Октября» сменено за 1931 год 5 председателей колхоза, в колхозе им. Сталина – 3 председателя. В колхозе «Красная звезда» – 3 председателя, в колхозе «12 лет Октября» – 2 председателя, в колхозе «Трудовик» – 4 и т. д. Причем все эти смещения проведены по директивам РК без согласования с райколхозсоюзом.

На покупку рабочего скота была открыта сумма в размере 43 750 руб. Перед краем отчитались в использовании этого кредита полностью, фактически же использовано 13 300 рубл[ей], а остальные были начислены на особые счета колхозов. Директор же МТС Корчевник отобрал от этих колхозов доверенности на право распоряжаться этими счетами, благодаря чему он имел возможность производить всевозможные списания, как, например, списано за командировку в Рыбинский район за покупкой лошадей 900 рублей, где ни одной лошади не куплено. На покупку спецодежды для МТС со счета колхоза «Украинец» списано 400 рубл[ей] и в погашение просроченных ссуд с колхоза «Завет Ильича» списано 502 рубл[я].

Из собранных средств на семена взято без ведома колхозов 10 900 рубл[ей], на оплату командировок в Ермаковский район; погашение акций тракторцентра⁷ изъято 23 000 рубл[ей], на огородные семена – 3 300 рубл[ей]. Все перечисленные факты не могли не привести большинство колхозов Полтавского района к финансовому развалу, что подтверждается следующими двумя цифрами по 28 колхозам: приходная финансовая часть выражается в сумме 286 500 рубл[ей], а расходная по планам обязательных платежей и отчислений в сумме 826 450 рубл[ей].

3. ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ СКОТА.

По целому ряду колхозов, как то: по Воронцовскому с[ель]совету колхоз «Червона зирка», «Наш ответ» Ольгинского с[ель]совета, колхоз «Рассвет» Светиловского с[ель]совета и целый ряд других в конце 1931 г. и начале 1932 года было произведено принудительное обобществление мелкого скота. Причем имело место целый ряд случаев по Светиловскому и Воронцовскому с[ель]советам система взыскания штрафов с колхозников за продажу необобществленного мелкого скота. Как, например, правление колхоза оштрафовало колхозника Шишкина за продажу одной овцы на 97 рубл[ей]. Штраф взыскан. Гусева за продажу одной необобществленной овцы оштрафовали на 30 руб. Штраф взыскан. ДАНИНА Матвея оштрафовали за продажу необобществленной телки на 30 рубл[ей] и т. д. Эти перегибы до сего времени не исправлены.

⁷ «Тракторцентр» (Всесоюзный центр машинно-тракторных станций) был организован согласно постановлению СТО СССР от 5 июня 1929 г. как акционерное общество. В постановлении СНК СССР от 30 декабря 1929 г. (СЗ СССР. 1930. № 2. Ст. 16) устанавливалось, что строительство МТС «может производиться лишь при условии участия в этом строительстве средств населения». Условием для начала строительства МТС являлось приобретение колхозами и крестьянами акций «Тракторцентра» и/или внесение средств в неделимые целевые капиталы в размере не менее 25 % от их стоимости. На места спускались планы приобретения акций, выполнение которых жестко контролировалось.

4. ОЧКОВТИРАТЕЛЬСТВО КРАЕВЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ПО ВЕСЕННЕЙ ПОСЕВ[НОЙ] КАМПАНИИ.

По заявлению зав. участком МТС по Платовскому с[ель]совету тов. ШМИДТ[А], по Полтавскому – тов. Аксаментного, как общее правило, посев зерновых культур производился по не перепаханным парам. Например, по Платовскому участку по не перепаханным парам посев произведен на площади 6009 га. По Полтавскому – на площади 804 га. Боронование произведено по Платовскому участку по одному разу на площади в 300 га и по 2 раза на площади 1500 га. По Полтавскому – на площади 200 га по одному разу и по два раза на площади 326 га. По не вспаханной землям сеялся преимущественно подсолнух (заявление пред[седателя] колхоза «Червона зирка» тов. Жадан[а], на заседании бюро РК 28 ноября 1932 года, посеяно 20 га). По заявлению зав. участком МТС Аксаментного, по Новосергеевскому с[ель]совету посеяно подсолнуха по не паханной землям 80 га. По заявлению секретаря Георгиевской ячейки т. Задорожного, посеяно подсолнуха по не боронованной зяби 401 га, по заявлению Аксаментного, зав. Полтавским участком МТС, что у него в колхозе «Новое поле» посеяно 460 га подсолнуха по не боронованной и не перепаханной земле. Сев закончен фактически 18 июня вместо установленного краем срока 25 мая. В результате такой «обработки» земли подсолнух погиб на 80 %.

Несмотря на то, что сев был закончен со значительным опозданием (18 июня), районный актив на слете всех председателей колхозов, полеводов и бригадиров, состоявшемся 8 июня по инициативе секретаря РК тов. Балмасова, постановил за хорошее выполнение всех намеченных производственных задач премировать секретаря РК Балмасова 300 рубл[ей], директора МТС Корчевного в 300 рубл[ей], зам. директора МТС Заграева – 200 и ни одного колхоза, ударника, бригадира.

5. САМОСНАБЖЕНИЕ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ.

За 1932 год директором Полтавской МТС Корчевным и зам. директора Заграевым получено разных продуктов в колхозе «Украинец» на сумму 800 руб., за которые до сих пор не уплачено. Секретарем РК Балмасовым взято в колхозе «Новое поле» мяса 23 кг, за которое уплачено всего 62 руб., а остальные деньги до сего времени не уплачены. Мартыненко, пред[седатель] РИКа, взял 8 кг мяса, расчет не произведен. МТС получено 32 кг овса и 17 кг мяса, расчет не произведен. В том же колхозе директор МТС Корчевный получил 8 центн[еров] пшеницы и 2 кг мяса, расчет не произведен. В колхозе «Украинец» Корчевный получил 1 центн[ер] 85 кг картофеля, 2 кг масла, расчет не произведен. Кроме того, из разных колхозов получались районным активом продукты, за которые расчеты произведены по ценам, намного ниже рыночных, как, например, Балмасовым получено из колхоза «10 лет Октября» 3 кг свиного сала за 12 руб. и 10 кг мяса за 25 руб., деньги до сих пор не уплачены. Районным активом, в том числе секретарь РК Балмасов и пред[седатель] РИКа Мартыненко переполучил хлеба из различных источников за время с 1 апреля 1932 года по 1-ое сентября 1932 года (кулацкий хлеб, раскулаченных колхозников, колхозный и заготзерна) всего в размере 3 тонн 109 кг. Зав. райснабом Белогубец за это же время на себя одного переполучил хлеба 3 центн[ера] 48 кг. После отъезда тов. Балмасова из района за ним числится задолженность по кассе РК 1110 руб., причем характерно отметить, что им получено из этой суммы в

МТС 370 руб., которые оказались не заприходованными по книгам райкома.

<...>⁸

7. ЗАЖИМ САМОКРИТИКИ.

Кандидат партии, учительница Орешникова, услышав о пьянке, имевшей место в декабре м[еся]це у [члена бюро райкома] Урбанова, заявила об этом в КК РК. После чего ее вызвал к себе Балмасов и в присутствии пред[седателя] КК Резниченко и Урбанова стал читать ей нотацию, что она болтает языком, чего не следовало бы говорить о партийной головке. В тот же день в 10 ч. вечера ее вызвал к себе [зам. председателя райисполкома] т. Гаркала, который интересовался, с какой целью она дискредитирует авторитет парторганизации, говоря, что у нее есть какая-то цель, и, как видно, она имеет связь с границей. Причем допрос сопровождался с повышенным тоном, стуком кулаками по столу. Когда Орешникова обратила его внимание, что она беременна 6 месяцев, то Гаркала ответил: «Только контр-революция может прикрываться такими фразами». Об этом факте т. Орешникова подавала заявление представителю Зап[адно-]Сиб[ирской] КК т. Огнетову, находившемуся в то время в Полтавском районе, но что последним предпринято, бригаде неизвестно.

Характерно отметить, что за сделанное заявление зав. мастерской МТС т. Быковым директору Корчевному в том, что он не будет принимать негодный баббит и кальций, привезенные Корчевным для ремонта тракторов, то последний за это был снят с должности зав. мастерской со снижением зарплаты с 250 р. до 150 руб.

В ответ выступавшим с критикой на бюро РК о работе МТС секретарь РК Балмасов ответил: «Кто будет говорить о недочетах МТС, подрывать авторитет, тому руки отсеку».

Районному прокурору Янковскому, пытавшемуся протестовать против перегибов, приклеивали ярлык правого оппортуниста, в частности Балмасовым.

8. Реализация решений партии и правительства от 25 июня о революционной законности⁹.

Вышеуказанное постановление партии и правительства обязывает местные парторганизации приступить немедленно к проверке фактов дачи твердого задания¹⁰ и раскулачивания и немедленно их исправить. Тем более, что в Полтавском районе основная масса нарушений революционной законности падала именно на неправильную дачу твердого задания и раскулачивания. Однако во исполнение этих директив ничего предпринято не было, политическое значение декрета от 25 июня до широких колхозных масс доведено не было, на партиячке они не прорабатывались, ограничившись только заслушиванием доклада прокурора на заседании бюро РК.

⁸ Опущен раздел 6 «Пьянки».

⁹ Речь идет о постановлении ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. «О революционной законности» (см. выше).

¹⁰ В соответствии с действующей в начале 1930-х гг. в СССР контрактационной системой часть разверстных на сельсовет планов посева и сдачи государству сельхозпродуктов по единоличному сектору в форме устанавливаемых сельсоветом «твердых» заданий возлагалась на хозяйства, зачисленные в разряд кулацких. Невыполнение «твердых» заданий преследовалось в административном и судебном порядке. Возлагать «твердые» задания на трудовые единоличные хозяйства запрещалось. Указанные планы они должны были принимать добровольно [2, с. 25; 3, с. 95].

Жалобы, поступившие в РИК, РКИ и прокуратуру, лежали месяцами не рассмотренными. Если некоторые из них и рассматривались, то в большинстве случаев оставались без удовлетворения без всяких на то оснований. Иногда жалобы отсылались в с[ель]советы, на которых жалобщики жаловались. Военный прокурор жалобы направлял в РИК «для принятия мер» и этим ограничился. Контроля за разрешением этих жалоб, направлявшихся в РИК прокуратурой, осуществлено не было. Протесты, подаваемые в РИК, не рассматривались несколько месяцев, например, протест прокурора о неправильной даче твердого задания колхознику Часнику поступило 27 сентября и до приезда бригады не рассматривалось.

РКИ таким же порядком направляла жалобы в РИК, не проверяя и не контролируя их разрешение.

Нечуткость и бюрократическое формальное отношение к трудящимся и безрезультатность их привели к тому, что у жалобщиков в Полтавском районе не оказалось ни одного учреждения, которому они могли бы подавать жалобу (из беседы с колхозниками). Некоторые жалобы, поступившие в краевые организации, также пересылались в районные организации без проверки исполнения, таким образом, их постигала такая же участь. Характерно отметить, что за 10-дневное пребывание в районе бригада получила свыше 300 жалоб, главным образом о незаконном действии изъятия имущества и дачи твердого задания. Согласно постановления Президиума СКИКа¹¹ должен быть проведен декадник по проверке состояния революционной законности, для руководства которым должен был быть создан районный штаб под председательством пред[седателя] РИКа. Однако полтавские организации оказались последовательными до конца и во исполнение постановления СКИКа ничего сделано не было.

Штрафы накладывались по всякому поводу, как то: за непосещение Ш[колы]К[рестьянской]М[олодежи] гражданку СОКУР оштрафовали в 10 руб. (Светиловский с[ель]с[овет]), она была раздета и разута. Гражданин Митрофан был подвергнут штрафу в 25 руб. за то, что его 10-ти-летняя девочка выдоила литр молока с коровы, которая забежала к ним во двор с пастбища (Светиловский с[ель]с[овет]) через несколько дней после изъятия ее у Митрофана.

Бедняцким и средняцким хозяйствам давались штрафы за невыполнение [плана] посевных площадей за 1931 год, как, например, у Уролевца Никифора Ольгинского с[ель]совета снято за недосев два быка, 3 овцы и 15 пудов хлеба. Штрафы налагались за продажу необобщественного мелкого скота, о чем говорилось выше. Ко всему этому необходимо добавить, что за объявление результатов жалобщикам Ольгинский с[ель]совет взимал по 1 р., а с единоличников по 2 рубля, а так как эти незаконные сборы не вносились, то жалобщики до сих пор не знают результатов на поданные жалобы.

Национальная политика в Полтавском районе выражается в том, что над сельскими советами повешены вывески с надписью «Сильска рада»¹². Несмотря на то, что в районе имеется свыше 70 % украинцев, никаких попыток к тому, чтобы коренизировать советский аппарат не было. В школах, благодаря необеспеченности украинскими учебниками,

учителя вынуждены переводить русские учебники на украинский язык¹³.

Накануне нашего отъезда зав. орг РК т. Саялик сообщил, что им обнаружено в 3-х ячейках беспартийные секретари ячеек. Факт нами не проверен.

В заключение необходимо отметить, что со стороны старого руководства были попытки к исправлению допущенных перегибов, правда, в августе м[еся]це, но до конца они не доведены. После приезда т. Полякова, который в данном случае является инициатором вскрытия отмеченных выше безобразий, было приступлено к действительному исправлению перегибов и с нашим участием на бюро и президиуме РИКа принято постановление о возвращении имущества всем незаконно раскулаченным колхозникам. О состоянии революционной законности в районе сделан доклад на бюро РК, где после развернутой самокритики были приняты соответствующие мероприятия.

ВЫВОДЫ

1. В практике работы районных организаций были допущены целый ряд грубейших искривлений по линии партии и правительства, главным образом в колхозном строительстве, как то:

а) администрирование над колхозами, выразившееся в отбирании скота у колхозов для устройства молочных ферм для МТС;

б) получение хлеба из колхозов для снабжения актива;

в) незаконное раскулачивание колхозников при сборе средств для закупки семян;

г) незаконное распоряжение денежными средствами и имуществом колхозов (МТС, банк, райФО, райколхозсоюз);

д) бездушно бюрократическое отношение районных организаций к жалобам колхозников и трудящихся единоличников, что привело к тому, что жалобы не рассматривались на протяжении нескольких месяцев, а иногда просто пересылались в сельские советы без всякого контроля за их выполнением. А для получения ответов требовался сбор с колхозников 1 руб., с единоличников 2 руб.;

е) дача незаконных твердых заданий исключенным колхозникам, исключительно выброшенных из колхоза для этой цели;

ж) незаконные аресты и обыски у колхозников при сборке средств на семена и под видом борьбы со спекулянтами;

з) пьянство, семейственность, зажим критики, подмена массовой работы голым администрированием;

и) погоня за количеством сева в ущерб качеству привело к тому, что произведенный посев подсолнуха по не перепаханным парам погиб на 80%.

Все перечисленные факты грубейших извращений левацких заскоков в колхозном строительстве могли иметь место благодаря тому, что в организации отсутствовала самокритика, процветало пьянство, притупление политической

¹¹ Так в документе. Здесь и ниже следует читать не Сибкрайисполкома (СКИКа), а Западно-Сибирского крайисполкома.

¹² Сельский совет (укр.).

¹³ В 1931–1932 гг. в Западно-Сибирском крае проводилась кампания по коренизации, целью которой являлось увеличение доли представителей национальных местных кадров в партийном и государственном аппарате национальных административно-территориальных образований (автономных областей, национальных округов, районов, сельсоветов). В рамках данной кампании была осуществлена в целом неудавшаяся попытка перевода на национальные языки дело- и судопроизводства, а также школьного обучения.

чуткости, классовой настороженности и оппортунистическая недооценка революционной законности как одного из важнейших средств укрепления пролетарской диктатуры.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЗАПСИБКРАЙКОМА ВКП(б)
ИНСТРУКТОР ПО СЕКТОРУ
ПАРТИЙНЫХ КАДРОВ (ШЕЛУХАНСКИЙ)
Ст[арший] ПОМОЩНИК КРАЕВОГО ПРОКУРОРА
(ГОЛЬДБЕРГ)

ГАНО. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 3. Л. 52–64. Незаверенная копия того времени. Машинопись, выполненная под копиру. Подписи – машинопись.

УДК 342.395.8(571.1/5)“1918”

В.И. ШИШКИН

СОЗДАНИЕ СОВЕТА ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ А.В. КОЛЧАКА (20–21 НОЯБРЯ 1918 г.)*

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: svi007@rambler.ru

В научный оборот вводятся документы, которые содержат ключевую информацию о времени, инициаторе, причинах и цели создания Совета Верховного правителя.

Ключевые слова: Совет министров, Верховный правитель, Совет Верховного правителя, Директория, правительство, министры.

Ход и исход Гражданской войны в России в 1918–1920 гг. определялись совокупностью и соотношением различных факторов. В их ряду большое значение имела способность лидеров революционного и контрреволюционного лагерей оперативно и адекватно применительно к объективной реальности того времени решать вопрос об организации органов государственной власти и управления на контролируемой ими территории.

Как известно, большевики, придя к власти, отказались от многих теоретических положений своей программы преобразования России, имевших демократический характер: от полновластия местных Советов, коллегиальности управления, выборности чиновников, общенародной милиции, всеобщего вооружения и др. Вместо этого с весны 1918 г. они стали создавать жестко централизованную и частично милитаризованную систему органов государственной власти, построенную на началах единовластия и даже диктатуры отдельных лиц.

По уровню своей организации лагерь контрреволюции изначально существенно уступал Советской

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 5.
2. Ильиных В.А. Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2.
3. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.

Статья поступила
в редакцию 01.03.2012

республике. Одним из наиболее важных его недостатков являлось отсутствие до осени 1918 г. верховного органа государственной власти общероссийского масштаба. Только 23 сентября 1918 г. на Уфимском государственном совещании учреждением Директории было положено начало созданию Временного Всероссийского правительства, основанного на хрупком компромиссе и коалиционного по своему составу. Формирование этого правительства завершилось полтора месяца спустя, когда был укомплектован его Совет министров. Но отсутствие солидарности между Директорией и Советом министров послужило одной из основных причин краха Временного Всероссийского правительства. В ночь на 18 ноября 1918 г. оно было свергнуто и заменено Российским правительством, состоявшим из Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и Совета министров.

Компетенция Верховного правителя и Совета министров, а также взаимоотношения между ними регулировались Положением о временном устройстве государственной власти в России, принятым Советом министров 18 ноября 1918 г. Но поскольку этот документ был принят в спешке, он страдал многими пробелами. В частности, в нем не был прописан механизм взаимодействия Верховного правителя с Советом министров в целом и отдельными министрами. Выход из создавшегося положения был найден благодаря

* Работа выполнена при финансовом содействии Президиума РАН в рамках проекта 33.2.1 «Трансформация российской политической системы в период революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.: сибирская специфика».

созданию совещательного органа при Верховном правителе, получившего название Совета Верховного правителя.

В настоящей публикации приводятся три ключевых документа, которые дают максимально полное представление о том, когда, по чьей инициативе, кем, почему и с какой целью был создан Совет Верховного правителя. Эта исходная информация поможет лучше понять причины, в силу которых Совет Верховного правителя превратился в своеобразную «звездную» палату, решавшую в лагере контрреволюции все злободневные политические вопросы. В результате Совет министров утратил свои изначальные функции и значение, что отрицательно сказалось на состоянии и функционировании всей властной вертикали.

Нельзя не сказать несколько слов о человеке, которому принадлежала идея создания Совета Верховного правителя. Это был Юрий Вениаминович Ключников, известный историкам главным образом как один из идеологов «сменовеховства». Поскольку предшествующая деятельность Ключникова до настоящего времени мало известна, приведем наиболее важные данные о ней. Еще до начала Первой мировой войны Ключников получил хорошее образование. Он последовательно обучался на философском факультете Берлинского университета и на юридическом факультете Императорского Московского университета. После окончания в 1913 г. Московского университета Юрий Вениаминович был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре международного права. С 1915 г. он состоял приват-доцентом Московского университета. В 1917 г. Ключников был приглашен преподавать в Народный университет им. А.Л. Шанявского, весной 1918 г. получил кафедру международного права в Ярославском юридическом лицее. Он часто выступал в печати со статьями по вопросам международных отношений и политики в журналах «Накануне», «Юридический вестник», в газетах «Русское слово»

и «Утро России», активно участвовал в политической жизни России. Будучи членом конституционно-демократической партии, в июле 1918 г. принял участие в Ярославском антибольшевистском восстании и вошел в состав гражданского управления мятежников.

С 5 октября 1918 г. Юрий Вениаминович состоял членом юридического совещания при Временном Всероссийском правительстве. 1 ноября 1918 г. Ключников был назначен товарищем министра иностранных дел Временного Сибирского правительства. Ему принадлежала инициатива обсуждения в юридическом совещании актуального в то время вопроса о прерогативах Совета министров в структуре новой власти. Не случайно при организации Совета министров Временного Всероссийского правительства указом от 4 ноября 1918 г. Ключников был назначен исправляющим должность товарища министра иностранных дел с возложением на него временного управления министерством. Возглавляемое им министерство действовало довольно эффективно. Сам Ключников в середине ноября 1918 г. представил Временному Всероссийскому правительству весьма важную докладную записку, в которой проанализировал изменения в международном положении России в связи с окончанием Первой мировой войны.

Вполне закономерно, что после государственного переворота 18 ноября 1918 г., в результате которого к власти пришел А.В. Колчак, Ключников был назначен управляющим Министерством иностранных дел Российского правительства. Правда, на этой должности он пробыл недолго, подав в конце декабря 1918 г. прошение об увольнении. Формально он отправился во Францию, где в Версале решались вопросы о послевоенном устройстве мира, чтобы представлять там интересы России. Реальная причина ухода с поста министра была совсем другой. Отличавшийся самостоятельностью и активностью Ключников не смог вписаться в местную политическую элиту и был отторгнут ближайшим окружением председателя Совета министров.

№ 1

Выписка из журнала № 9 заседания Совета министров Российского правительства

[г. Омск] 20 ноября 1918 г.

Председательствовал председатель Совета министров П.В. Вологодский.

Присутствовали министры: финансов – И.А. Михайлов, юстиции – С.С. Старынкевич, снабжения – И.И. Серебrenников, продовольствия – Н.С. Зефирин, земледелия – Н.И. Петров, путей сообщения – Л.А. Устругов; управляющие министерствами: внутренних дел – А.Н. Гаттенбергер, труда – Л.И. Шумиловский, иностранных дел – Ю.В. Ключников, торговли и промышленности – (временно) упр[авляющий] Н.Н. Шукин; за министра народного просвещения – товарищ министра Г.К. Гинс, помощник военного и морского министра В.И. Сурин, товарищ министра юстиции А.П. Морозов, государственный контролер Г.А. Краснов, начальник главного управления почт и телеграфов К.А. Цеслинский, управляющий делами Совета министров Г.Г. Тельберг и помощник управляющего делами Совета министров Т.В. Бутов.

[Слушали:] 15. Заявление управляющего министерством иностранных дел о необходимости учреждения при

Верховном правителе для рассмотрения вопросов, требующих спешного разрешения, и для достижения согласованности в деятельности Верховного правителя и Совета министров «Малого кабинета».

[Постановили: 15.] Поручить управляющему министерством иностранных дел разработать проект учреждения при Верховном правителе для рассмотрения срочных вопросов и для достижения согласованности в деятельности Верховного правителя и Совета министров «Малого кабинета».

Председатель Совета министров П. Вологодский.

Члены Совета [министров]: Г. Краснов, И. Серебrenников, С. Старынкевич, А. Гаттенбергер, Л. Шумиловский, И. Михайлов, Г. Гинс.

За управляющего делами Совета министров и Верховного правителя Т. Бутов.

ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 4–7.

Машинописная копия.

№ 2

**Докладная записка управляющего министерством иностранных дел
Российского правительства Ю.В. Ключникова
об учреждении Совета Верховного правителя**

[г. Омск] [21 ноября 1918 г.]

Перемена, происшедшая в форме верховной российской власти, и важность задач, осуществление коих выпадает на новую власть, ставят на очередь вопрос о наиболее рациональной и практически целесообразной конструкции высших органов государственного управления. Устройство этих органов в полном соответствии с переживаемым исключительным положением государства должно быть таково, чтобы обеспечить правительству возможность развить максимум энергии в ответственной работе по воссозданию государственной жизни и по ведению борьбы с большевизмом в целях возрождения России. Поэтому должны быть устранены те лежащие в устройстве органов управления причины, которые вызывают замедление в их действиях и лишают деятельность их необходимого единства и согласованности.

В этом отношении, несомненно, отрицательно влияет отсутствие такого органа, который мог бы объединить действия отдельных отраслей государственного управления и вносить в политику правительства должную устойчивость и быстроту. Совет министров не может считаться призванным для выполнения этой задачи как в силу обширности своего состава, так и в виду обременения его огромной текущей работой управления. Точно также задача эта не может быть выполнена единолично Верховным правителем, многосложность обязанностей коего по верховному управлению лишает его возможности лично руководить всей работой государственного аппарата. Ввиду этого наиболее рациональным разрешением вопроса должно признать организацию наряду с Советом министров более тесного, внутреннего кабинета министров при Верховном правителе, состоящего из представителей тех отраслей государственного управления, деятельностью коих ближайшим образом определяется курс правительственной политики. Организацию этого кабинета, коему могло бы быть присвоено наименование Совета Верховного правителя, надлежало бы основать на нижеследующих принципах.

1) Совет Верховного правителя учреждается в целях достижения наибольшего единства воли и действий Верховного правителя и Совета министров, а также в целях содействия Верховному правителю в разрешении дел, подлежащих непосредственному его ведению.

2) Совет Верховного правителя состоит под председательством Верховного правителя из председателя Совета министров или его заместителя, министров финансов, внутренних дел и иностранных дел.

3) Кроме указанных выше министров, в заседаниях Совета [Верховного правителя] принимают участие и другие министры по приглашению Совета в случае рассмотрения вопросов, относящихся к предметам их ведомства.

4) Совет [Верховного] правителя имеет по существу совещательный характер и осуществляет свои решения от имени Совета министров или Верховного правителя по принадлежности.

5) Делопроизводство Совета [Верховного правителя] возлагается на управление делами правительства.

6) В целях придания Совету [Верховного правителя] наибольшей гибкости и эластичности никакой определенной, заранее установленной конструкции ему не дается и компетенция его определяется как собственным его усмотрением, так и усмотрением Верховного правителя, коим вносятся на рассмотрение Совета те дела, которые он признает необходимыми. Совету министров также предоставляется [право] вносить на обсуждение Совета [Верховного] правителя по своему смотрению те или иные дела, входящие в круг его ведения. Кроме указанных дел, на Совет [Верховного] правителя возлагается наблюдение за расходованием секретных сумм, находящихся в распоряжении отдельных ведомств.

Учреждением на перечисленных началах малого кабинета министров достигаются нижеследующие цели:

1) Правительственная деятельность получает необходимое единство.

2) Политический курс приобретает устойчивость и исключает возможность смены в правительственной деятельности различных, несогласованных между собою точек зрения и противоречивых решений.

3) Устраняется возможность безответственных влияний на ход государственной работы.

Целесообразность такого рода органа доказана на практике учреждением подобных же малых кабинетов, или кабинетов обороны, в Англии и Франции, где они были вызваны к жизни необходимостью напрячь до высшего предела национальную энергию в борьбе с Германией.

Возможные возражения против учреждения малого кабинета министров сводятся, во-первых, к указанию на аналогию его с Директорией, отрицательные стороны коей доказаны на практике; и, во-вторых, к опасению, что с учреждением Совета [Верховного] правителя может быть ослаблено значение Совета министров. По этому поводу надлежит иметь в виду, что аналогия с Директорией лишь чисто внешняя. По существу между Директорией и проектируемым Советом [Верховного] правителя не имеется сходства, так как, во-первых, Совет [Верховного] правителя является подчиненным органом управления и притом лишь с совещательными функциями, тогда как Директория являлась органом верховной исполнительной и законодательной власти, и, во-вторых, Директория была построена на коалиционном начале, в чем и лежала в главнейшей мере причина ее слабости как органа власти. Совет же [Верховного] правителя будет состоять из лиц, солидарных в своих взглядах на важнейшие вопросы политики.

Что же касается опасений, что при существовании Совета [Верховного] правителя Совет министров утратит принадлежащее ему значение, то таковые вряд ли можно признать состоятельными, если иметь в виду, что с учреждением Совета [Верховного] правителя не отменяется порядок личного доклада министров Верховному правителю и, следовательно, ни в какой мере не затрагивается то живое общение членов Совета министров с представителем верховной власти, которое служит лучшим залогом сохранения ими своего влияния на дело управления.

Иная конструкция высшего совещательного органа – например, путем разделения задач управления на экономические и политические и создания для рассмотрения каждой из этих категорий дел особых Советов – представлялась бы неприемлемой как вследствие того, что при таком решении вопроса остается недостигнутой важнейшая цель, преследуемая созданием нового органа управления – концентрация власти, так и потому, что обе стороны государственной жизни – и экономическая, и политическая – теснейшим образом между собою связаны, в равной мере касаются ведомств

финансов, внутренних и иностранных дел, рассматривающих явления политики и экономики лишь с особой, свойственной каждому из них точки зрения, и не могут быть отделены одна от другой без явного ущерба для полноты и правильности освещения вопросов государственной жизни, восходящих на рассмотрение высших правительственных органов.

[Подпись отсутствует]

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 26. Л. 61–62.

Машинописный оттиск.

№ 3

Выписка из журнала № 10 заседания Совета министров Российского правительства

[г. Омск] 21 ноября 1918 г.

Председатель Совета министров П.В. Вологодский.

Присутствовали министры: финансов – И.А. Михайлов, продовольствия – Н.С. Зефирова, земледелия – Н.И. Петров, юстиции – С.С. Старынкевич, путей сообщения – Л.А. Устругов, внутренних дел – А.Н. Гаттенбергер, снабжения – И.И. Серебренников; управляющие министерствами: труда – Л.И. Шумиловский, иностранных дел – Ю.В. Ключников, торговли и промышленности – (временно) упр[авляющий] Н.Н. Щукин, за министра народного просвещения – товарищ министра Г.К. Гинс, помощник военного министра – генерал-майор [В.И.] Сурин; товарищи министров: снабжения – И.А. Молодых, юстиции – А.П. Морозов, управляющий делами Совета министров Г.К. Гинс, государственный контролер Г.А. Краснов, начальник почт и телеграфов Е.А. Цеслинский и помощник управляющего делами Совета министров Т.В. Бутов.

[Слушали:] 5. Представление управляющего делами Совета министров об учреждении Совета Верховного правителя.

[Постановили: 5.] 1) В целях достижения единства воли и действий между Верховным правителем и Советом министров и для рассмотрения дел, подлежащих непосредственному ведению Верховного правителя, признать желательным учреждение при Верховном правителе под его председательством совещательного органа, именуемого Советом Верховного правителя, в составе председателя Совета министров или его заместителя, министра внутренних дел, министра иностранных дел и министра финансов.

2) Управление делами Совета Верховного правителя возлагается на управляющего делами Совета министров и Верховного правителя.

Председатель Совета министров Петр Вологодский.

Члены Совета министров: Л. Устругов, Г. Краснов, Ю. Ключников, Л. Шумиловский, И. Михайлов, Н. Щукин, С. Старынкевич, Г. Гинс, А. Гаттенбергер.

Помощник управляющего делами [Совета] министров и Верховного правителя Т. Бутов.

ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 8–9.

Машинописная копия.

*Статья поступила
в редакцию 18.04.2012*

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).048+930.85

Н.Н. ТАБАТЧИКОВ

ОБ ИЗДАНИЯХ МОСКОВСКОГО ПЕЧАТНОГО ДВОРА 1640-х гг. В СИСТЕМЕ АВТОРИТЕТОВ РАННЕГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА*

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: archeografia@gmail.com

В статье рассматривается один из аспектов изучения книжной культуры старообрядцев – их отношение к изданиям Московского печатного двора 1640-х гг. Анализ старообрядческих сочинений и сборников, составленных во второй половине XVII в., показал, что уже первое поколение защитников старого обряда не только обратилось к текстам этих московских изданий, но и постаралось доказать их авторитетность.

Ключевые слова: старообрядчество, рукописные сборники, авторитетный текст, старопечатные книги, эсхатология.

Использование старообрядцами старопечатных и рукописных книг в дискуссиях с официальной Церковью всегда привлекало внимание ученых. Особенно подробно освещено обращение защитников старого обряда к рукописному наследию Древней Руси [1; 2]. Н.Н. Покровским был впервые поставлен вопрос о необходимости и важности для изучения старообрядчества исследовать становление системы их книжных авторитетов [3]. В этой связи представляется весьма актуальным уточнить наши представления о месте и роли старопечатной книги в данной системе.

Противники церковной реформы использовали в качестве свидетельства о неправомочности нововведений в обряд и богослужебную практику не только рукописи, но и издания Московского печатного двора, многие из которых, особенно издания 1640-х гг., вполне соответствовали этим задачам.

В 1640-х гг. Русская церковь попыталась найти выход из поразившего общество духовного кризиса, обратив внимание на религиозное просвещение населения, важнейшей частью которого было ознакомление с эсхатологическим учением [4, с. 38–54]. С этой целью Московским печатным двором был издан ряд сочинений соответствующей направленности. Ярким примером такого рода следует назвать издание «Сборника из 71 слова» (М., 1647)¹, включившего корпус святоотеческих произведений, в том числе и сочинений эсхатологического характера. В 1644 и 1648 гг. Московским печатным двором были опубликованы сборники «Кириллова

книга» и «Книга о вере»², в которых были отражены эсхатологические построения, сформулированные православными авторами Киевской митрополии. В них содержалось предсказание о «последнем отступлении», которое якобы должно произойти в России в 1666 г.

В изданиях Московского печатного двора 40-х гг. XVII в. в качестве русской традиции был представлен вариант вероучения, сформулированный православными авторами родственной митрополии в конце XVI – начале XVII вв., в период их противостояния сторонникам Брестской унии. В этих трудах многие вопросы православного вероучения излагались в том варианте, который отстаивали противники церковной реформы, в частности, утверждалось двуперстие. После реформы, начатой патриархом Никоном, эти тексты стали использоваться в качестве аргументов противниками нововведений. Официальная Церковь попыталась объявить их содержание несоответствующим ортодоксальному варианту православия. В обществе возникла дискуссия по этому поводу. Защитникам старого обряда удалось перед лицом официальной Церкви отстоять авторитетность двух московских изданий. Получить представление о процессе включения изданий Московского печатного двора 1640-х гг. в систему книжных авторитетов старообрядчества позволяет обращение к сочинениям и сборникам, составленным во второй половине XVII в.

В одном из первых сочинений в защиту старого обряда – Трактате о двуперстии Герасима Фирсова, в качестве аргументов в основном фигурируют ссылки на старопечатные книги. Автор сочинения опирался прежде всего на статью

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ (НШ – 2318.2012.6).

¹ Описание издания см.: [5, с. 65].

² Описание изданий см.: [5, с. 59, 67].

о крестном знамении, напечатанную сначала во вводной части к Псалтири (М., 1641)³, а затем в качестве 14-й главы московского издания «Кириллова книга» (М., 1644). При этом Герасим Фирсов точно указал на поле первоисточник, к которому апеллировал, обратив внимание читателей и на другое московское издание – «Книгу о вере» (М., 1648), также содержавшее статью о двуперстии: «Псалтырь друкарни московской 7150 году, Книга Кирила Иерусалимского, слово о кресте, глава 14, Книга новая о вере, глава 9»⁴.

Автор Трактата о двуперстии либо процитировал, либо сослался на тексты старопечатных книг, которые впоследствии будут положены в основу идеологии этого религиозно-общественного движения. Чтобы сделать свою аргументацию еще более убедительной, Герасим Фирсов после текстов, воспроизведенных из московских изданий 1640-х гг., привел свидетельства из других источников, в частности фрагмент 31-й главы Соборного уложения 1551 г., в которой зафиксирована русская традиция совершения крестного знамения. Возможно, процитировав текст из 31-й главы Стоглава, автор попытался показать соответствие русской традиции текстов московских изданий 1640-х гг., основу которых составили южнорусские сочинения.

Завершая Трактат о двуперстии, автор еще раз обратился к читателю с призывом «внимательно почести» книги, в которых утверждалось в качестве единственной формы перстосложения двуперстие:

«Подобне же и согласно сим обретается, и во инех священных книгах <...> в книге святого Кирила Иеросалимского, в ней же собрано многих святых отец писания о святей Троице и на еретики, о кресте глава 14, в книге, иже о вере, о кресте глава 9 <...> их же, множества ради, не положих zde. Усердствуяй же да не обленится самая оны книги внимательне почести, и обрящет во всех тех согласно вышеписанным zde о предлежащей вине»⁵.

Весьма примечательно, что московские издания «Кириллова книга» и «Книга о вере» были названы автором наряду с другими книгами – «священными». Сочинение Герасима Фирсова, ставшее очень популярным у последующих поколений защитников, не только активно переписывалось, но и дополнялось новыми аргументами. Примером тому может служить составленный Геронтием Соловецким⁶ сборник, в первой части которого приведены фрагменты наиболее авторитетных текстов из древних рукописей и старопечатных книг. Основу подборки цитат, посвященной форме перстосложения, составили фрагменты из сочинения Герасима Фирсова. При этом составитель сборника постарался подкрепить тексты московских изданий ссылками на древнейшие рукописи. Геронтий Соловецкий, опираясь на сочинение своего предшественника, значительно расширил круг цитат, в том числе и из московских изданий 1640-х гг.⁷

³ Об использовании этой статьи в дониконовских изданиях Псалтири подробно см.: [6, с. 149].

⁴ Герасим Фирсов. «О сложении перстов, еже которыми персты десныя руки подобает всякому православному христианину воображати на себе знамение честнаго креста» // Никольский Н. Сочинения соловецкаго инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам. (Памятники древней письменности и искусства. Т. 188). С. 153.

⁵ Там же. С. 171.

⁶ РГБ, собр. Егорова, № 706.

⁷ Об этом подробно см.: [7].

Обращение к сочинениям и сборникам, составленным первыми защитниками старого обряда, свидетельствует, что проблема авторитетности старопечатных книг сразу оказалась в центре внимания противников церковной реформы. Уже первые защитники старого обряда попытались обосновать особую значимость текстов московских изданий 1640-х гг. и ввести их в круг авторитетных. Несколько расширить наши представления об отношении первого поколения защитников старого обряда к московским изданиям указанного периода позволяет обращение к сборнику РГБ, собр. Музейное, № 1422 (конец XVII в., 4°, 348 л.)⁸. Этот сборник посвящен теме, ключевой для защитников старого обряда – о характере переживаемых времен и необходимости защиты «отеческого предания» в наступившие «последние времена». Сборник примечателен еще и тем, что относится к периоду, когда старообрядчество из внутрицерковной оппозиции стало превращаться в широкое религиозно-общественное движение. Анализ его содержания позволяет проследить, каким образом уже во второй половине XVII в. московские издания 1640-х гг. стали основополагающими для представителей этого религиозно-общественного движения.

Сборник, за редким исключением, составлен из текстов, воспроизведенных из старопечатных книг. Открывают его святоотеческие сочинения на эсхатологическую тему: фрагмент «Слова Кирила Александрийского о исходе души от тела и о Втором пришествии»⁹; приписываемого папе Римскому Ипполиту «Слово в неделю мясопустную о скончании мира, о антихристе и о Втором пришествии»¹⁰; «Слово Палладия мниха о Втором пришествии, о страшном суде, о будущей муке и о умилении души»¹¹. Эти сочинения давали общее представление об основных вопросах эсхатологического учения – о лице антихриста и времени его появления, о Страшном суде и др. Как свидетельствует запись на л. 10 сборника, эти сочинения воспроизведены составителем из изданного на Московском печатном дворе «Сборника из 71 слова» (М., 1647). Представляется особенно важным, что составитель сборника РГБ, Музейное собр., № 1422 обратился не к рукописной традиции указанных сочинений, имевшей на Руси длительную историю, а к текстам, напечатанным в московском издании 1640-х гг. Он даже сохранил тот порядок, в котором они были напечатаны в издании 1647 г.

Эсхатологическая тема, обозначенная составителем сборника в сочинениях, которые воспроизведены из «Сборника из 71 слова», была продолжена выписками из другого издания Московского печатного двора – сборника «Кириллова книга» (М., 1644). На л. 151–159 сборника помещена подборка цитат из напечатанного в составе «Кирилловой книги» «Сказания на осьмый век...» В нем были изложены основные идеи православного эсхатологического учения, сформулированные авторами Киевской митрополии. Краткие выписки из «Сказания на осьмый век...» позволили составителю сборника высказать ключевые для защитников старого обряда идеи, в том числе мысль о наступлении «антихристовых» времен. С помощью цитат из этого сочинения были описаны «знамения», которые по христианскому вероучению должны предшествовать концу света. Особое внимание акцентиро-

⁸ РГБ, собр. Музейное, № 1422 (конец XVII в., 4°, 348 л.) (описание рукописи см.: [8, с. 248–250]).

⁹ Там же. Л. 1–8 об.

¹⁰ Там же. Л. 10–45.

¹¹ Там же. Л. 45 об. – 65.

валось на том, что признаком пришествия антихриста будет отступление от веры. В конце составитель поместил цитату из «Кирилловой книги» (л. 30), обозначив очень важную для защитника старого обряда мысль о необходимости соблюдения «отеческого предания» в наступившие времена:

«Л. 30. Аще кто в той седми вселенскими соборы утверженной правде пребудет, спасен будет, якоже пишет. А кто отступит, или в чем порушит, погибнет вовеки...»¹²

Тему сохранения «отеческого предания» в «последние времена» составитель сборника продолжил выписками из посланий патриарха Мелетия Александрийского, созданных в конце XVI в. с целью поддержать православное население Киевской митрополии в его противостоянии инославным в период заключения Брестской унии, которые были также напечатаны в составе сборника «Кириллова книга». Составитель выбрал в основном те фрагменты, в которых шла речь о необходимости соблюдения «истинной веры» и сохранения «отеческого предания».

Лейтмотивом сборника являлась мысль о сохранении «отеческого предания» в «последние времена». Логичным представляются помещенные далее на л. 167 об. – 183 об. цитаты из «Кирилловой книги», посвященные эсхатологической теме. Эту подборку цитат предваряет запись составителя:

«Прими сие малое писанище, о пречестнейший читателю и возлюбленный мо[й] [в]о Христе приятелю, выписано из печатных книги перечнями малыми моими многогрешными руками. Изми ми грешнику веру, ей, ей в [жизню?] правду тебе глаголю, – слово в слово исписано, яко же и в книзе напечатано без всякия премены от ему же и прилогу и веруй истинно и несумнено сему отеческому преданию и храни его, яко зеницу своего ока, и будеши истинный христианин»¹³.

Как свидетельствует запись писца, эту подборку цитат «истинному христианину» следовало рассматривать как «отеческое предание».

Старообрядческий книжник постарался убедить читателей в правомерности подобного отношения к этому тексту. В первую очередь он обратил внимание на следующие обстоятельства: выписки были сделаны «перечнями малыми» именно из «печатных книги». Далее составитель сделал акцент на том, что «в книзе напечатано без всякия премены», и что он точно придерживался текста московского издания – «слово в слово исписано». В завершение автор призвал читателя доверять написанному: «...веруй истинно и несумнено сему отеческому преданию и храни его, яко зеницу своего ока, и будеши истинный христианин».

Обращение к старообрядческим сочинениям и сборникам показало, что уже первому поколению защитников старого обряда удалось не только доказать соответствие изданий Московского печатного двора 1640-х гг. православной традиции, но и показать их особое место в системе книжных авторитетов. Защитники старого обряда конца XVII в., формулируя свою позицию, опирались в основном на тексты старопечатных книг. Уважительное отношение старообрядцев к изданиям Московского печатного двора сохранилось и впоследствии. Об этом свидетельствует тот факт, что староверы не только использовали их при составлении своих сочинений и сборников, но и неоднократно переиздавали в конце XVIII в. как, например, «Сборник из 71 слова»¹⁴, «Кириллову книгу»¹⁵ и «Книгу о вере»¹⁶.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поздеева И.В. Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества (первый период) // История СССР. 1988. № 1. С. 84–99.
2. Беляева О.К. К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода позднего феодализма. Новосибирск, 1990. С. 9–16.
3. Покровский Н.Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. Вып. 14. С. 19–40.
4. Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007.
5. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв.: сводный каталог. М., 1958.
6. Вознесенский А.В. К истории дониконовской и никоновской книжной sprawy // Никон и его время. М., 2004. (Тр. ГИМ; Вып. 139).
7. Гурьянова Н.С. «Книга» Геронтия Соловецкого // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 3–21.
8. Музейное собрание рукописей: описание. М., 1961. Т. 1.
9. Вознесенский А.В. Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII – начала XIX в.: Каталог. Л., 1991.

Статья поступила
в редакцию 19.04.2012

¹² Там же. Л. 158 об.

¹³ Там же. Л. 167.

¹⁴ Сборник. Почаев, 1782; Почаев, 1787; Львов, 1793 (описание издания см.: [9, с. 26–27, 132, 134]).

¹⁵ Кириллова книга. Гродно, 1786; 1791 (описание издания см.: [9, с. 125, 127]).

¹⁶ Книга о вере. Гродно, 1735; 1785 (описание издания см.: [9, с. 125, 143]).

УДК 94(574.42)

А.С. ЖАНБОСИНОВА

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

д-р ист. наук
Восточно-Казахстанский госуниверситет
им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск
e-mail: sovetuk@rambler.ru

Автор рассматривает репрессивную политику, направленную против советского народа, анализирует статистические данные, полученные в ходе изучения архивных материалов по Восточному Казахстану, прослеживает их динамику, выделяя группу обвинений, предъявляемых репрессированным в годы Великой Отечественной войны. Результатом проделанной автором работы является введение в научный оборот новых архивных документов и статистических данных по репрессивной политике в Восточном регионе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, репрессии, арест, обвинение, статья, НКГБ, этнодепортация, дезертиры, шпионаж, спецпоселенцы.

Следствием любых военных действий и военной обстановки являлись репрессии. Любое проявление недовольства, сопротивления и саботажа в годы военных действий воспринимались репрессивным аппаратом как контрреволюционный акт, направленный на покушение на государственную власть. Наказание следовало немедленно. В годы Отечественной войны силовые структуры получили практически неограниченную свободу действий. В глубокое тылу практиковались акции, направленные как против конкретных лиц, так и групп депортированного населения. Целью данной публикации является анализ структуры и динамики репрессивной политики в военные годы на материалах Восточного Казахстана с привлечением ранее недоступных историкам документов и материалов, хранящихся в ведомственных архивах. Общий объем просмотренных следственных дел с 1920 до 1953 г. составил около 7 тыс. единиц хранения.

Великая Отечественная война вызвала к жизни принятие целого ряда документов, регламентировавших как жизнь в стране в целом, так и действия войск НКВД. Законодательные акты принимались как на самом высоком уровне, так и на уровне отдельных фронтов. Основой правовой деятельности силовых ведомств стали указы Президиума Верховного Совета СССР, постановляющие документы СНК и ЦК ВКП(б), приказы и директивные инструкции НКВД СССР, НКГБ СССР, ГУКР «Смерш». Основное содержание репрессивной политики по-прежнему регламентировалось Уголовным кодексом 1926 г.

Анализ архивных материалов, хранящихся в Департаменте Комитета национальной безопасности РК по ВКО (ДКНБ РК по ВКО), позволяет говорить о действии уже в предвоенное время особого правового режима, ужесточенного с началом войны. Все предъявленные репрессированным с 1940 г. по начало 1945 г. обвинения можно сгруппировать в следующие категории: 1) антисоветская агитация порождающего характера; 2) вредительская и шпионско-диверсионная деятельность; 3) измена родине и подготовка

акта к измене; 4) контрреволюционная агитация и саботаж; 5) нахождение в плену; 6) недонесение о преступлении; 7) причастность к какой-либо организации антисоветского, контрреволюционного, националистического, религиозного характера; 8) члены семьи изменника родины.

В долевым отношении перечисленные выше категории подвергшихся аресту распределились следующим образом: 61 % репрессированных причислялся к первой группе, 10 % – ко второй, 7 % – к четвертой, по 6 % – к седьмой и восьмой, 5 % – к третьей, 3 % – к пятой, 2 % – к шестой группе¹.

Почти 2/3 репрессированных обвинялись по ст. 58-10 в «антисоветской агитации» («АСА»), трактованной крайне широко. Под нее подводились и тем самым криминализировались не столько действия, сколько настроения или поведение людей, недовольных экстремальными условиями жизнедеятельности. Массовость репрессированных по указанной категории свидетельствовала о широкой распространенности этих настроений, равно как и о жесткости наказаний как меры устрашения. Так, в письме секретаря ЦК КП(б) Казахстана Скворцова от 12 сентября 1942 г. «о борьбе с распространением провокационных слухов и усилении агитационно-массовой работы среди колхозников, рабочих МТС и совхозов» отмечались факты «враждебной антисоветской» работы, якобы направленные на затяжку уборки урожая и срыв хлебазаготовок. Ее носителями объявлялись «контрреволюционные, байские элементы из раскулаченных, спецпереселенцы», которых требовалось «выявлять, разоблачать и передавать материалы судебным органам»². «АСА», несмотря на директивы по ее пресечению, продолжала устойчиво фиксироваться и после войны, о чем свидетельствовало закрытое письмо руководства Восточно-

¹ Подсчитано нами на основании следственных дел, хранящихся в Архиве Департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по Восточно-Казахстанской области (ДКНБ РК по ВКО). Ф. 1.

² Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГА ВКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 772. Л. 45.

Казахстанского обкома секретарям райкомов партии от 15 сентября 1945 г., где говорилось, что «...за последнее время в отдельных районах и колхоза участились факты проявления антиколхозного настроения...»³.

«Вредительская и шпионско-диверсионная деятельность» (ст. 58-6, 58-7, 58-9) – термин, весьма востребованный чекистами в пик «Большого террора», вновь приобрел актуальность в годы войны: доля группы обвиненных по этим статьям УК составила 10 %. Следует отметить, что в Восточном Казахстане обвинения в «шпионаже в пользу Германии» в рассматриваемый период составляли ничтожный процент, в предвоенные годы их было значительно больше.

Обвиненные в «контрреволюционном саботаже и диверсиях» (7 %) подвергались репрессиям на основе действия государственных указов от 26 июня и от 10 июля 1940 г. Любое экономическое правонарушение, нарушение производственного процесса, обычная поломка детали и прочие проступки в условиях военного времени могли трактоваться как заранее спланированный диверсионный акт или саботаж – седьмая и восьмая группы (по 6 % каждая). В чрезвычайных обстоятельствах аппарат НКВД нацеливался на постоянный поиск потенциальных врагов государства, занимавшихся организацией контрреволюционной или диверсионной деятельностью. Составлявшие восьмую группу подвергались репрессиям автоматически – за причастность к семье «врага народа», за родственные связи, в обвинительной части у представителей этой группы писалось – «член семьи изменника родины».

Третья, пятая и шестая группа (с показателями 5, 3 и 2 % соответственно) обвинялись в «измене родине» или «подготовке акта к измене», в «нахождении в плену», «недонесении о преступлении». Эти группы вобрали в себя широкий и пестрый состав – от дезертиров до членов семей попавших в плен. Что касается шестой группы, то репрессиям подвергались члены семей, которых обвиняли в факте сокрытия преступления, в укрывательстве преступника и пр. Арест представителей пятой группы происходил согласно приказу от 16 августа 1941 г. за № 270: попавшие в плен считались злостными дезертирами, а члены их семей подлежали аресту. Еще 1 июля 1941 г. было принято Положение о военнопленных, утвержденное постановлением СНК за № 1798-800 с; оно закрепило наказания, предусмотренные в советском законодательстве статьями УК РСФСР в редакции 1926 г. [1].

По материалам ГА ВКО можно выделить две группы дезертиров: первая включала лиц, уклонявшихся от военной службы, вторая – уклонявшихся от работы на военно-промышленных объектах. К «дезертирам промышленности» (так их называли в сводках УНКГБ) чаще всего относились спецпереселенцы, не выдерживавшие тяжелых условий труда. Так, массовое дезертирство наблюдалось в Риддере, в частности на Сокольном руднике и Свинцовом заводе, где во втором квартале 1943 г. произошло 113 побегов⁴.

На основании постановления СНК СССР от 29 июня 1944 г. областной суд Восточного Казахстана обязан был рассматривать дела на «дезертиров промышленности», привлекаемых по Закону от 26 декабря 1941 г., в трехдневный срок, однако вследствие большого количества пойманных

дезертиров УНКГБ области не успевало этапировать заключенных в суд.

На основе анализа архивных дел нами выделено 207 следственных дел по военным служащим, или 3 % из всего блока изученных нами дел⁵. Большая часть военнопленных была приговорена к 10 годам лишения свободы – 62 %, к высшей мере наказания – 15 %, 9 % – к восьми годам, 7 % – к семи и пяти годам лишения свободы⁶. В обвинительной части указывались «антисоветская пропаганда», «измена родине», изредка встречается «шпионаж» и «нахождение в плену». Все следственные дела рассматривались особыми отделами войсковой части, к которой были прикреплены подследственные, а приговоры выносились Военным трибуналом. Информация по следственному делу после вынесения приговора отправлялась в НКВД–НКГБ по месту призыва военнопленного, т. е. по месту его жительства. По анализируемым нами делам она посылалась в УНКВД по ВКО.

В изучаемое время произошло значительное ужесточение наказаний за преступления, в мирное время наказания за аналогичные преступления были более мягкими. В частности, за антисоветскую агитацию с пропагандой отколевки из колхоза, нахождение в плену, хранение листовок с антисоветским содержанием, газет времен Колчака, прием вражеских радиопередач – в военное время приговаривали к высшей мере, тогда как до войны за это устанавливались сроки наказания от 3-х до 10 лет.

Распределение репрессированных в ВКО по вынесенным приговорам в военное время показало, что 50 % из числа осужденных были приговорены к 10 годам лишения свободы, 24 % – к высшей мере, 9 % – к пяти годам лишения свободы, 8 % – к 8 годам. Как правило, большинство лиц, обвиненных как ЧСИР, приговаривались к пяти годам⁷.

Пик арестов (30 %) пришелся на вторую половину 1941 г., что объясняется началом военных действий и первыми неудачами на фронтах, ростом «пораженческих настроений» среди населения, а также поиском потенциальных членов «пятой колонны». В 1942 г. арестов – 25 %, что свидетельствует о некоторой стабилизации политических настроений в обществе. Уменьшение показателей произошло к 1944 г. (9 %) и некоторый рост отмечается в 1945 г. (11 %), что объясняется появлением новых категорий «спецконтингента», в том числе бывших в плену, репатриантов и др. Распределение репрессированных в ВКО в военные годы по национальностям указывает на близость значений доли репрессированных русской и казахской национальностей (40 и 37 % соответственно)⁸.

В военные годы контингент спецпереселенцев в ВКО существенно пополнился за счет этнодепортаций. Отсюда появление среди репрессированных чеченцев, немцев (14 и 2 % соответственно). Они обвинялись в выдвигании требований за возвращение на Родину, в антисоветской агитации, саботаже и контрреволюционных деяниях. Силловые структуры, а за ними и местная власть, и население рассматривали их как потенциальных контрреволюционеров, способных к активным политическим действиям. За ними устанавли-

⁵ Процент подсчитан автором на основании следственных дел репрессированных в 1941–1945 гг. – ДКНБ РК по ВКО.

⁶ То же.

⁷ То же.

⁸ То же.

³ Там же. Д. 3315. Л. 48.

⁴ Там же. Д. 1538. Л. 51.

вался разветвленный контроль, что позволяло чекистам владеть информацией о поведении спецпереселенцев, об их высказываниях и пр. Депортированные попадали в тяжелые условия, оказывались на грани выживания, а естественное желание вырваться из этих условий расценивалось как политический протест.

В Центре правовой статистики и информации при Прокуратуре ВКО хранится документация по спецпоселенцам Восточного Казахстана. Анализ ее содержания показал, что репрессивная политика в отношении данной категории имела всеобъемлющий характер: не только аресты, но и постоянный контроль за поднадзорными – регистрация и явки в спецкомендатуру, учет миграционных передвижений, демографических изменений. Разнообразную информацию для реконструкции карательных акций содержат объяснительные спецпоселенцев по тем или иным конкретным случаям нарушения режима поселения, а также протоколы судебных заседаний, касающихся наказания лиц, совершивших правонарушения.

Спецпереселенцы с Кавказа попадали в непривычные климатические условия, выполняли тяжелую физическую работу, жили в непригодных помещениях. Антисанитария, нехватка продовольственных пайков, теплой одежды, высокая смертность приводили к появлению в их среде озлобленности, враждебности, имелись случаи открытых выступлений⁹. Позиция председателя колхоза «Красная Нива» как нельзя лучше показывает отношение местного руководства к спецпереселенцам: «Спецпереселенцев надо расстрелять и утопить в речке, т. к. есть чем заниматься и без них»¹⁰. Для того чтобы выжить, некоторые становились на путь грабежа и убийства, о чем свидетельствуют архивные материалы. В сводках НКГБ сообщалось об арестах депортированных чеченцев, обвиняемых в грабежах и насилии¹¹. Правоохранительным органам приходилось не только искать «черную кошку в черной комнате», но и бороться с реальными преступными бандитскими формированиями, активизировавшимися в годы войны, занимавшимися грабежами мирного населения, складов, магазинов.

Выявленные нами статистические данные по Восточному Казахстану подтверждают общую направленность, масштабы и динамику репрессий, осуществлявшихся в целом по стране. Анализ региональных статистических данных свидетельствует, что на 1930–1940 гг. приходится 77 % репрессированных, на военные 1941–1945 гг. – 13, на послевоенные

1946–1953 гг. – 9 %. Если взять за основу «Справку спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК–ОГПУ–НКВД СССР в 1921–1953 гг.», датированную 11 декабря 1953 г. и подписанную и. о. начальника 1-го спецотдела полковником Павловым, то выясняется, что осуждению во внесудебном порядке подверглось 2 849 875 чел. [2, с. 433]. Отсюда удельный вес репрессированных в Восточном Казахстане составляет 0,30 %¹².

Восточный Казахстан вследствие географического, этнического, экономического своеобразия являлся отнюдь не маловажным регионом страны. Его значимость определялась пограничным (географическим) фактором – близостью границ с Китаем, этническим – смешением казахского и русского населения, компактным проживанием, экономическим – сосуществованием различных форм ведения хозяйства. Отметим, что эта специфика экономической жизни порождала различные формы протеста – от стихийных до массовых крестьянских восстаний, которые в основном и дали для региона в довоенные годы два пика репрессий – 1930–1931 и 1937–1938 гг. Новый пик пришелся на 1941–1942 гг. Последующее снижение динамики репрессий означало, с одной стороны, ликвидацию активной части общества, выступавшей против насилия власти, а с другой – переход недовольных к пассивным формам протеста. Наличие депортированного населения в регионе и его приток в годы войны создали прецедент вторичных репрессий (аресты представителей депортированного населения в Восточном Казахстане, повторная их ссылка в другие районы). Этот феномен можно рассматривать как «репрессивное эхо войны».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ивашов Л., Емелин А.* Нравственные и правовые проблемы в отечественной истории // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 44–49.
2. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917–1960 гг. / Международный фонд «Демократия»; сост. А. Кокурин, Н. Петров; науч. ред. В. Шостаковский. М., 2000. 855 с.

*Статья поступила
в редакцию 26.01.2012*

⁹ ГА ВКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2750. Л. 14.

¹⁰ Там же. Д. 3420. Л. 20.

¹¹ Там же. Ф. 462. Оп. 4. Св. 10. Д. 88. Л. 4.

¹² Подсчитано автором с учетом общесоюзного и регионального показателей.

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СИБИРЬ И РУССКАЯ АМЕРИКА»

2012-й год объявлен Годом российской истории. Значим он и для всех интересующихся историей Русской Америки. 200 лет назад Российско-Американская компания (РАК), имевшая монопольные права и привилегии в северной части Тихого океана, значительно расширила свои колониальные границы на юго-восток: в 1812 г. была основана самая южная в Северной Америке российская крепость Росс, получившая затем название – форт Росс.

26–28 марта 2012 г. в Иркутске состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Сибирь и Русская Америка». Организаторами ее стали администрация Иркутской области, Иркутская митрополия, Иркутское отделение РГО и исторический факультет ИГУ. В ее работе в очной и заочной формах приняли участие исследователи из Москвы, Иркутска, Рязани, Вологды, Курска, Петропавловска-на-Камчатке, Архангельска и Кемерово. Всего 24 чел., в том числе 16 докторов и кандидатов наук.

Целью конференции стало научное обсуждение и осмысление широкого спектра проблем, связанных с историей формирования Русской Америки, местом и ролью Иркутска в промышленном освоении северной части Тихого океана и в создании Российско-Американской компании.

Были заявлены три основных направления работы конференции:

- научное изучение северо-востока Сибири и Северной Америки в XVIII–XX вв.;
- Сибирь и Русская Америка;
- миссионерский подвиг Русской Православной Церкви на Аляске и островах северной части Тихого океана.

Иркутск не случайно был выбран местом проведения конференции. Со второй половины XVIII в. он превратился в своеобразную базу промышленного освоения островов Тихого океана и Русской Америки. Здесь формируются купеческие компании, заключаются торговые сделки, нанимаются промышленные люди. В Иркутске почти постоянно проживали устюжские купцы И. Бахов и Н. Шалауров, тотемские А. Холодилов, братья Пановы, курский И. Голиков, рыльский Г. Шелихов, каргопольский А. Баранов, якутский П. Лебедев-Ласточкин и другие «колумбы Росские». Иркутская земля стала родиной и местом становления духовного подвижника Русской Америки святителя Иннокентия Вениаминова (митрополита Московского). Наконец, в Иркутске зародилась и организационно оформилась идея создания мощной объединенной компании – будущей Российско-Американской компании.

С приветствиями к участникам конференции обратились председатель регионального отделения РГО, заместитель директора Института географии СО РАН, д-р геогр. наук Л.М. Корытный, директор областного краеведческого музея Л.М. Колесник, настоятель Михаило-Архангельской (Харлампиевской) церкви протоиерей Евгений (Е.Н. Старцев).

Тон работе конференции задал в обобщающем докладе «Переосмысление и новые ориентиры в изучении Сибири и Русской Америки» ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, д-р ист. наук А.Ю. Петров. Подведя итоги изучения темы в последние годы, он заявил о необходимости расширять

проблематику научных исследований Русской Америки, в том числе междисциплинарную. Как положительный факт он отметил, что интерес к представленной теме приобрел международный характер, проводятся международные конференции, создаются научные и общественные объединения, активизируется музейная, выставочная и культурно-просветительская деятельность. В этом контексте высказано пожелание о создании региональных центров изучения истории Русской Америки. Таковые уже созданы или создаются в Вологде, Рязани, Кемерово, предложено подумать об организации подобного центра в Иркутске.

Большой интерес вызвал доклад митрополита Калужского и Боровского Климента (Г.М. Капалин) «Вклад православных миссионеров в распространение и сохранение русской культуры среди народов Аляски». По мнению докладчика, распространение христианства сопровождалось цивилизаторским воздействием на коренное население Аляски. Православные священники принесли на Аляску традиции русского храмового строительства и градостроения, обучали местных жителей ремеслам и прикладным церковным искусствам. Личным примером и разъяснением христианского отношения к труду они способствовали распространению среди автохтонного населения более прогрессивных способов ведения хозяйства, что привело к смене у ряда народов Аляски образа жизни с кочевого на оседлый. Наиболее ярким вкладом православных миссионеров в развитие и сохранение национальных культур является создание письменности народов Аляски, изучение их истории, этнографии и фиксация самобытных элементов культуры.

Своеобразным содокладом прозвучало сообщение иеромонаха Макария (Комогоров) (Москва) «Историческая реконструкция как метод изучения русской культурной традиции во внутренних регионах Аляски». Оно сопровождалось показом видеопленки и слайдов об экспедициях на Аляску под руководством Героя России М.Г. Малахова в 2011 г. (научный руководитель А.Ю. Петров, малаховый – митрополит Климент (Капалин)). Участники экспедиции проехали по индейским поселениям внутренней Аляски, знакомясь с традициями и современным состоянием православных приходов. Было замечено, что православие для коренного населения – не просто традиция, это основа их жизни, образа поведения, отношения к ближнему. Экспедиционные исследования доказали наличие русских элементов в языке и культуре народов Аляски.

Один из организаторов конференции, настоятель Харлампиевского храма в Иркутске протоиерей Евгений (Е.Н. Старцев) выступил с докладом «Крестный ход памяти святителя Иннокентия, митрополита Московского». Доклад сопровождался демонстрацией видеосюжетов и слайдов. Докладчик рассказал о плавании участников паломничества на яхте «Святитель Иннокентий» до Командорских островов, где и состоялся крестный ход. В 2012 г. планируется повторить кругосветное путешествие святителя Иннокентия с заходом в Сан-Франциско и форт Росс. Старший научный сотрудник ИРИ РАН, канд. ист. наук И.А. Курлянский в докладе «Новые документы митрополита Московского Иннокентия

(Вениаминова) об устройении Русской Православной Церкви в Америке (по материалам Архива внешней политики Российской империи)» рассказал о новых документах и записках святителя, которые предполагаются к публикации в семитомном собрании сочинений Иннокентия Вениаминова, которое готовится к печати в издательстве Московской патриархии. Т.А. Крючкова (Иркутск) рассказала об иркутских страницах жизни святителя Иннокентия (Вениаминова). С сообщением на тему «Характер взаимоотношений православных миссионеров и чиновников Российско-Американской компании в конце XVIII – середине XIX в.» выступила ассистент кафедры всеобщей истории Вологодского государственного педуниверситета Ю.С. Егорова. Среди прочего она остановилась на деятельности священника Тихона Шаламова (отца великого русского писателя) на Аляске.

В выступлениях И.В. Савельева (Архангельск) и Л.А. Глацковой (Иркутск) были освещены исторические особенности формирования русских национальных традиций у коренного населения Аляски и Северной Калифорнии. В ряде докладов были представлены малоизвестные страницы деятельности Российско-Американской компании в заокеанских колониях. Так, А.В. Зорин (Курск) проанализировал различные версии и слухи о крушении «Невы» в январе 1813 г. А.Н. Ермолаев (Кемерово) обратил внимание на участие солдат из числа сибирских линейных батальонов в событиях на Аляске в 1850–1860-х гг. Несколько особняком выглядел доклад Т.В. Воробьевой (Петропавловск-Камчатский), посвященный характеристике работ известного ученого Дж.Р. Гибсона. Основное внимание ему было уделено работам канадского историка по экономике Русской Америки, в том числе по проблемам продовольственного обеспечения колоний Российско-Американской компании. Об опыте создания виртуальной интерактивной экскурсии как современного способа презентации исторической информации на примере музеев Вологодской области рассказал М.А. Туманов (Вологда). Его сообщение сопровождалось демонстрацией видеофильма о роли Вологодчины в становлении и развитии российско-американских связей.

С большим докладом о роли и месте Иркутска в организации промысловых экспедиций и освоении тихоокеанских

территорий выступил В.П. Шахеров. На новом историческом материале он убедительно доказал, что во второй половине XVIII в. Иркутск стал основной базой открытия и освоения Русской Америки. Позиционирование Иркутска как места, где зародилась и создавалась Русская Америка, по мнению докладчика, позволяет сделать эти события своеобразным брендом города, значительно расширить его научно-познавательный и туристический потенциал. В качестве рекомендаций конференции им предложено открыть в Иркутске региональный центр изучения и популяризации Русской Америки, а также поднять вопрос о создании в городе музея истории Русской Америки. В развитие его сообщения прозвучало выступление канд. ист. наук О.А. Горощенковой, посвященное истории создания иркутской навигационной школы и деятельности ее выпускников по открытию и изучению новых территорий на северо-востоке России и в Северной Америке. О необходимости более широкого привлечения материалов Государственного архива Иркутской области рассказала вице-президент детского краеведческого клуба «Иркутск – форт Росс» Е.В. Емельянова. Она привела конкретные документы из архива, рассказывающие об участии жителей Иркутска в морских промысловых экспедициях. Новые сведения о деятельности в Иркутске в качестве смотрителя Сиропитального дома им. Е. Медведниковой супруги последнего коменданта форта Росс Елены Ротчевой прозвучали в выступлении канд. ист. наук, доцента ИГУ Т.А. Перцевой.

Большой интерес вызвало сообщение Н.П. Куклиной об иркутских потомках И.А. Кускова (по линии его брата), а одна из их представительниц студентка Мария Прохорова познакомила присутствующих с генеалогическим древом этой династии и рассказала о судьбе своих родственников в XX в.

Таким образом, представленные на конференции доклады и сообщения позволили обсудить широкий спектр проблем состояния и перспектив научного и краеведческого изучения истории Русской Америки, подчеркнуть актуальность междисциплинарных и экспедиционных исследований, расширения источниковой базы за счет выявления материалов в региональных архивах.

*Канд. ист. наук В.П. Шахеров,
Иркутский государственный университет*

EUGENIUSZ NIEBELSKI.
Tunka. Syberyjskie losy księży
zesłańcyw 1863 roku (Wrocław:
Polskie Towarzystwo Ludoznaw-
cze, Wrocławska Drukarnia Nau-
kowa PAN, 2011. 394 с.: ил.)

Монография польского историка Е. Небельского «Тунка. Сибирские судьбы ссыльных священников 1863 г.» увидела свет в польском городе Вроцлаве, в Научном издательстве Польской академии наук. Книга вышла в издательской серии «Biblioteka Zesłańca», т. 24. Монография посвящена пребыванию польских священнослужителей-ксендзов в Восточной Сибири, а именно в Бурятии, в селении Тунка на протяжении 1866–1875 гг. Издание осуществлено на средства Министерства науки и высшего образования, при финансовой поддержке Люблинского отдела Польской академии наук.

Научная редакция данной книги была осуществлена Антонием Кучиньским, рецензентами выступили Веслав Цабан и Виктория Сливовска, автор вступительного слова к изданию – Збигнев Вуйцик. Одно только перечисление имен этих патриархов польской исторической науки заставляет задуматься о серьезности авторского замысла и исследовательской добросовестности. Для сибирской исторической школы обращение к данной тематике является традиционным [1]: тема присутствия поляков в Сибири была рассмотрена в Институте истории, филологии и философии СО РАН СССР на материалах политической ссылки [2; 3; 4], сибирские историки уделили также внимание месту и роли польских исследователей Сибири, их вкладу в изучение нашего края [5; 6; 7]. Исследования последних лет посвящены количественному анализу материалов сибирских архивных коллекций, выявлению персональных характеристик и общих закономерностей

в механизмах адаптации польских ссыльных и добровольных переселенцев [8; 9].

Исследование польского историка Е. Небельского отличается фундаментальным характером. Первая глава монографии посвящена реконструкции образа ссыльной истории католического духовенства, участвовавшего в восстании 1863 г. Во второй главе представлены хронологически и тематически систематизированные фрагменты дневниковых записей, воспоминаний, личной переписки, а также фотокопии оригинальных документов того времени. Приведенные в третьей главе краткие биографические данные каждого ксендза – участника Тункинской ссылки, вместе с их портретными изображениями, позволяют читателю актуализировать полученную информацию. На цветной вклейке расположены 29 портретов «тункинцев», указано место хранения каждого оригинала фотографии. (Большинство из них находится на хранении в музее г. Варшавы, незначительная их часть – в музее Войска Польского в Варшаве и музее им. Мальчевского в г. Радоме).

Книга снабжена именованным указателем, дан обзор архивных источников, приведена аннотация мемуарного наследия бывших ссыльных. Представляет интерес эпистолярное наследие «ксендзов-тункинцев». Это письма друзьям и родственникам «с этапа»: из Тобольска, Томска, Красноярска, где содержится как описание сибирской природы, так и социального окружения, в том числе драка с уголовными преступниками (с. 169–172). Значительная доля повествования посвящена описанию «повседневных порядков» по пути следования к месту ссылки и во время нахождения в Иркутске, Нерчинске, Чите и собственно Тунке. Наиболее информативны письма ксендзов Станислава Помирского и Станислава Матрася (с. 167–215). Предметом внимания кс. Матрася являлись как события экстраординарного характера, так и рядовые будни. Он описывает публичное отречение «законника Климкевича» в Акатге в апреле 1867 г. не только от сана священника, но и от католической религии, называет его «рenegатом» и заключает: «Бедный человек!» Стремясь объяснить для себя мотивы его поведения, Матрась фиксирует и ответ Роха Климкевича: «Я не ребенок, имею свой разум, знаю, что делаю и не нуждаюсь ни в чьих советах» (с. 200). Нередко письма имеют ироничный характер: Матрась описывает неудачную попытку выпечки хлеба в начале своего пребывания в Тунке (с. 215).

Не все сосланные в Тунку были лишены прав гражданского состояния, часть священнослужителей и монашествующих сохранили литургическое облачение и предметы богослужебной утвари. О молитве и литургии в ссылке писал ксендз Станислав Матрась в своих воспоминаниях (с. 177–178), есть описание навечерия Рождества 1865 г. (с. 201), поименованное «Wigilia w Usolu».

В противопоставление стереотипу о Сибири как «стране холода и мрака», Е. Небельский публикует «парадные» фотографии Иркутска 1879 и 1893 г. из коллекции «Иркутск на почтовых открытках». Автор развенчивает миф о «лагере в Тунке», сложившийся на основе высказывания сандомирского римско-католического епископа Павла Кубицкого, который именуется тункинское поселение «предмогильными сениями». В них оказались «165 ксендзов, из которых живыми остался лишь ничтожный процент» [10, S. 277.]. Польский исследователь, произведя тщательный анализ архивных материалов AGAD (Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie), архива польской провинции доминиканцев в Кракове,

Государственного архива Иркутской области, мемуарного наследия участников Тункинской ссылки, собранного в библиотеке Люблинского католического университета, приходит к выводу о том, что созданный епископом Кубицким образ неоправданно мрачен.

Во-первых, утверждает Небельский, в Тунку свозили духовенство, освобожденное от каторжных работ; несомненно, каторга – наказание более страшное, чем компактное поселение, пусть даже и в Саянских горах. Во-вторых, контингент тункинцев состоял, главным образом, из тех узников Забайкальского края, кто уже побывал прежде в отдаленных местах Иркутской и Енисейской губерний. Соответственно, новое место жительства, расположенное в 200 км к югу от Иркутска, явилось не ужесточением, а послаблением в условиях проживания. В-третьих, побывав в Тункинской долине и убедившись на собственном опыте, автор монографии развенчивает миф о «маленькой деревушке»: отмечает, что она «раскинулась на протяжении десяти верст над Иркутом и его притоками Тункой и Архаликом, здесь жили буряты и располагался отряд казачьих войск... почта в Тунку приходила ежедневно» (с. 35–36). Десять верст для протяженности населенного пункта по сибирским реалиям – довольно значительное пространство. Сегодня Тунка является центром Тункинского муниципального района в Бурятии. В качестве подтверждения своего мнения автор поместил на обложку и в цветную вклейку в книге фотографии Тунки, сделанные им самим во время поездки в 2007 г.

Устоявшийся стереотип о суровостях сибирского климата также подвергается автором сомнению. Из Европы, да и из Центральной России Сибирь кажется единым монолитом холода и мрака. В реальности же Сибирью именуется крупнейший регион, далеко не однородный по своим климатическим характеристикам. Е. Небельский справедливо замечает: «Климат был суровый, зимой морозы доходили до 40 градусов ниже нуля, но они не были мучительными, поскольку при таком большом понижении температуры не было ветра».

Продолжая традицию демифологизации, автор книги утверждает: «Убеждения некоторых историков в том, что священнослужителей поселили сюда за политическую пропаганду в Сибири, не имеет никакого подтверждения фактами. Деревушка заполнялась ссыльными поляками после царских амнистий в 1866 и 1868 гг. На протяжении 1866–1875 гг. сюда прибыло в общей сложности 156 духовных лиц: светских и монашеских» (с. 44). Постоянное наблюдение и контроль полиции, запрещение покидать пределы населенного пункта были обусловлены стремлением сибирских гражданских властей изолировать духовных лиц «от остальных ссыльных поляков, подозревая, не без причины, что они выступают против ассимиляции поляков, а особенно, против заключения смешанных браков» (с. 72). В 1880-е гг. практически все «тункинцы» вернулись на родину, но 16 из них (имена приведены на с. 277) умерли в Тунке и похоронены на местном кладбище.

Отличительной чертой всех сочинений «сибирских поляков» является стремление подчеркнуть значимость своего вклада в освоение Сибирского региона. Данная работа – не исключение. Автор акцентирует внимание на природе и полезных ископаемых края (с. 179 – приводится описание, данное кс. Матрасем). Этнографический обзор «домов, огородов, полей» (с. 208–209) соседствует с характеристикой национального состава жителей Сибири (с. 180–181), с

этнографическим описанием бурят («Буряты», с. 209–210 и «Юрта», с. 210–211).

Подводя итог вышесказанному, нельзя не отметить, что книга Е. Небельского лишена мартирологической окраски, столь характерной для польской истории, выполнена в современных методологических традициях школы национальной памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шиловский М.В.* Рецензия на книгу: Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / Публ., сост., пер., вступл., предисл., ком. Б.С. Шостаковича (Иркутск: Артиздат, 2009) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 92–94.

2. Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–XX в.): сб. статей / под ред. Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 1975.

3. Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.): сб. статей / под ред. Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 1978.

4. Политическая ссылка в Сибири в XIX – начале XX в.: Историография и источники: сб. стат. Новосибирск, 1987.

5. *Бильдзюкевич Г.С.* Живописный альбом с приложением краткого описания замечательнейших видов и местностей на берегах р. Шилки, Амура и Восточного Океана. 1859 / сост., вступ. ст., ком. Е.Н. Туманик. Новосибирск, 2005.

6. Сибирская колония: прошлое, настоящее, будущее: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Томск, 20–23 мая 1999). Томск, 1999.

7. Польские исследователи Сибири: матер. Междунар. науч. конф. (Иркутск, 15–18 нояб. 2008). СПб., 2011.

8. *Островский Л.К.* Поляки в Западной Сибири (1890-е – 1930-е годы). Новосибирск, 2011.

9. *Мулина С.А.* Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб., 2012.

10. *Kubicki P.* Wojownicy kapłani za sprawę Kościoła i Ojczyzny w latach 1861–1915, cz. 1–3. Sandomierz, 1933–1940; Cz. 1. T. 1.

Т.Г. Недзельюк
Сибирский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы

ПАМЯТИ

Дмитрия Яковлевича Резуна
(6 февраля 1945 – 8 июня 2012)

8 июня 2012 г. Институт истории СО РАН понес невосполнимую утрату. После продолжительной болезни ушел из жизни замечательный человек, выдающийся ученый, главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор Дмитрий Яковлевич Резун.

Будущий сибирский историк родился 6 февраля победоносного 1945 г. в Омске. Его мать Надежда Семеновна переехала в Сибирь из блокадного Ленинграда и одна воспитала сына. Ее огромное трудолюбие, оптимизм и стойкость в преодолении жизненных невзгод и испытаний передались сыну, становление которого как личности и ученого происходило в нелегких условиях и требовало полной самоотдачи.

По окончании 8-ми классов Дмитрий Яковлевич вынужден был пойти работать помощником столяра. Одновременно он продолжил учебу в школе рабочей молодежи, вынашивая мечту стать историком. После двух попыток поступить в Московский университет, в 1964 г. он стал студентом Омского педагогического института. В годы учебы проявилась его склонность к исследовательской деятельности. Большое влияние на его становление оказал А.А. Зимин, который был его неформальным научным руководителем.

После завершения учебы в 1968 г. Дмитрий Яковлевич был направлен на работу учителем истории в среднюю школу №1 г. Называевска Омской области. Его яркие, эмоционально насыщенные и увлекательные уроки не оставляли равнодушными даже самых отъявленных двоечников. В этот период им опубликованы первые научные работы о В.О. Ключевском, отмеченные академиком М.В. Нечкиной, и написан черновик

диссертации о взглядах великого историка. Но выход в свет монографии М.В. Нечкиной о В.О. Ключевском показал бесперспективность продолжения работы, что привело соискателя к разработке новой темы.

В 1972 г., по рекомендации А.А. Зимина, Д.Я. Резун принимает в Музей под открытым небом Института истории, филологии и философии СО АН СССР, где продолжилось его формирование как ученого. Сферой его научных интересов становится проблема возникновения сибирских городов и ее историография. В 1979 г. он защищает в Томске кандидатскую диссертацию и публикует первую монографию «Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII в.», положившую начало новому направлению исторического сибиреведения – исторической урбанистике.

1980-е годы для Дмитрия Яковлевича были насыщенными и плодотворными. Он избирается старшим научным сотрудником и заведующим сектором истории феодализма, членом Ученого совета института, секретарем партийного бюро, членом Союза журналистов СССР. Опубликовано шесть монографий, более 300 статей и большие разделы в коллективных научных трудах. Его работы характеризуются широтой научного кругозора и глубиной теоретических разработок. В монографии «Русские в Среднем Причумылье в XVII–XIX вв.» впервые дана комплексная характеристика русского населения Ачинского острога – важного опорного пункта в продвижении вглубь «Киргизской земли». В «Летописи сибирских городов» исследуется история возникновения русских городов Сибири. Результатом кропотливого сбора материалов о людях Сибири, оставивших незабываемый след в ее присоединении и освоении, явился труд «Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях». Итогом этого периода стали защита в 1991 г. в Томске докторской диссертации «История городов Сибири в отечественной русской историографии. XVIII в.» и выход соответствующей монографии.

1990-е годы для Дмитрия Яковлевича стали периодом, когда в полной мере раскрылся его талант исследователя и организатора науки. Он актуализировал многие «забытые» темы, разрабатывал новые концепции и подходы, являлся автором первых комплексных исследований городской экономики Сибири дореформенной эпохи, организатором крупных научных проектов по истории торговли и предпринимательства Сибири, изучению сибирских миграций и фронта. Важным событием стало издание многотомной «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири». Этот уникальный труд осуществлялся в условиях перехода к рынку, финансовых потрясений и идеологического вакуума. Д.Я. Резуну удалось привлечь к работе ведущих историков из многих городов Сибири,

получить поддержку новосибирских бизнесменов. Им подготовлено более 200 статей в этом проекте. Тогда же им была опубликована монография «Городские ярмарки Сибири» (в 2 т.), где в научно-популярной форме показано развитие ярмарочной торговли в до-советской Сибири. В 2002–2005 гг. его сектор издал шесть выпусков «Таможенных книг сибирских городов XVII в.», содержащих богатый материал о состоянии торговли Сибири.

В научных изысканиях Дмитрий Яковлевич стремился к поиску новых сюжетов и методов познания исторических реалий. Пример тому – издание в 2001–2003 гг. трех выпусков «Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVIII–XX вв.: общее и особенное» и одноименной монографии в 2005 г. Кроме того, при его активном участии вышли два сборника «Белорусы в Сибири», посвященные изучению вклада белорусов в освоение Азиатской России.

Как историк и гражданин, Дмитрий Яковлевич остро чувствовал потребность в осмыслении масштабных событий отечественной истории. В 1997 г. им была выполнена конкурсная работа «Может ли Россия построить гражданское общество?», вызвавшая большой общественный резонанс.

В последние годы жизни, несмотря на тяжелую болезнь, он участвовал в проекте «Историческая энциклопедия Сибири», подготовив для нее 68 статей. Признание его заслуг в развитии исторической урбанистики выразилось в приглашении принять участие в написании статьи «Город» для Большой Российской энциклопедии.

Им опубликовано более 1000 работ, в том числе 20 монографий. Его труды получили широкую известность не только в России, но и за рубежом. Он оставил институту свой архив и уникальную картотеку сибирских горожан XVII–XVIII вв.

Следует также отметить внимательное и бережное отношение Д.Я. Резуна к молодежи, его стремление оказывать всемерную помощь начинающим исследо-

вателям, умение видеть в них продолжателей своего дела. Под его руководством было подготовлено и защищено 16 кандидатских и докторских диссертаций. Он преподавал в нескольких вузах Сибирского региона: читал лекции по отечественной истории, истории предпринимательства, вспомогательным историческим дисциплинам, историческому краеведению, истории Сибири в НГУ, Институте экономики и менеджмента, Гуманитарном институте Новосибирска; спецкурсы в университетах Томска, Тюмени, Барнаула, Кемерово, Иркутска, Улан-Удэ. Был председателем и членом ряда аттестационных комиссий. Под его руководством и при его участии написано более 50 рецензий и отзывов, сыгравших важную роль в научном становлении многих сибирских ученых.

Дмитрий Яковлевич был хорошим семьянином. Вместе с женой Татьяной Алексеевной достойно воспитал двух сыновей, дал им высшее образование.

Свою многогранную деятельность он органично сочетал с другими увлечениями: шахматами, моделированием парусных кораблей XV–XIX вв., игрой в молодые годы в театре. Всегда был лидером в дружеских компаниях, активным участником неформального общения, прекрасным рассказчиком. При этом не любил нездоровой научной конкуренции, конъюнктуры и ангажированности.

За большой вклад в развитие исторической науки и образования Д.Я. Резун награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством», премией им. академика В.А. Коптюга, дипломами Российской академии наук, Национальной академии Республики Беларусь и другими наградами.

Дмитрий Яковлевич был и остается для нас не только подлинным ученым-подвижником, но и яркой, неординарной, пассионарной личностью. Светлая память о нем навсегда сохранится в сердцах его многочисленных друзей, коллег, всех, кто общался с ним.

Друзья и коллеги

ПАМЯТИ

Сергея Семеновича Букина
(10 июля 1953 – 8 августа 2012)

8 августа 2012 г. коллектив Института истории СО РАН понес невосполнимую утрату. В возрасте 59 лет после продолжительной и тяжелой болезни скончался доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором истории социально-экономического развития Сергей Семенович Букин.

Сергей Семенович Букин родился в Москве. Его отец Семен Иванович был военнослужащим, мать Екатерина Семеновна продолжительное время работала в бюро рационализации и изобретательства Новосибирского механического завода «Искра». В 1970 г. Сергей окончил среднюю школу № 34 г. Новосибирска и поступил на гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета, который окончил с отличием и был зачислен в очную аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

Его научным руководителем являлся доктор исторических наук, ныне академик Вениамин Васильевич Алексеев. Обучение в аспирантуре завершилось защитой кандидатской диссертации на тему «Рост материального благосостояния рабочих Западной Сибири в период построения развитого социалистического общества (1946–1958 гг.)». После окончания аспирантуры Сергей Семенович работал младшим научным сотрудником сектора общих проблем истории советского общества и рабочего класса ИИФ СО АН СССР под руководством д-ра ист. наук В.А. Алексеева и успешно продвигался по служебной лестнице. В 1985 г. С.С. Букин становится лауреатом Всесоюзного конкурса работ научной молодежи по общественным наукам – за цикл исследований проблем развития социальной сферы, уровня и образа жизни населения Сибири.

Докторскую диссертацию С.С. Букин защитил в 1987 г. по теме «Повышение уровня жизни рабочего класса Сибири в годы упрочения и развития социализма (1946–1960 г.)». Как ведущий сотрудник института, он принимал самое активное участие в подготовке крупных коллективных трудов: «Истории рабочего класса Сибири», «Истории крестьянства Сибири», подготовил и издал несколько крупных индивидуальных монографий, получивших высокую оценку специалистов, а именно: «Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма» (Новосибирск, 1980, в соавторстве); «Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.)» (Новосибирск, 1984); «Индустриальное освоение Сибири: опыт послевоенных пятилеток (1946–1960 гг.)» (Новосибирск, 1989, в соавторстве); «Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.)» (Новосибирск, 1991), разделы в крупных коллективных монографиях.

Научную работу Сергей Семенович успешно совмещал с преподавательской деятельностью на гуманитарном факультете НГУ, а в 1993 г. был утвержден в звании профессора.

В 1990-е гг. С.С. Букин начал разработку нового научного направления – «Вторая мировая война и ее последствия в Сибири», активно включился в международное сотрудничество с научными центрами Германии. В качестве приглашенного профессора он читал лекции в университетах Германии, выступал с докладами на международных конференциях. Многие его работы по новой теме были посвящены исследованию судеб военнопленных Второй мировой войны в Новосибирске, большинство из которых являлись гражданами Германии. Благодаря кропотливым поискам в архивах новосибирский историк прояснил судьбы многих пропавших без вести. С.С. Букин в течение ряда лет поддерживал контакты с «Немецким народным союзом по уходу за солдатскими могилами», своей активной работой с молодежью и родственниками умерших в Новосибирске немцев претворял в жизнь девиз данного союза – «Примирение над могилами».

В 2005 г. за вклад в развитие российско-германских отношений С.С. Букин награжден Кавалерским крестом ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия». После вручения высокой награды на имя директора Института истории СО РАН члена-корреспондента РАН В.А. Ламина пришло письмо от Генерального консула Федеративной Республики Германия М. Грау, в котором говорилось, что эта награда вручена не только лично профессору Букину, но и всему институту за большой вклад в развитие российско-германского научного сотрудничества.

На протяжении последних 14 лет С.С. Букин играл большую роль в развитии крупного подразделения Института истории СО РАН – сектора истории социально-экономического развития. В 1998 г. Сергей Семенович был назначен исполняющим обязанности, а затем избран по конкурсу заведующим сектором, сменив на этом посту члена-корреспондента РАН В.А. Ламина. К этому времени С.С. Букин являлся известным специалистом по истории рабочего класса, изучению условий жизни населения в Сибири в XX в., проводил не имеющие аналогов исследования экологического сознания жителей сибирских городов, опубликовал работы по ряду других актуальных проблем истории Сибири. В сферу его научных интересов входило также изучение социальных проблем и повседневной жизни населения Сибири в XX – начале XXI в.

Под руководством С.С. Букина сотрудники сектора включились в выполнение крупных международных, всероссийских и межрегиональных проектов, а также в подготовку коллективных работ – обобщающих сборников научных трудов по различным проектам, включая интеграционные темы с участием Уральского отделения РАН. Сотрудники сектора принимали активное участие в подготовке таких крупных коллективных трудов института, как «Энциклопедия г. Новосибирска», «Сибирская историческая энциклопедия», а в последние два года – в подготовке многотомной «Истории Сибири».

Сергей Семенович Букин был истинным патриотом своей малой Родины. Проживая в пос. Пашино Новосибирской области, он уделял большое внимание изучению истории поселка и расположенного в нем завода «Искра», на котором трудились его родители. Славному прошлому данного предприятия посвящены две его книги: «Завод “Искра” в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов» (Новосибирск, 2001) и «Искровцы. История

Новосибирского механического завода “Искра”» (Новосибирск, 2002). В них запечатлен трудовой подвиг искровцев в годы войны, созидательная деятельность заводского коллектива в послевоенные десятилетия. Сергеем Семеновичем собраны и опубликованы воспоминания более 40 ветеранов завода, являвшихся носителями его живой истории. Так история завода была представлена через призму личных судеб жителей пос. Пашино.

С.С. Букин опубликовал более 20 индивидуальных и коллективных монографий, а общее количество его научных публикаций приблизилось к 300. Его интересные работы неоднократно печатали зарубежные научные издания. С.С. Букин вел активную деятельность в составе Ученого и Диссертационного советов Института истории СО РАН, редколлегии журнала «Гуманитарные науки в Сибири».

Большое внимание С.С. Букин уделял преподавательской работе – долгое время работал в НГУ, руководил кафедрой социальной работы в НГПУ. Он внес неоценимый вклад в подготовку кадров для исторической науки и высшего образования. Среди его учеников – более 20 кандидатов наук, 10 докторантов воспользовались его консультациями при подготовке диссертаций. Ученики профессора С.С. Букина работают не только в Новосибирске, но и во многих других городах Сибири.

Сергей Семенович обладал замечательными человеческими качествами – эрудицией, организаторскими способностями, открытостью и доброжелательностью характера. Он пользовался всеобщим уважением и огромным авторитетом среди сотрудников института.

Все, кто знал Сергея Семеновича, сохраняют светлую память об этом прекрасном, мужественном человеке, талантливом исследователе, мудром наставнике научной молодежи.

Коллеги и ученики